ПСИХОЗЫ ВЪ ИСТОРІИ.

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи» 1886 г.

Харьковъ. Типографія М. Ф. Зильберберга, Рыбная ул., № 25.

RcA 1 Айрлэнд
Центральная Рабочая Библиотека-Читальня Московского Совета Профессиональных Союзов.
150/Н 79
6111

Dr. Ireland.

ПСИХОЗЫ ВЪ ИСТОРІИ.

Запасн. фонд

Магометъ.—Сведенборгъ.—Лютеръ.—Жанна Д'Аркъ.—Императорскій домъ Римской имперіи.—Магометъ Тохлакъ султанъ Индіи.—Испанская королевская фамилія.—Ксавье, апостолъ Индіи.

Переводъ
М. С. Буба.

Подъ редакціей
Проф. П. И. Ковалевскаго.

1887.

Изданіе журнала «Архивъ психіатріи, нейрологіи и судебной психопатологіи».

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

32/31
/31

391908

Предисловіе къ переводу.

Пониманіе нѣкоторыхъ историческихъ событій весьма много облегчается при примѣненіи къ нимъ психіатрической точки зрѣнія. Сочиненій съ подобнымъ содержаніемъ и въ иностранной литературѣ очень мало, а въ нашей отечественной и того меньше. Появившееся въ прошломъ году на англійскомъ языкѣ сочиненіе D-r Irelland'a „The Blot upon the Brain" представляется весьма интереснымъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, мы не можемъ передать его русской публикѣ цѣликомъ и ограничиваемся только тою частью, которая разсматриваетъ психическую сторону нѣкоторыхъ историческихъ личностей. Думаемъ, что для русской читающей публики эта часть будетъ не лишена интереса.

М. С. Буба. **Проф. П. И. Ковалевскій.**

Харьковъ,
25 Января, 1886 г.

Dr IRELAND.

Аномаліи мозговыхъ отправленій.

Переводъ М. С. Буба.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Галлюцинаціи преимущественно зрѣнія и слуха.

Путемъ введенія къ изложенію послѣдующихъ историческихъ фактовъ, я желалъ бы коснуться, насколько возможно кратко и не грѣша точностью, всего того, что до настоящаго времени намъ извѣстно въ области обмана чувствъ. Читателямъ, недостаточно знакомымъ съ отправленіями нервной системы. эта глава будетъ самая трудная изъ всего сочиненія, но, по прочтеніи ея со вниманіемъ, она облегчитъ пониманіе послѣдующаго.

Мы всѣ знаемъ о существованіи внѣшняго міра, доступнаго намъ по своимъ проявленіямъ. Эти проявленія могутъ измѣняться въ органахъ нашихъ чувствъ, которыми мы научились управлять. Такія особенности чувствованія обусловливаются особеннымъ строеніемъ и безпрерывной дѣятельностью нервной системы, состоящей изъ массы нервныхъ клѣтокъ, зеренъ и нервныхъ волоконъ въ головномъ и спинномъ мозгу и болѣе мелкихъ добавленій, состоящихъ изъ симпатическихъ узловъ и нервныхъ стволовъ. Нервные стволы выходятъ изъ головного и спинного мозга; на своемъ пути они соединяются съ симпатическими узлами, даютъ отъ себя вѣтви туловищу и конечностямъ, далѣе, дѣлясь на мельчайшія нервныя волокна, развѣтвляющіяся повсемѣстно, проникаютъ всѣ ткани организма. Если бы мы могли отдѣлить отъ другихъ тканей всю нервную систему организма, то при этомъ получилось бы полное очертаніе человѣческаго тѣла; также какъ очертаніе сосудистой ткани листа обладаетъ той же формой какъ и настоящій. зеленый листъ, утолщенный въ черешкѣ и утонченный по краямъ. Измѣненія въ воздѣйствіи внѣшняго міра производятъ модификаціи въ нервной системѣ человѣка, которыя, дойдя

до сознанія, производятъ то, что мы называемъ чувствованіемъ. Нервная система можетъ быть возбуждаема также и измѣненіями, происходящими въ самомъ организмѣ, напримѣръ, измѣненіемъ состава крови, внѣшними поврежденіями, вліяніемъ холода, жара и электричества. Каждый нервъ при своемъ раздраженіи производитъ свое собственное и совершенно особое чувствованіе; раздражая нервный стволъ голѣни, получаются ощущенія, относящіяся преимущественно къ стопѣ, раздраженія зрительнаго нерва проявляются въ видѣ свѣтовыхъ лучей,—слуховаго нерва въ видѣ звука. Но измѣненія, имѣющія источникъ въ самомъ организмѣ, должны быть строго отличаемы отъ измѣненій, возникающихъ внѣ организма,—и это обыкновенно не особенно трудно. Мы быстро научаемся различію между такъ называемы объективными или дѣйствительными звуками, происходящими отъ вибрацій воздуха во внѣшнемъ мірѣ, и субъективными звуками, каковые наприм. шумъ и жужжаніе въ ушахъ,—или дѣйствительное измѣненіе въ преломленіи лучей свѣта въ глазу отъ летающихъ мушекъ. На периферіи тѣла, нервы болѣе подвержены раздраженію, чѣмъ на своемъ пути отъ периферіи къ головному или спинному мозгу, гдѣ они очень защищены и прикрыты другими тканями, почему раздраженіе ихъ стволовъ бываетъ рѣдко, развѣ только при непормальныхъ условіяхъ существованія организма. Въ послѣднемъ случаѣ мы легко смѣшиваемъ чувствованія, происходящія отъ раздраженія въ самомъ организмѣ съ обыкновенными стимулами, исходящими отъ соприкосновенія съ проявленіями внѣшняго міра.

Въ области этихъ чувственныхъ воспріятій, люди впадаютъ въ разнообразныя заблужденія, которыя мы будемъ разсматривать, говоря объ иллюзіяхъ и галлюцинаціяхъ.

Иллюзія есть обманчивая передача дѣйствительнаго воспріятія, т. е. чувствованія, которое происходитъ отъ измѣненій периферическихъ частей нервной системы. Такъ, человѣкъ принимаетъ скалу за башню, или игру луннаго свѣта въ лѣсной чащѣ за ручеекъ, или растянутую простыню за привиденіе.

Въ этомъ случаѣ нерѣдко мысль и воображеніе, слѣдуя обычному теченію, много помогаютъ извращеннымъ ощущеніямъ, обману.

Галлюцинація есть ощущеніе, происходящее отъ измѣненій въ самомъ организмѣ, безъ всякихъ посторонніхъ вліяній извнѣ. Это ощущеніе не имѣетъ въ данный моментъ объекта раздраженія. Прежде галлюцинаціи дѣлили на простыя и

сложныя, такъ видимые лучи свѣта или слышимый звукъ—простая галлюцинація; если же субъекту кажется, что, онъ видитъ передъ собой фигуру или слышитъ голосъ, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ—это будетъ сложная галлюцинація. Подобныя субъективныя раздраженія зрительнаго и слухового нерва представляютъ ему образъ извѣстной фигуры или звукъ, въ этотъ моментъ существующій въ его воображеніи. Ошибочное ощущеніе является какъ при иллюзіи, такъ и при галлюцинаціи. Больной воображаетъ, что слышитъ человѣческій голосъ, когда онъ слышитъ совершенно другой звукъ, или когда онъ слышитъ свой собственный субъективный звукъ; въ томъ и другомъ случаѣ онъ ложно воспринимаетъ чувствительное впечатлѣніе.

Галлюцинаціи слуха встрѣчаются чаще галлюцинацій зрѣнія; галлюцинаціи же вкуса, обонянія и осязанія встрѣчаются преимущественно у душевныхъ больныхъ. Каждый, кто наблюдалъ случаи галлюцинацій въ лечебницахъ душевно-больныхъ, убѣдился, что многіе изъ этихъ случаевъ могутъ быть отнесены къ области обмановъ чувствъ. Наприм. паціентъ говоритъ, что онъ видѣлъ Христа, вы его спрашиваете, когда именно онъ его видѣлъ, и больной отвѣтитъ сегодня утромъ или вчера вечеромъ,—именно когда онъ и самъ виталъ въ облакахъ. Въ дѣйствительности его память и воображеніе обманули его. Не очень часто, даже въ большихъ лечебницахъ, можно встрѣтить больного съ дѣйствительными галлюцинаціями; большая часть страдаетъ ими во время безсонницы.

Люди, служащіе въ этихъ лечебницахъ и постоянно находящіеся при больныхъ, иногда наблюдаютъ замѣчательныя галлюцинаціи. Одинъ изъ подобныхъ служащихъ разсказывалъ мнѣ, что ему пришлось видѣть лунатика, который шилъ воображаемой иглой; однажды эта игла, какъ показалось больному, выпала у него изъ пальцевъ и повисла на ниткѣ, онъ ее словилъ за нитку и снова торжественно принялся за шитье.

Смотритель Bottwell Asylum разсказываетъ слѣдующій случай. „Главная галлюцинація, одного больного, состояла въ томъ, что ему видѣлась пара крыльевъ, парящихъ въ воздухѣ, онъ любовался ими по часамъ и дулъ на нихъ, съ цѣлью привести ихъ въ движеніе“.

Мнѣ говорили сами больные, что иногда они имѣли видѣнія, при закрытыхъ глазахъ, въ другихъ же только случаяхъ смыканіе вѣкъ или закрываніе глазъ, заставляло галлюцинаціи исчезать.

*

Галлюцинаціи бываютъ, или туманнѣе дѣйствительныхъ видѣній, или настолько ясны, что затемняютъ собой даже дѣйствительно существующіе предметы. Это прекрасно обрисовано разсказомъ Nicolai, (книгопродавецъ въ Берлинѣ), который намъ даетъ полный отчетъ своихъ видѣній [1]).

Въ 1791 году, Nicolai былъ разстроенъ и потрясенъ различными происшествіями, изъ которыхъ онъ не находилъ себѣ выхода. Однажды утромъ, находясь въ обществѣ жены и одного изъ своихъ друзей, пришедшаго навѣстить его, ему вдругъ представился, на разстояніи десяти шаговъ, образъ личности, уже умершей. Онъ указалъ на это видѣніе женѣ, спрашивая ее—видитъ ли она.

„Фигуры появлялись днемъ и ночью; если я закрывалъ глаза, онѣ иногда пропадали, иногда же нѣтъ; когда онѣ исчезали при смыканіи глазъ, то стоило мнѣ только открыть глаза и онѣ являлись вновь въ томъ же видѣ, какъ и прежде. Я ихъ видѣлъ, вполнѣ владѣя собой (когда первый испугъ и непріятныя впечатлѣнія уже прошли) и совершенно спокойно; въ продолженіи почти двухъ мѣсяцевъ постоянно и невольно мнѣ представлялись человѣческіе и другіе образы, я слышалъ даже ихъ голоса,—въ большинствѣ случаевъ мнѣ представлялись лица обоего пола, они ходили взадъ и впередъ, не прикасаясь одинъ къ другому, и суетясь, какъ суетятся на ярмаркѣ. Иной же разъ мнѣ казалось, что эти видѣнія имѣютъ другъ къ другу извѣстныя отношенія; разъ или два я видѣлъ между ними всадниковъ на лошадяхъ, собакъ и птицъ; всѣ эти образы являлись мнѣ всегда въ своей естественной величинѣ и настолько ясно, что казались мнѣ существующими въ дѣйствительности, я различалъ даже очертанія тѣла, равно какъ и цвѣта ихъ одежды, хотя, какъ мнѣ казалось, цвѣта эти были блѣднѣе, чѣмъ въ дѣйствительности“.

Nicolai заявляетъ, что онъ самъ, силою своей памяти и воображенія, не могъ однако вызывать галлюцинацій.

Когда извѣстные образы, которые онъ привыкъ видѣть проходящими мимо него, появлялись, онъ старался ихъ яснѣе припоминать, при чемъ говорилъ намъ: „при всемъ моемъ стараніи я никакъ не могу объектировать свое внутреннее представленіе“.

Nicolai никогда не имѣлъ никакихъ видѣній въ темнотѣ, они являлись только при освѣщеніи или при лунномъ свѣтѣ. „У меня жили, говоритъ онъ, постоянно два духа днемъ и ночью и пребываніе ихъ продолжалось приблизительно около трехъ мѣсяцевъ; эти духи называли другъ друга по имени, многіе же другіе приходили

---

[1]) „Memoir on the Appearance of Spectres; or, Phantoms Occasioned by Desease, with Psychological Remarks“, readby Nicolai tothe royal society of Berlin on the 28 of February, 1799. A translation of this paperis given in Nicolson's journal, vol. vi; p. 161.

стучаться въ дверь моей комнаты и спрашивали: здѣсь ли живутъ эти два духа, причемъ спрашивали ихъ по именамъ; тогда мои жильцы отвѣчали утвердительно, именъ же другихъ духовъ я никогда не слышалъ; только разъ я спросилъ одного изъ нихъ, который въ продолженіи нѣсколькихъ ночей бывалъ у меня и звонилъ у меня надъ ухомъ въ маленькій колокольчикъ,—какъ его зовутъ, при чемъ онъ мнѣ отвѣтилъ „Ariel“. Два духа, мои жильцы, были въ женскомъ платьѣ, они мнѣ казались смуглыми, ростомъ около 3-хъ футовъ, были одѣты въ черное просторное платье, подпоясанное чернымъ кушакомъ, а изъ подъ платья виднѣлась одежда золотистаго цвѣта съ блестками etc.“...

Объясняя разстроенное здоровье Nicolai его полнокровіемъ и принимая во вниманіе его привычку къ кровопусканію, ему были поставлены около 11 часовъ вечера пьявки.

„Въ продолженіе этой операціи, говоритъ онъ, при мнѣ былъ фельдшеръ; комната, гдѣ я лежалъ, просто кишѣла разными человѣческими образами, которые положительно тѣснили другъ друга; это продолжалось до половины пятаго, именно до того времени, когда начинается пищевареніе. Къ этому времени я замѣтилъ, что образы начали двигаться медленнѣе, цвѣта ихъ одеждъ становились блѣднѣе, въ каждыя послѣдующія 7 минутъ они все менѣе и менѣе дѣлались интенсивными, оставаясь однако ясными для меня въ своихъ очертаніяхъ. Около половины седьмого образы сдѣлались бѣлыми и весьма мало подвижными, но очертанія ихъ все же еще были совершенно ясны; затѣмъ сами уже очертанія начали становиться менѣе ясными; не уменьшаясь количествомъ, какъ случалось прежде, эти видѣнія не уходили и не улетали, но нѣкоторыя изъ нихъ точно моментально растворялись въ воздухѣ, другія же, хотя были видимы немного долѣе, постепенно также исчезали.—Къ восьми часамъ о нихъ не осталось даже воспоминанія и я никогда болѣе не видѣлъ ничего подобнаго“.

Мои собственныя наблюденія уже давно показали мнѣ, что галлюцинаціи, въ особенности зрѣнія и слуха, далеко не рѣдки; но рѣдко случается, чтобы ихъ описывалъ такъ ясно такой глубокій и серьезный наблюдатель какъ Sir John Herschel.

Въ лекціи [1]) о видѣніяхъ, знаменитый астрономъ John Herschel, увѣряетъ насъ, что онъ часто видѣлъ, или ему казалось, что онъ видѣлъ, лица и ландшафты въ темнотѣ, когда закрывалъ глаза. „Лица эти, по его словамъ, бывали всегда не ясны, большею частью непріятны, но небезобразны и не выражались рѣзкими чертами; слѣдовали они постепенно одни за другими въ короткіе промежутки и какъ бы соединялись затѣмъ вмѣстѣ. Иногда такихъ 10 или 12 образовъ являлись по очередно и имѣли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ общее сходство въ выраженіи, и извѣстную общую для всѣхъ особенность въ очертаніяхъ, сохраняя при этомъ свою отдѣльную физіономію и индивидуальную особенность. Ландшафты представлялись мнѣ гораздо рѣже, но значительно яснѣе и иногда, какъ мнѣ

[1]) John Herschel, „Familiar Lectures on Scientiphic Subjects“. etc... London, 1867, p. 404.

помнится, были замѣчательно живописны: они могли быть мною до извѣстной степени видоизмѣняемы, чего никогда не было съ другими видѣніями.

Много лѣтъ тому назадъ, продолжаетъ онъ, поправляясь отъ горячки, мое главное развлеченіе въ продолженіи двухъ или трехъ дней состояло въ томъ, что я вызывалъ въ своемъ воображеніи представленія нѣкоторыхъ картинъ и изображенія лицъ, которыя являлись мнѣ до того ясными, что я не могъ сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности.

Одну изъ такихъ картинъ я отлично помню: около проруби, въ которую упалъ юноша, собралась толпа. Мать юноши, обезумѣвъ отъ ужаса, стояла на самомъ краю проруби, а подъ тонкимъ, голубоватымъ льдомъ виднѣлось двигающееся неясное очертаніе. Въ этомъ случаѣ, конечно, было возбужденіе нервныхъ центровъ, соединенное съ остатками общаго разстройства.—Въ другомъ случаѣ, (на который я указываю) я былъ свидѣтелемъ разломки постройки знакомой мнѣ съ дѣтства, съ которой меня связывало много интересныхъ воспоминаній,—эта работа грозила опасностью бывшимъ при ней рабочимъ, что также сильно повліяло на меня. На другой день передъ вечеромъ, когда было еще совершенно свѣтло, я проходилъ близъ того мѣста. Велико же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что постройка стоитъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, нетронутою, гордо висившеюся къ небу. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что это только игра воображенія, но все же направился къ ней, устремивъ на нее глаза, причемъ перспектива формы и расположеніе частей, казалось, измѣнялись по мѣрѣ приближенія, какъ и должно быть въ дѣйствительности; я долженъ прибавить, что ничего подобнаго не случалось со мной ни прежде, ни послѣ".

Слѣдующая замѣтка изъ British Medical Journal 10 th March 1883 достойна быть упомянутой.—„Сиръ! я полезую пожилую леди, которая, кромѣ общей слабости и отековъ, страдаетъ Брайтовой болѣзнью въ довольно сильной степени, умственныя же ея способности совершенно нормальны; кромѣ этого у нея на глазахъ замѣчаются созрѣвающія катаракты. Съ нѣкотораго времени, почти ежедневно, моей паціенткѣ видится храмъ, масса входящихъ въ него людей и подъѣзжающіе къ нему экипажи. Иногда же она видитъ черезъ свое окно несуществующій рынокъ, переполненный народомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она прекрасно знаетъ, что ничего подобнаго въ дѣйствительности нѣтъ. Эти видѣнія исчезаютъ лишь только она закрываетъ глаза, почему я не могу подвести этотъ случай къ отдѣлу галлюцинацій въ прямомъ значеніи этого слова. Быть можетъ нарушенное зрѣніе (у анемичной особы) является причиной этихъ явленій и неясно видимые образы принимаются за ложныя представленія.

Вашъ покорный слуга Augustus Hess. M. D. London. 27 th February".

Здѣсь мы имѣемъ двойное существенное разстройство въ организмѣ: найденныя катаракты, прогрессируя въ своей точечной или линейной формѣ, затемняютъ зрѣніе и бросаютъ тѣнь на сѣтчатую оболочку,—и рядомъ съ этимъ стоитъ ослабленная анеміей и разстроенная ненормальнымъ составомъ крови мозговая дѣятельность.

Нужно замѣтить, что нѣкоторыя галлюцинаціи являются только при закрытыхъ глазахъ. Baillarger [1]) приводитъ нѣсколько примѣровъ въ этомъ родѣ: его паціентка G. въ моментъ, когда закрывала глаза, видѣла животныхъ, луга, лошадей и проч., иногда, какъ только она смыкала вѣки, она называла являющіеся ей предметы. — По наблюденіямъ того же Baillarger, многіе паціенты имѣли видѣнія только въ темнотѣ и свѣтъ моментально разсѣевалъ эти видѣнія. Baillarger это явленіе наблюдалъ самолично при галлюцинаціяхъ, вызываемыхъ послѣ употребленія имъ гашиша. Наблюденія Baillarger представляютъ цѣлую серію интересныхъ примѣровъ.

Докторъ Викторъ Кандинскій [2]), изъ Москвы, знакомитъ насъ съ галлюцинаціями по самонаблюденію. Онъ имѣлъ несчастье болѣть въ продолженіи двухъ лѣтъ. Въ первые мѣсяцы своей болѣзни онъ не страдалъ галлюцинаціями. Въ это время онъ находился подъ вліяніемъ ненормальнаго возбужденія мозговой дѣятельности, интеллектуальнаго бреда, быстро мѣняющихся впечатлѣній и господствующихъ идей. Онъ страдалъ меланхоліей, вызванной неблагопріятными условіями жизни и сознаніемъ возможности дурного исхода болѣзни. Галлюцинаціи появились только послѣ долго длившагося возбужденія мозговой дѣятельности и истощенія, вслѣдствіе болѣзненно—умышленнаго голоданія. — Докторъ Кандинскій замѣчаетъ, что, при нормальномъ состояніи дѣятельности сѣраго вещества въ лобныхъ доляхъ мозга, случайныя возбужденія чувственныхъ центровъ регулируются и ассимилируются, и галлюцинаціи не суть выраженія возбужденія сѣраго вещества мозга, а скорѣе результатъ угнетенія его дѣятельности. — Докторъ Кандинскій подвергался галлюцинаціямъ всѣхъ чувствъ, исключая вкуса. Галлюцинаціи обонянія были сравнительно рѣдко и ихъ трудно было отличить отъ дѣйствительныхъ впечатлѣній, такъ какъ чувство обонянія было обострено. Онъ замѣчаетъ также, что во многихъ случаяхъ не легко отличить галлюцинацію слуха отъ дѣйствительныхъ ощущеній, такъ какъ въ лечебницахъ душевно-больныхъ паціенты слышатъ со всѣхъ сторонъ такую массу зву-

---

[1]) „Del' Influence del'etat intermediaire à la veille et au saumeille sur la production et la marche des Hallucinations“ par M. J. Baillarger. Paris 1846 p. 328.

[2]) Zur Lehre von den Hallucination „Archiv für Psychiatrie XI Band. 2 Heft. Berlin 1881.

ковъ и голосовъ, что очень трудно разобраться среди этого шума и отличить дѣйствительное отъ воображаемаго.

„Во время моей болѣзни, продолжаетъ докторъ Кандинскій, мои сновидѣнія были не менѣе живы, чѣмъ мои наблюденія изъ дѣйствительной жизни; когда же я иногда вспоминалъ мои представленія и сновидѣнія, то я съ трудомъ могъ различать то, что я видѣлъ въ дѣйствительности отъ того, что видѣлъ во снѣ. Нѣкоторыя изъ моихъ галлюцинацій сравнительно съ другими были блѣдны и не такъ ясны, нѣкоторыя же были настолько ясны и отчетливы, что вполнѣ подходили къ дѣйствительности. Въ продолженіи нѣлой недѣли я видѣлъ на стѣнѣ, обитой мягкой одноцвѣтной обивкой, рядъ картинъ въ дорогихъ золотыхъ рамахъ, фрески, ландшафты, рисунки моря, иногда портреты; всѣ картины отличались яркостью красокъ, какія встрѣчаются иногда въ произведеніяхъ Итальянской школы. Однажды, когда я ложился спать, я вдругъ увидѣлъ передъ собой мраморную статую средней величины — наклонившуюся Венеру; спустя нѣсколько секундъ, голова статуи отпала, оставивъ на туловищѣ шею съ красными мускулами,—при паденіи черепъ Венеры раскололся и обнажилъ мозги. Контрастъ бѣлизны мрамора и этой крови на шеѣ былъ поражающій.—Я видѣлъ галлюцинаціи при открытыхъ и при закрытыхъ глазахъ; въ первомъ случаѣ онѣ являлись на полу, на коврѣ, на стѣнахъ или въ пространствѣ, загораживая собою предметы, находящіеся позади ихъ. Иногда одна картина исчезала, уступая свое мѣсто на нѣсколько секундъ совершенно иной. Видя себя только что въ комнатѣ, я вдругъ переносился на берегъ морского залива, на противуположномъ берегу котораго видѣлась цѣпь горъ. Все это я видѣлъ поразительно ясно. При закрытыхъ же глазахъ я видѣлъ живые образы, микроскопическія частицы и орнаментныя фигурки на полѣ моего зрѣнія. — Современемъ я настолько привыкъ къ галлюцинаціямъ зрѣнія, что онѣ перестали возбуждать и тревожить меня и въ концѣ онѣ только забавляли меня“.

Докторъ Кандинскій не находитъ, чтобы нравственная и физическая бездѣятельность была бы наиболѣе подходящимъ состояніемъ для явленія галлюцинацій; единственное вліяніе, которое оказываетъ бездѣятельность на галлюцинаціи, это то, что она можетъ ставить больного въ наиболѣе удобныя условія для полученія галлюцинаціи. Онъ никогда не доходилъ ни до умышленнаго вызыванія галлюцинацій, ни до измѣненія воспоминаній или введенія продукта воображенія въ галлюцинаціи. Онъ опровергаетъ взглядъ Lelut, что галлюцинаціи суть просто объективированныя мысли.—Всегда существуетъ ясное разграниченіе между галлюцинаціями, припоминаемыми и образными. Характерна въ галлюцинаціяхъ не ихъ ясность, такъ какъ нѣкоторыя бываютъ и не ясны, но ихъ матерьялизація; когда даже припоминаемые образы и воображеніе соединены съ активной дѣятельностью мозга, и тогда галлюцинаціи обыкновенно не удерживаютъ субъективнаго характера.

Почти всѣ артистки и поэты одарены очень большимъ и очень живымъ воображеніемъ, и не всѣ же они страдаютъ галлюцинаціями, тогда какъ часто человѣкъ, обладающій очень слабымъ воображеніемъ, подверженъ имъ. — На вопросъ, происходили ли его галлюцинаціи отъ периферическихъ или центральныхъ причинъ, докторъ Кандинскій отвѣчаетъ:

„Изъ всѣхъ галлюцинацій, по его словамъ, галлюцинаціи зрѣнія и осязанія встрѣчались чаще другихъ и были наиболѣе рельефны и разнообразны; онъ испытывалъ много ненормальныхъ впечатлѣній осязанія, давленіе и сведеніе шеи, ненормальности въ отношеніи положенія тѣла величины и поля зрѣнія. Ему казалось иногда, что онъ леталъ въ различныхъ направленіяхъ; земля тогда, по его словамъ, исчезала изъ подъ его ногъ, стѣны то улетали или раздвигались, то надвигались съ одной стороны и уходили внизъ съ другой; иногда же чудилось ему, что онъ катится по наклонной плоскости, что кровать валится на него, или, что его вертѣло и бросало что то въ воздухъ, и въ это время онъ ощущалъ очень ясно свой полетъ. Всѣ эти ощущенія производили на него самое удручающее впечатлѣніе. Не болѣе, какъ десятая частъ галлюцинацій, испытанныхъ имъ, относилась къ ложному и невольному теченію его постоянно занимающихъ мыслей. Галлюцинаціи не соотвѣтствовали уровню его воспитанія и развитія и въ послѣдующіе дни его болѣзни такъ мало гармонировали съ его собственнымъ самосознаніемъ, что онъ пытался объяснить ихъ придуманной имъ теоріей воспріятія ихъ отъ окружающихъ паціентовъ, сравнивая это воспріятіе съ явленіемъ передачи электрическаго тока. Когда галлюцинаціи участились, чисто интеллектуальный бредъ прекратился, отчасти потому что его мозговая дѣятельностк была сильно возбуждена, частью потому, что все его вниманіе было поглощено быстрымъ наплывомъ рѣзкихъ, осязательныхъ впечатлѣній. Сновидѣнія его были необыкновенно живы, такъ что онъ съ трудомъ могъ отличать періодъ бодрствованія отъ сна. Образы, которые онъ видѣлъ во снѣ, были настолько живы, что ему казалось будто онъ видитъ ихъ на яву, а галлюцинаціи въ моментъ его пробужденія были такъ живы и разнообразны, что ему казалось, что онъ видитъ ихъ еще во снѣ.

„Мои чувственные органы были гиперестезированы, но это явилось позднѣе, въ періодъ бреда; гиперестезія выражалась шумомъ въ ушахъ, простыми инкоординированными звуками, искрами въ глазахъ, общимъ освѣщеніемъ всего поля зрѣнія или появленіемъ свѣтящихся и двигающихся точекъ и блестокъ. Эти простыя галлюцинаціи не похожи на галлюцинаціи, происходящія отъ центральныхъ причинъ, которыя были сложны въ деталяхъ и гармоничны въ цѣломъ; далѣе, периферическія галлюцинаціи продолжались и при закрытыхъ глазахъ, центральныя же въ этомъ случаѣ или исчезали, или замѣнялись другими. Образы, получаемые при периферическихъ галлюцинаціяхъ, слѣдуютъ за движеніемъ глазъ, галлюцинаціи же, происходящія отъ центральныхъ причинъ, обыкновенно исчезаютъ при отводѣ отъ нихъ глазъ, такъ что въ точкѣ новаго направленія глаза представляется совершенно новая картина, при обращеніи же быстро глазъ на прежнюю точку, видѣлись прежніе образы.

„Безъ энергическаго противодѣйствія воли, продолжаетъ докторъ Кандинскій, мои галлюцинаціи сдѣлались бы постоянными, моя умственная дѣятельность совершенно бы уничтожилась, но съ тѣхъ поръ, какъ я привыкъ къ галлюцинаціямъ, я стойко принялся за чтеніе; вначалѣ это было трудно, такъ какъ галлюцинаціи слуха отвлекали меня, а галлюцинаціи зрѣнія стояли между книгой и моими глазами, однако, впослѣдствіи я дошелъ до того, что могъ продолжать чтеніе, не обращая вниманія на галлюцинаціи. Съ началомъ регулярной и активной дѣятельности мозга, галлюцинаціи начали блѣднѣть и являлись рѣже и, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ того дня, какъ я началъ заниматься, онѣ прекратились".

Намъ извѣстно, что Кандинскій лично самъ слѣдилъ за теченіемъ своей болѣзни и его наблюденія дали намъ весьма цѣнное указаніе, какъ слѣдуетъ поступать въ подобныхъ случаяхъ. Послѣдніе остатки галлюцинацій выражаются въ явленіяхъ звѣздъ, блестокъ и другихъ свѣтовыхъ явленій послѣ утомленія мозговой дѣятельности, въ моментъ засыпанія. Докторъ Кандинскій, разбирая новыя теоріи свойствъ и происхожденія галлюцинацій, не соглашаясь съ другими, останавливается исключительно на теоріи Мейнерта. Этотъ извѣстный ученый держится того мнѣнія, что галлюцинаціи есть результатъ стимула, принадлежащаго корковому слою сѣраго мозгового вещества переднихъ лобныхъ долей. Онъ указываетъ на анатомическую связь corpora quadrigemina, центра зрительнаго ощущенія, съ корковымъ веществомъ мозга, — этимъ путемъ проходятъ къ мозгу зрительныя впечатлѣнія совмѣстно съ осязательными и мускульными ощущеніями отъ глазныхъ мускулъ, гдѣ они ассоціируются съ представленіемъ идеи пространства. Сѣрое вещество переднихъ лобныхъ долей служитъ центромъ образованія и ассоціаціи идей,—это будетъ центръ высшей дѣятельности,—тогда какъ центромъ простыхъ ощущеній служатъ узлы сѣраго вещества основанія мозга.

Если возбужденіе идетъ непосредственно отъ этихъ центровъ органовъ чувствъ къ полушаріямъ мозга—центру сознанія, то при этомъ нѣтъ почти никакой возможности отличить этого возбужденія отъ дѣйствительнаго внѣшняго воздѣйствія, получаемаго вслѣдствіе раздраженія периферическаго органа чувства. Это затрудненіе при нормальномъ состояніи умственныхъ способностей легко устраняется дѣятельностью сознательныхъ органовъ головного мозга или дѣятельностью корки. Нашъ умъ кладетъ разницу между тѣми или другими чувствованіями, а силой воли мы останавливаемъ вниманіе на одномъ и отбрасываемъ другое. Если теперь это регулирующее вліяніе нашей корковой дѣятельности падаетъ,

то этимъ самымъ и дается возможность къ широкой дѣятельности узловъ основанія мозга—къ образованію галлюцинацій.

Поэтому, по ученію Meynert'a, для возникновенія галлюцинацій необходимо два фактора: усиленіе дѣятельности подкорковыхъ узловъ сѣраго вещества основанія мозга и ослабленіе дѣятельности сѣраго коркового вещества лобныхъ долей—центровъ мысли.

По мнѣнію Dr Luys'a галлюцинаціи являются результатомъ пораженія зрительнаго бугра, въ которомъ внѣшнія раздраженія, переданныя волокнами спинного мозга, превращаются въ ощущенія. Luys даже полагаетъ, что четыре маленькіе сѣрые узла нервныхъ клѣтокъ, заложенные въ зрительномъ бугрѣ, при галлюцинаціяхъ подвергаются разнообразнымъ измѣненіямъ, при чемъ одинъ изъ этихъ узловъ служитъ для сосредоточія обонятельныхъ ощущеній, другой для зрительныхъ, третій для осязательныхъ и четвертый для слуховыхъ. Думали, что раздраженіе этихъ узловъ давало ненормальныя ощущія даже въ области самочувствія. Заболѣванія зрительнаго бугра могутъ являться и безъ пораженія мозговой корки, какъ и галлюцинаціи могутъ являться и не у душевно больныхъ.

Въ случаяхъ галлюцинацій, описанныхъ Dr. Ritti, гдѣ изслѣдованіе было сдѣлано послѣ смерти, оба полушарія и зрительный бугоръ оказались ненормальными; но никто не признаетъ, чтобы ненормальное состояніе одного узла отразилось и на дѣятельности другого.

Хотя имя Dr Luys'a само говоритъ за цѣну теоріи, тѣмъ не менѣе она не была принята многими, для подтвержденія ея требовались факты и они то не были вполнѣ достаточны. Со времени опубликованія ученія о двигательныхъ и чувствительныхъ отправленіяхъ сѣраго вещества или бѣлаго мозговой корки, ученіе о галлюцинаціяхъ получило новое направленіе. Dr. Tamburini, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ и профессоровъ Италіи представилъ свое ученіе о моторныхъ и сенсоріальныхъ центрахъ. Имѣя убѣжденіе, что различные участки мозговой коры служатъ для различныхъ отправленій—одни для чувствительныхъ образовъ, другіе для двигательныхъ импульсовъ,—онъ привелъ примѣры галлюцинацій зрѣнія и слухи, вслѣдствіе пораженія кортикальныхъ чувствительныхъ центровъ.

По мнѣнію Dr. Tamburini центромъ зрительныхъ образовъ являются не одни только затылочныя доли, какъ это дока-

---

[1]) См. Dr. Ritti, Théorie physiologieque de l'hallucination, Paris, 1874.

зывалъ Munk, но также и gyrus angularis, для котораго эта функція назначена была еще Ferrier. Впереди этой части лежатъ высочно-темянныя извилины, въ которыхъ образуются слуховыя впечатлѣнія и рѣчь,—а еще болѣе впереди и съ боковъ находится область, служащая импульсомъ къ движенію различныхъ мускуловъ нашего организма, путемъ отходящихъ отъ нея нервныхъ волоконъ.

Вѣроятная локализація для другихъ чувствъ: вкуса, обоняніе и общаго чувства приблизительно также была опредѣляема. Принимая все это во вниманіе, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые физіологи, можно допустить, что возбужденіе сенсоріальныхъ участковъ служитъ основою бреда. Это нелегко было доказать результатами вскрытій, такъ какъ уже ничтожныя возбужденія могли усилить или измѣнить содержаніе крови, что безспорно могло послужить причиною появленія галлюцинацій. Dr. Tamburini [1]) могъ собрать мало фактовъ для поддержанія своей теоріи. Онъ допускаетъ, что ощущенія могутъ быть вызваны раздраженіемъ всѣхъ частей чувствительнаго пути въ отдѣльности,—но эти ощущенія будутъ всего болѣе простыми, если поражаются части, наиболѣе удаленныя отъ главныхъ центровъ; напротивъ, пораженіе центральныхъ частей будетъ болѣе способствовать легчайшему возникновенію галлюцинацій. Свѣтовое, или звуковое ощущеніе можетъ быть воспринято какъ образъ ангела, или небеснаго посланника. Въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ допустить, что головной мозгъ страдаетъ уже съ тѣхъ поръ, какъ идущія извнѣ впечатлѣнія воспринимаются неправильно. Въ другихъ случаяхъ раздраженіе нервовъ даетъ рудиментарныя галлюцинаціи, какъ блески, звуки, но не образы и не слова, выражающія дѣятельность мыслительныхъ центровъ. Prof. Tamburini полагаетъ, что импульсъ можетъ исходить изъ центровъ идеаціи и направляться къ сенсоріальнымъ центрамъ; но этотъ импульсъ можетъ дать только идеальное воспроизведеніе уже существующихъ объектовъ и никогда не сенсоріальные образы.

Также вѣроятно, что живая репродукція образовъ видимаго и слышаннаго можетъ происходить только отъ постоянной дѣятельности нервныхъ аппаратовъ органовъ чувствъ и центровъ ощущеній въ головномъ мозгу. Такимъ образомъ галлюцинаціи не могутъ производиться безъ посредства чув-

---

[1]) Prof. Tamburini. Salla genesi delle alluzinazioni. Reggio—Emilia, 1880.

Центральная Рабоч... Читальня ... Совета Профессиональныхъ Союзовъ.

ствительной области нервной системы. Эпилепсія состоитъ изъ внезапныхъ и сильныхъ мускульныхъ сокращеній, постепенно поражающихъ различныя группы мускуловъ; она можетъ происходить безъ пораженія мозга и даже безъ потери сознанія, хотя и очень рѣдко. Галлюцинаціи у умственно здоровыхъ людей вполнѣ аналогичны эпилепсіи безъ разстройства умственныхъ способностей. Аналогія эта ведетъ къ тому, что извѣстное раздраженіе двигательныхъ центровъ ведетъ къ судоргамъ, —раздраженіе же чувствительныхъ центровъ вызываетъ галлюцинаціи, и что двигательная и чувствительная область въ мозгу можетъ разстраиваться въ то время, когда сосѣднія части остаются непораженными, или только принимать участіе то большее, то меньшее состояніемъ возбужденія. Эпилептики бываютъ часто помѣшанными и почти всегда раздражительны и появленію приступа часто предшествуютъ галлюцинаціи, обыкновенно смѣшаннаго характера. Въ другихъ случаяхъ лица, имѣющія галлюцинаціи, часто также могутъ подвергаться разстройству умственныхъ способностей, подобно тому какъ это бываетъ и послѣ эпилепсіи, такъ что частичное разстройство центральной нервной системы можетъ распространяться на всю область полушарій. Такимъ образомъ галлюцинаціи представляютъ собою родъ эпилепсіи чувствительныхъ центровъ „Epilessia dei centri sensori“, или какъ Hagen называетъ ее „Krampf der sinnes Nerven“. Dr Tamburini на основаніи своихъ изслѣдованій надъ животными, пришелъ къ тому заключенію, что электрическое раздраженіе зрительныхъ и чувствительныхъ центровъ вызываетъ галлюцинаціи, обнаруживаемыя соотвѣтственными движеніями ушей и глазъ.

Хотя люди непомѣшанные иногда думаютъ, что они слышали короткія фразы, или голосъ, зовущій ихъ по имени, которыхъ въ дѣйствительности не было, тѣмъ не менѣе галлюцинаціи слуха у психически здоровыхъ людей являются значительно рѣже, чѣмъ галлюцинаціи зрѣнія; за то у помѣшанныхъ слуховыя галлюцинаціи явленіе обыкновенное, а иногда и очень опасное, такъ какъ они готовы немедленно приводить въ исполненіе ихъ распоряженія, полагая, что они есть приказаніе свыше. Blandford, въ своемъ сочиненіи объ умопомѣшательствѣ, ркзсказываетъ намъ объ одной дамѣ, которой постоянно докучали голоса, идущіе отъ стѣнъ, и она обращалась къ сосѣдямъ съ просьбой прекратить ихъ разговоры: но этимъ, къ несчастью, она не могла отъ нихъ отдѣлаться. Schröder von der Kolk передаетъ объ одномъ случаѣ,

гдѣ человѣкъ зажегъ свой домъ, желая выгнать скрывавшихся тамъ духовъ, которые постоянно безпокоили его своей болтовней. Одному больному казалось, что онъ слышитъ пѣсни, выходящія изъ земли и онъ рылъ землю, желая найти этихъ пѣвцовъ. Въ виду такихъ слуховыхъ галлюцинацій, какъ голоса и проч., при чемъ лицъ говорящихъ не видно, больные думаютъ, что эти лица спрятаны въ сосѣдней комнатѣ. Я видѣлъ человѣка, который слышалъ голоса, выходящіе изъ подъ пола и потому онъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, чтобы отъ нихъ отдѣлаться. Иногда душевно-больные ведутъ длинные разговоры съ людьми, находящимися подъ поломъ, обращаясь къ нимъ съ вопросами и получая отъ нихъ отвѣты. Многіе больные заявляютъ, что они получаютъ звуки при посредствѣ телефона точно также, какъ съ этой цѣлью прежде взводилось обвиненіе на электричество и магнетизмъ. Schröder van der Kolk [1]) пишетъ:

„Одна бѣдная женщина жаловалась мнѣ, что ее постоянно преслѣдовалъ дьяволъ, который испускалъ на нее сквернословіе, и чѣмъ болѣе она старалась не слушать, тѣмъ менѣе это ей удавалось. Это часто происходило и въ то время, когда она разговаривала съ кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь занималась; она была у священника, который долженъ былъ изгнать изъ нея дьявола и который, весьма благоразумно, направилъ ее ко мнѣ. Я ее спросилъ: въ которое ухо постоянно дьяволъ ей нашептывалъ; она удивилась этому вопросу, такъ какъ она сама никогда не задавалась имъ и теперь только рѣшила, что это происходило въ лѣвомъ ухѣ. Я объяснилъ ей, что это не болѣе, какъ болѣзнь уха; но она въ этомъ сомнѣвалась. Это единственный извѣстный мнѣ случай, гдѣ галлюцинаціи были односторонни“.

При тщательномъ наблюденіи случаевъ оказалось, что односторонія галлюцинаціи явленіе нерѣдкое въ лечебницахъ для душевно-больныхъ. При этомъ бываетъ, что видѣнія являются только для одного глаза и голосъ слышенъ однимъ ухомъ. Эти односторонія галлюцинаціи были тщательно изучены Dr Michea, Ball и Regis и въ Англіи Dr Robertson. Я однажды видѣлъ женщину въ Bothwell Asylum, въ отдѣленіи Dr Sanbel Clark, которая имѣла галлюцинаціи слуха только въ правомъ ухѣ. Она говорила, что ее враги употребляли ея ухо для того, чтобы унижать и оскорблять ее, а ея друзья охраняли ея лѣвымъ ухомъ, чтобы утѣшить и поддержать ее. Она закрывала правое ухо рукой, говоря, что ея враги проникали въ ея голову и тамъ производили шумъ. Она мнѣ говорила

[1]) Schröder van der Kolk, The Pathology and Therapie of Mental Diseas. 1870.

безъ соотвѣтственныхъ вопросовъ съ моей стороны, что она жужжанье испытываетъ въ правомъ ухѣ, а иногда и пульсацію. M. Magnan [1]) описалъ четыре случая подобнаго рода. Одинъ изъ больныхъ слышитъ настойчиво однимъ ухомъ угрозы и брань, тогда какъ въ другое время онъ слышитъ другимъ ухомъ веселыя и пріятныя слова, которыя возбуждали въ немъ возвышенныя чувства,—и подобный антагонизмъ галлюцинацій продолжался въ теченіи всей болѣзни. Въ одномъ случаѣ раздражающія слова, воспринимались правымъ ухомъ,—въ трехъ другихъ случаяхъ наоборотъ.

Dr Robertson находитъ, что одностороннія галлюцинаціи самое обыкновенное явленіе при хроническомъ алкоголизмѣ и при томъ болѣе часты въ лѣвомъ ухѣ, чѣмъ въ правомъ. Онъ полагаетъ, что галлюцинаціи держатся день или два послѣ того, какъ острый приступъ алкогольнаго помѣшательства прошолъ. Dr Regis собралъ довольно значительное количество случаевъ галлюцинацій зрѣнія и слуха; онъ замѣчаетъ, что они часто появляются при заболѣваніи уха или глаза и даже послѣ уничтоженія нормальной ихъ функціи этихъ органовъ. Слѣпые и глухіе въ домахъ умалишенныхъ часто имѣютъ слуховыя галлюцинаціи. Болѣзнь, уничтожившая органъ, продолжаетъ однако раздражать нервы.

Такимъ образомъ хроническое воспаленіе уха служитъ причиною галлюцинацій слуха.

Русскій крестьянинъ, находившійся въ домѣ умалишенныхъ въ Харьковѣ [2]), представлялъ при амаврозѣ глаза совершенную слѣпоту, при чемъ обладалъ острымъ слухомъ; этотъ больной находился въ постоянномъ ужасѣ, вслѣдствіе того, что онъ всюду видѣлъ турокъ. Желая отъ нихъ избавиться, онъ бросался на стѣны, двери и окна, взывая въ тоже время о помощи и освобожденіи. Въ продолженіи этого ужаснаго состоянія онъ отказывался отъ пищи. Припадки являлись періодически, обыкновенно продолжаясь цѣлый день и смѣняясь періодомъ ступора. Эти пароксизмы длились десять дней; въ концѣ этого времени онъ заснулъ и проснулся на утро совершенно здоровымъ. Онъ рѣшительно ничего не помнилъ о томъ ужасѣ, который онъ пережилъ и очень удивился, когда ему разсказали о его буйствѣ. Prof. П. Ковалевскій разсматриваетъ этотъ случай, какъ случай психической эпилепсіи, выраженной въ интермитентной формѣ.

---

[1]) M. Magnan, Chronique des Medico-psychologique, 1883.
[2]) Journal of mental Science, 1879.

Въ медико-психологическомъ обществѣ въ Парижѣ [1]) былъ представленъ молодой человѣкъ, который слышалъ звуки лѣвымъ ухомъ,— это разстройство онъ получилъ въ 13 лѣтъ вслѣдствіе травматическаго поврежденія уха, вызвавшаго воспаленіе внутренняго уха. Спустя два года послѣ этого, онъ перенесъ тифъ съ бредомъ, послѣ чего у него усилилась какъ глухота, такъ и субъективные звуки уха; его умственныя способности были въ такой степени нарушены, что онъ не могъ работать и находился въ состояніи меланхоліи и намѣревался лишиться жизни самоубійствомъ. Шумъ въ ухѣ былъ въ такой мѣрѣ назойливъ, что мѣшалъ его мыслительной дѣятельности. Подъ вліяніемъ двойного болѣзнетворнаго воздѣйствія, субъективныя ощущенія въ ухѣ усилились и уменьшилась умственная дѣятельность, при чемъ звуки перешли въ галлюцинаціи. Онъ такъ описываетъ ихъ постепенное образованіе: въ началѣ это были звуки, похожія на текущій ручеекъ, или паденіе воды со скалъ, или звукъ огнестрѣльнаго оружія. Нѣсколько позже онъ слышалъ поющіе голоса, хоры, въ началѣ неясные и отдаленные, а далѣе дѣлающіеся яснѣе и приближающіеся; между этими голосами выдѣлялся голосъ сопрано. Послѣ этого больному казалось, что его неоднократно называютъ по имени,— и это все слышалось яснѣе и яснѣе; далѣе ему слышались бранныя выраженія, очень грубыя и злыя.

Полагаютъ, что слуховыя галлюцинаціи вліяютъ на разстройство умственныхъ способностей: даже простой шумъ производитъ такое умственное разстройство, что ихъ можно считать за видимую причину умопомѣшательства. Dr. Fürstner [2]) представилъ 28 случаевъ умопомѣшательства, которые, повидимому, произошли отъ пораженія уха или слухового нерва. Dr. Mabil [3]) имѣлъ больную, организмъ которой, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда дѣйствующихъ причинъ, подвергся заболѣванію; она сдѣлалась нерадивой, меланхоличной и получила жужжанье въ правомъ ухѣ и сонная была тревожима галлюцинаціями. Она описываетъ свое собственное состояніе въ письмѣ такъ:

„Я чувствовала такую тоску, что хотѣла броситься въ колодезъ; я ничего не могла ѣсть и много пила; въ самомъ началѣ я слышала шумъ въ ухѣ; при послѣднемъ шумѣ, ко-

---

[1]) Annal. medico-psycholog. 1882.

[2]) Prof. Fürstner, Allg. Zeitschr. f. Psych. B. XL, H. 1 u. 2.

[3]) Ann. medico-psychol. 1883.

торый я слышала, моя голова, какъ мнѣ показалось, распалась на двое и въ продолженіи двѣнадцати мѣсяцевъ этотъ шумъ продолжался въ ухѣ. Послѣ того, какъ директоръ сдѣлалъ мнѣ промыванье уха, у меня все прошло". Дѣйствительно, промыванье тепловатой водой уха извлекло частицу уплотненной сѣры, въ срединѣ которой находилось зерно. Первую ночь послѣ этой помощи слуховыя галлюцинаціи прекратились и больная могла покойно спать; общее состояніе улучшилось; меланхолія постепенно проходила и она была выписана изъ заведенія совершенно здоровой, послѣ пребыванія двухъ съ половиною мѣсяцевъ.

Nägeli [1]), ботанникъ изъ Мюнхена, обжегъ себѣ глаза кипящимъ спиртомъ; правый глазъ совершенно поправился по истеченіи трехъ дней,—но воспаленіе въ лѣвомъ было серьезнѣе; онъ содержался въ темной комнатѣ и ему прикладывались холодныя примочки въ теченіи трехъ дней на оба глаза и послѣ того еще два дня на лѣвый глазъ. Спустя 24 часа все поле зрѣнія лѣваго глаза казалось, просвѣтлѣло, но вскорѣ въ различныхъ частяхъ, появились туманныя точки, а затѣмъ появились неясныя представленія образовъ.

Прошло около двухъ часовъ; предметы становились болѣе ясными и съ этого времени, по словамъ Nägeli, мнѣ казалось, какъ будто я смотрѣлъ вдаль съ глазами, приспособленными къ дневному свѣту; я видѣлъ то, что обыкновенно видишь: ландшафты, дома, комнаты и людей. Такъ продолжалось 36 часовъ, въ теченіи которыхъ не было лихорадки. За этимъ слѣдовалъ періодъ такой же продолжительности, въ теченіи котораго поле зрѣнія было менѣе ярко; но при малѣйшей лихорадкѣ яркія видѣнія перваго періода возвращались. Видимое имъ не было то, что обыкновенно окружало его въ дѣйствительной жизни, напр. микроскопы, живыя или засушенныя растенія и проч.,—то были горные ландшафты съ озеромъ, иногда морской берегъ, рѣже—пустыня; ему являлись также людскіе образы; фигуры эти не измѣняли своего положенія, но вертѣли головой. Предметы, находящіеся въ центрѣ зрительной оси были болѣе ясны. Образы эти были въ началѣ безцвѣтны и мало оттѣнялись,—но затѣмъ очертанія ихъ становились постепенно яснѣе, хотя никогда не бывали рѣзкими. Иногда эти образы прихотливо видоизмѣнялись: видѣніе ослиной головы превращалось въ рогъ изобилія,—бочка вина—въ

[1]) Nägeli. Ueber Selbstbeobachtete Gesichtserscheinungen.

39/904

С.С.С.Р.

сфинкса, бутылка съ лекарствомъ—въ черепъ. Лѣвый глазъ былъ болѣе пораженъ и передъ нимъ то преимущественно и являлись видѣнія. Когда онъ открывалъ правый глазъ—галлюцинаціи исчезали, когда закрывалъ его, то лѣвымъ глазомъ видѣлись совершенно новыя галлюцинаціи, какъ напр.: ему представлялся ландшафтъ, который исчезалъ при открытіи праваго глаза; когда онъ снова его закрывалъ, то вмѣсто этого ландшафта ему представлялось строеніе. Силою воли онъ не могъ измѣнить содержаніе образа; онъ не могъ даже вызвать видѣній, которыя только что ему представлялись безъ участія его воли; однажды ему представилось, что онъ видитъ темный полированный столъ, при завязанныхъ глазахъ, и это представленіе было настолько предметно, что онъ поставилъ на него стаканъ съ лимонадомъ, который, разумѣется, упалъ.

Nägeli говоритъ, что онъ прежде никогда не имѣлъ никакихъ видѣній и разсудокъ его былъ всегда здоровъ; онъ совершенно правильно относитъ свои галлюцинаціи къ раздраженному состоянію зрительныхъ нервовъ, которые, по своей связи съ головнымъ мозгомъ, воспроизводятъ образы, полученные отъ прежнихъ впечатлѣній и ставятъ ихъ безъ новаго воспріятія. Дѣйствительно, мы не знаемъ какъ далеко можетъ идти раздраженіе. Nägeli подвергся ужасно грустному несчастью, при чемъ основательно опасался за потерю зрѣнія, что, конечно, его сильно безпокоило. Видѣнія имѣли разнообразный и безразличный характеръ, такъ какъ его разсудокъ былъ совершенно здоровъ и не было фиксаціи какой бы то ни было страсти, равно какъ у него не было никакихъ господствующихъ идей, которыя онъ могъ бы реализировать.

Prof. Jolly замѣчаетъ, что пребываніе въ темнотѣ производитъ гиперестезію зрѣнія и представляетъ наблюденіе Dr. Schundt-Ripler'a [1]), по которому умственныя способности могутъ быть потрясены прекращеніемъ доступа свѣта завязываніемъ глаза.

Prof. Foster въ своемъ руководствѣ физіологіи говоритъ, что онъ зналъ случай, въ которомъ видѣнія пріятнаго и роскошнаго характера, какъ напр. цвѣтовъ и ландшафтовъ, могутъ быть вызваны внезапнымъ давленіемъ на глазныя яблоки.

Извѣстно давно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ разстройства глазной фиксаціи, при отведеніи, давленіемъ на глазъ, глазной оси въ сторону, получается видѣніе не одного предмета, а

---

[1]) Jolly, Archiv f. Psychiatrie, B. IX, H. 2.

двухъ. Dr Despine имѣлъ больного, который, не бывъ помѣшаннымъ, имѣлъ приступы экстаза, во время которыхъ ему являлась Богородица и онъ слышалъ ея голосъ. Улучшивъ моментъ, когда онъ говорилъ: „я вижу Богородицу“,—Dr Despine слегка надавилъ на одно закрытое глазное яблоко и спросилъ больного—видитъ ли онъ одно или два изображенія Богородицы. Больной отвѣчалъ: „я вижу два изображенія Богородицы—одну здѣсь, а другую тамъ“,—указанное разстояніе было невелико. Этотъ экспериментъ, повторенный нѣсколько разъ, всегда давалъ одни и тѣ же результаты. Prof. Ball [1]) провѣрялъ это наблюденіе на одной истеричной женщинѣ, которая очень легко впадала въ состояніе сомнамбулизма, въ продолженіе котораго она имѣла религіозныя видѣнія, причемъ давленіемъ на глазное яблоко всегда удавалось вызывать двойное видѣніе.

Еще болѣе убѣдительное доказательство тому, что галлюцинаціи зрѣнія могутъ возникать въ сѣтчаткѣ глаза, приводитъ Dr Pick въ слѣдующемъ примѣрѣ: человѣкъ 28 л. страдалъ бредомъ преслѣдованія, и постоянно слышалъ порицанія, входящія въ его уши. Одна дама постоянно слѣдила за нимъ —его электризировали и магнитизировали,—ему представлялся горящій домъ, онъ часто слышалъ съ правой стороны говорящій голосъ,—иногда этотъ голосъ исчезалъ, если больной закладывалъ въ ухо палецъ, но за то въ это время тотъ же голосъ былъ слышенъ въ лѣвомъ ухѣ. Онъ имѣлъ галлюцинаціи зрѣнія, которыя поражали только правый глазъ. Галлюцинаціи обыкновенно появлялись вечеромъ, когда онъ смыкалъ глаза, а иногда и въ то время, когда онъ только просыпался. Эти галлюцинаціи исчезали, когда онъ открывалъ глаза. Онъ часто видѣлъ только части человѣческой фигуры: голову или ноги, но въ большинствѣ верхнюю часть туловища, или верхушки деревьевъ, или предметы, которые ярко выдѣлялись на темномъ фонѣ. При изслѣдованіи праваго глаза была обнаружена дефектность зрѣнія, безъ органическаго однако измѣненія глаза; Dr Pick полагаетъ, что мѣстомъ поврежденія служитъ внутренняя сторона лѣваго зрительнаго тракта, сзади коммиссуры зрительнаго нерва.—Нѣкоторымъ просвѣщеннымъ французскимъ психологамъ принадлежитъ мысль представить научныя основанія галлюцинацій, путемъ изученія ихъ у загипнотизированныхъ людей.

---

[1]) Prof. Ball, Leçons sur l. maladies mentales, p. 74.

Mr Féré [1]) нашелъ, что въ періодѣ истеро-эпилептическаго приступа были наблюдаемы измѣненія увеличенія и уменьшенія величины галлюцинаторнаго образа въ зависимости отъ приближенія и удаленія галлюцинаціи. Двухъ истеричныхъ паціентокъ, которыя могли помнить то, о чемъ внушалось имъ во время каталептическаго припадка, онъ заставлялъ смотрѣть на птицу, сидящую на верху колокольни или поднимающуюся въ воздухѣ. Замѣчено было, что зрачекъ при этомъ постепенно расширялся вдвое противъ своей обыкновенной величины; когда же птица опускалась ниже, зрачекъ постепенно съуживался. M-r Féré заявляетъ, что онъ могъ производить эти опыты столько разъ, сколько хотѣлъ, внушая паціенту идею о движеніи предмета. Отсюда онъ заключаетъ, что въ продолженіи этихъ галлюцинацій предметъ видится субъектомъ положительно, какъ бы онъ существовалъ въ дѣйствительности и что степенью отдаленности предмета онъ вызываетъ аккомодацію, находящуюся въ зависимости отъ закона, регулирующаго перцепцію дѣйствительнаго предмета.

Истеричная больная была усыплена гипнотическимъ или каталептическимъ сномъ, во время котораго ей было внушено, что она видитъ въ профиль темный портретъ, стоящій на столѣ. Паціентка ясно видѣла портретъ. Не давая объ этомъ больной знать, предъ однимъ изъ ея глазъ была поставлена призма и паціентка была очень удивлена, когда она увидѣла два портрета, вмѣсто одного. Представленіе ложнаго образа всегда соотвѣтствовало законамъ оптики.

Mr Alfred Binet въ Mind [2]) даетъ намъ результатъ наблюденій надъ пятью истерическими дѣвочками въ Salpetriere. Онъ говоритъ, что когда галлюцинирующей, подъ вліяніемъ внушенія въ гипнотизмѣ, паціенткѣ поставлена была предъ глазами ширмочка, то въ большинствѣ случаевъ это уничтожало галлюцинаціи, хотя иногда образы, казалось, покрывали ширмочку. При цвѣтной слѣпотѣ одного глаза больной несобенъ видѣть цвѣтныхъ галлюцинацій, если другой глазъ былъ закрытъ. Въ одномъ случаѣ галлюцинацій, наблюдаемыхъ у сумашедшей истерической женщины, она видѣла человѣка одѣтаго въ красное; когда же закрывали ей правый глазъ, а смотрѣлъ только лѣвый, обнаруживавшій цвѣтную слѣпоту, то призракъ казался ей сѣрымъ и туманнымъ. Найдено, между

[1]) Féré, Annal. medico-psychol., 1882.
[2]) Mind, XXXV, 1884; см. Revue philosophique, 1884.

прочимъ, что нѣкоторые загипнотизированные больные могли воспринимать внушенія о цвѣтныхъ галлюцинаціяхъ глазами, обнаруживающими цвѣтную слѣпоту. Въ дополненіе къ наблюденіямъ Féré онъ говоритъ:

„Призма, поставленная предъ нормальнымъ глазомъ, удвояетъ образъ галлюцинаціи и заставляетъ одинъ изъ образовъ измѣняться по законамъ оптики, даже въ томъ случаѣ, если одинъ глазъ не различаетъ цвѣтовъ, образы при этомъ все таки являются одноцвѣтными (Parineau). Я замѣтилъ у вышеупомянутой женщины, что галлюцинаторные образы были окружены серіей призматическихъ цвѣтовъ. Больная говоритъ, что она видѣла двѣ фигуры, изъ которыхъ одна была окружена радугой“.

Подзорная труба приближаетъ или отдаляетъ воображаемые предметы, соотвѣтственно тому, какъ она установлена,—зеркало тоже отражаетъ галлюцинаціи и даетъ симметричные образы ея.

„Для этого необходимо получить отраженіе пространственныхъ точекъ, которыя служатъ для галлюцинацій. Для передачи симметричности рефлекторнаго образа въ галлюцинаціи, удобно дать галлюцинирующему субъекту предметомъ галлюцинацій портретъ, нарисованный на кусочкѣ бумаги. Представимъ, что профиль воображаемаго портрета обращенъ влѣво. Когда кусочекъ бумаги, на которомъ нарисованъ портретъ, лежитъ передъ зеркаломъ, то субъектъ видитъ тотъ же самый портретъ, но профиль для него повернутъ направо. Если портретъ замѣненъ написанными строками, то въ зеркалѣ буквы кажутся обращенными справо на лѣво или наоборотъ соотвѣтственно тому положенію, въ которое положена бумага предъ зеркаломъ. Этотъ послѣдній опытъ довольно тонокъ и требуетъ извѣстной практики“.

Mr Binet допускаетъ, что его положеніе не всегда состоятельно и его опыты не всегда удаются.

„Мы не думаемъ, что всѣ галлюцинаціи могутъ быть удвоены путемъ давленія глаза. Я болѣе склоненъ думать, что односторонніе галлюцинаціи и галлюцинаціи, происходящія отъ движенія глаза, не даютъ удвоенія, приближенія, отраженія и проч.“.

Mr Binet предлагаетъ спеціалистамъ, которые могутъ часто наблюдать галлюцинаціи, воспользоваться случаемъ повторить эти данныя. Что касается меня, то я старался это дѣлать. Я побывалъ съ этой цѣлью во многихъ лечебницахъ для душевныхъ больныхъ и, благодаря любезности директоровъ, при случаѣ оставался тамъ на нѣсколько дней; но мнѣ ни разу не удалось схватить тотъ необходимый моментъ, когда бы я могъ получить удвоеніе видѣнія, заставляя больного смотрѣть чрезъ призму.

Психологическія изысканія сдѣлали все, что было можно и эти наблюденія побуждаютъ насъ продолжать еще далѣе изслѣдованія, чтобы пролить свѣтъ на вопросъ о галлюцина-

ціяхъ; но мы не должны успокаиваться на томъ, что можемъ указать анатомическое мѣсто ихъ возникновенія. Отношеніе между чувствомъ и перцепціей въ нервной ткани неизвѣстно намъ до сихъ поръ тайну. Мы знаемъ возникновеніе ихъ въ головномъ мозгу и можемъ видѣть ихъ микроскопомъ клѣтки и волокна, но это намъ нисколько не выяснитъ секрета возникновенія въ нашемъ сознаніи чувства, перцепціи и мысли. Наши знанія представляютъ намъ съ одной стороны ученіе о нервныхъ тканяхъ, а съ другой мысли и ощущенія познаваемыя нашимъ самосознаніемъ. Желательно доказать, что физическія явленія слѣдуютъ за концепціей мозговой дѣятельности, но что не измѣненія въ тканяхъ служатъ причиной мысли. Причина, почему галлюцинаціи, какъ кажется, имѣютъ объективную реальность, состоитъ въ томъ, что онѣ зависятъ отъ раздраженія, которое возбуждаетъ нервные элементы чувствующихъ органовъ, или тѣ части чувствительныхъ путей, которыя ведутъ къ мозговымъ центрамъ. Обыкновенный возбудитель глаза есть свѣтъ, но другой возбудитель, какъ напримѣръ, прикосновеніе къ зрительному нерву, или галлюцинаціи могутъ также производить свѣтовыя ощущенія: тоже самое и съ органомъ слуха, — обыкновенный возбудитель слуховаго нерва есть колебанія или вибраціи во внѣшнемъ мірѣ, но галлюцинаціи или непосредственное раздраженіе слухового нерва также могутъ звукъ. Раздраженіе есть общее понятіе, дающее намъ объясненіе о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ нервахъ. Мы знаемъ, какъ мало нужно для возникновенія галлюцинаціи — для этого совершенно достаточно введенія въ организмъ ганашиша, или алкоголя.

Brierre de Boismon, Ball, Emminghaus и Baillarger представили примѣры, гдѣ простое наклоненіе головы вызывало галлюцинаціи. Когда я былъ школьникомъ, 9 лѣтъ, во время урока чистописанія у меня были галлюцинаціи: мнѣ казалось, что крыша надъ моей головой раскрывалась и въ отверстіе высовывалась голова человѣка, подобно тому, какъ мы видимъ проповѣдника во время проповѣди. Его лицо имѣло свирѣпое выраженіе; когда я поднималъ голову его разсмотрѣть, лицо моментально исчезало и появлялось вновь, какъ только я опускалъ голову. Я не сомнѣвался, что эта галлюцинація тѣсно связана съ наклоненіемъ головы; мнѣ это очень сильно безпокоило, хотя я никому объ этомъ не говорилъ, боясь насмѣшекъ; такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ чего все прошло само собой и ничего подобнаго болѣе не появлялось

Простое возбужденіе можетъ произвести и простую галлюцинацію въ видѣ луча и звука, но малѣйшее предрасположеніе къ болѣзненности переводитъ эту простую галлюцинацію въ сложную. Такимъ образомъ требуется два фактора: раздраженіе чувствительныхъ нервовъ и усиленная возбудимость дѣятельности мозга; этимъ путемъ мы не получимъ умопомѣшательства, а только повышенную возбудимость или усиленную дѣятельность воображенія.

Раздраженіе можетъ направляться или отъ периферіи къ центру, или отъ центра къ периферіи. Въ первомъ случаѣ бываютъ поражены органы ощущеній или въ мѣстѣ ихъ начала: глазъ, ухо, поверхность тѣла,—или на протяженіи ихъ къ мозгу,—или же въ чувствительныхъ центрахъ самого головного мозга; здѣсь существуетъ или грубое измѣненіе въ органахъ чувствъ и ихъ нервахъ,—или же происходятъ молекулярныя или химическія измѣненія, называемыя нѣкоторыми вибраціей. Вотъ все, что намъ болѣе или менѣе извѣстно. Но я не принимаю за безусловно доказанное, что сознаніе присуще только одному головному мозгу. Зрительный образъ прежде всего принадлежность сѣтчатки глаза, которая представляетъ собою нѣжную нервную сѣть, обладающую нѣкоторыми свойствами мозговой субстанціи, заключающейся въ возможности воспринимать какія бы то ни было другія раздраженія. Несомнѣнно, что для передачи образа нашей сѣтчаткой частямъ центральной мозговой системы, безусловно необходима непрерывность зрительнаго пути. Этотъ зрительный путь слѣдуетъ по пути бѣлыхъ волоконъ и нѣкоторыхъ узловъ до мозговыхъ извилинъ мозговыхъ полушарій. Въ большинствѣ эти волокна перекрещиваются и переходятъ изъ одного полушарія въ другое. Раздраженіе и возбужденіе одного изъ отдѣловъ этого пути и можетъ производить галлюцинаціи; весьма вѣроятно, что для принятія этихъ галлюцинацій за дѣйствительное явленіе требуется пораженіе одной изъ этихъ частей зрительнаго пути. Но какимъ образомъ случайное возбужденіе зрительнаго пути точно воспроизводитъ такую же самую серію измѣненій и фотографическій снимокъ ихъ на сѣтчаткѣ? Видъ стараго друга, лошади или собаки есть результатъ рефракціи свѣта, отраженнаго ихъ поверхностями.

Теорія галлюцинацій была бы проста, если бы мы могли на этомъ остановиться; но мы обязаны допустить, что случайно механизмъ дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи: отъ центра мысли головного мозга къ чувствительнымъ

органамъ, такъ какъ иногда мозговые образы воспроизводятся ранѣе чувствительныхъ. Это явленіе очень хорошо выражено въ гипнотизмѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сомнамбулизма,— въ которыхъ шепотъ на ухо или мозговая концепція или предубѣжденіе видоизмѣняютъ характеръ галлюцинаціи. Около 60 лѣтъ назадъ Г. David Brewster [1]) замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ предметъ мозгового возбужденія, вызванный въ памяти или въ воображеніи, можетъ быть настолько же яснымъ, какъ если бы онъ являлся предметомъ настоящимъ. Разсматривая подобныя мозговыя явленія, онъ прибавляетъ: „я нахожу, что они слѣдуютъ за движеніемъ глазного яблока совершенно также, какъ спектральныя ощущенія блестящихъ предметовъ и что они похожи на нихъ своею кажущеюся неподвижностью, подобно тому, какъ это бываетъ при механическомъ сдвиженіи глазного яблока". Dr Max Huppert [2]) представилъ намъ цѣлую серію случаевъ, гдѣ слуховыя галлюцинаціи слѣдовали за идеями, порождаемыми въ мозгу или вызванными чтеніемъ. Онъ разсказываетъ объ одномъ 38 л. господинѣ, страдавшемъ общимъ прогрессивнымъ параличемъ, который передъ тѣмъ велъ разнузданную жизнь; онъ жаловался что слышалъ женскіе голоса, обвинявшіе за прежніе его поступки. Онъ очень любилъ чтеніе, но теперь онъ находилъ, что, когда онъ бралъ книгу, слова, которыя онъ читалъ, были повторяемы хоромъ женскихъ голосовъ, въ количествѣ пятидесяти или шестидесяти. Когда онъ бросалъ чтеніе, то слышалъ тѣ же голоса, повторявшіе послѣдніе два слова или слога. Онъ не слышалъ этихъ голосовъ, при чтеніи въ слухъ; но когда онъ останавливался, то хоръ эхомъ повторялъ послѣднее слово. Когда онъ садился писать письмо, то еще не успѣвалъ кончать слова, какъ женскіе голоса какъ бы отгадывали это слово и предупреждали его; чтеніе только однимъ глазомъ производило тоже самое. Одинъ больной передаетъ, что ему на ухо передавались его собственныя мысли, какъ бы кто ихъ угадывалъ и произносилъ. Нѣкоторые разсказываютъ, что слова, стихи или пѣсни, которыя они читаютъ или думаютъ, какъ бы кто поетъ имъ на ухо. Одинъ больной воображалъ, что онъ видѣлъ передъ собой, когда закрывалъ глаза, образъ человѣка или лошади, о которыхъ онъ думалъ. Другой больной видѣлъ въ нѣсколькихъ саженяхъ передъ собой цифры, о которыхъ онъ

---

[1]) Edinburg. Journ. Science, № 5.
[2]) Arch. f. Psychiatr. B. III. № 1.

думалъ. Dr Huppert объясняетъ это, какъ явленіе раздвоенія концепціи, при чемъ акція одного полушарія отражалась въ другомъ, какъ галлюцинація слуха или зрѣнія. Кажется болѣе вѣроятнымъ, что дѣйствительныя воспріятія головного мозга были принимаемы за галлюцинаціи.

Dr Parant [1]) передаетъ такой случай:

„Больная безсознательно объясняетъ сама себѣ свои желанія,— въ такомъ душевномъ состояніи она спрашиваетъ своихъ старшихъ, которые даютъ отвѣты, подходящіе къ ея задуманнымъ идеямъ; отвѣты какъ бы ранѣе подготовлены и являются тотъ часъ же, какъ возникаетъ вопросъ и вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія принимаютъ форму галлюцинацій; въ этомъ случаѣ предболѣзненныя мыслительныя операціи служатъ выраженіемъ дѣятельности воображенія или центровъ перцепціи“.

Подобныхъ случаевъ слишкомъ много и мы должны допустить, что хотя возбужденное состояніе чувствительныхъ путей и центровъ необходимы для галлюцинацій, тѣмъ не менѣе въ этихъ случаяхъ они все-таки должны проявляться какъ результатъ идейной дѣятельности. Въ болѣзняхъ, подобныхъ общему параличу, которыя начинаются воспалительнымъ процессомъ въ высшихъ центрахъ сѣраго вещества мозга, умственное разстройство является раньше галлюцинацій, и послѣднія являются послѣ того какъ болѣзненный процессъ переходитъ на тѣ части головного мозга и нервовъ, которыми обусловливаются чувствительныя функціи. При другихъ заболѣваніяхъ бываютъ обратныя явленія: раздраженія начинаются въ субкортикальныхъ узлахъ и затѣмъ распространяется на мозговую поверхность.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мозговая концепція появляется раннѣе галлюцинацій, мы можемъ предполагать, что волна раздраженія начинается отъ кортикальныхъ частей головного мозга, нисходитъ къ чувствительнымъ центрамъ и путямъ и даже доходитъ до периферіи органовъ чувствъ. Въ началѣ реализированное мозговое представленіе, нисходя внизъ къ чувствительной области, проявляется какъ чувственное ощущеніе,—въ области зрительнаго пути какъ спектръ,—въ области слухового пути какъ звукъ и т. д.

Дѣйствительное же состояніе—какъ все это происходитъ, собственно говоря, намъ неизвѣстно;—намъ неизвѣстно, почему въ данномъ случаѣ представленія высшихъ мозговыхъ центровъ направляются назадъ и вызываютъ въ чувствительныхъ цент-

[1]) Alienist and Neurologist, 1883, № 1.

рахъ ощущенія,—вмѣсто того, чтобы ощущенія субкортинальныхъ центровъ продуцировали представленія въ корковой области, какъ это бываетъ въ обыденной жизни. Въ этомъ случаѣ обыкновенно, какъ разъясненіе, приводятся сновидѣнія, въ одно и то же время являющіяся какъ мозговая дѣятельность очень простая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и таинственная. Существуетъ большое различіе между обыкновеннымъ сновидѣніемъ и галлюцинаціями. Во время сновидѣнія мы теряемъ всякое воспріятіе ощущеній, аналогичное перцепціи и сознанію, которое возникаетъ въ насъ моментально съ нашимъ просыпаніемъ и посредствомъ котораго мы даемъ отчетъ, что было съ нами до этого, что теперь съ нами и гдѣ мы находимся. Въ сомнамбулизмѣ эта параллельная дѣятельность перцепціи и сознанія тоже прекращается и мозгъ въ это время подчиняется всецѣло одной идеи—это то отсутствіе исправляющихъ ощущеній и перцепціи, которое позволяютъ намъ во время сна поддадать ложнымъ идеямъ. Но галлюцинирующій человѣкъ не спитъ и ложныя ощущенія настолько отчетливы, что заглушаютъ собою ощущенія дѣйствительнаго міра; живость этихъ ложныхъ ощущеній настолько сильна, что совершенно уничтожаетъ нелѣпость ихъ при сравненіи ихъ съ условіями окружающей ихъ среды, при которой они появляются. Обыкновенные образы во время моихъ сновидѣній хотя и не имѣютъ реальности настоящихъ ощущеній, тѣмъ не менѣе кажутся если и не совершенно дѣятельными, то все-таки живыми. Мнѣ кажется, что дѣйствіе сна весьма благопріятно для появленія какъ иллюзій, такъ и галлюцинацій прекращеніемъ регулирующаго вмѣшательства разсудка. Во всякомъ случаѣ, галлюцинаціи, какъ мнѣ кажется, подходятъ къ ненормальному явленію и, чтобы сказать точнѣе, стоятъ на границѣ отъ здороваго состоянія къ болѣзни.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Галлюцинаціи Магомета, Лютера и Сведенборга.

Непризнающему божественной миссіи Магомета весьма трудно объяснить притязанія этого замѣчательнаго человѣка и въ тоже время вѣрить въ его искренность. Конечно, исторія даетъ намъ много примѣровъ, когда, путемъ религіознаго обмана, человѣкъ достигалъ извѣстной цѣли, такъ напримѣръ, та женщина, которую Пизистратъ облекъ въ традиціонную одежду Паллады и которая сопровождала его при возвращеніи изъ ссылки въ Аѳины,—или бѣлая лань, сопровождавшая Серторіа въ Испанію, при посредствѣ которой онъ могъ вести переговоры съ богами. Но выдумки такого рода носятъ совсѣмъ иной характеръ и далеки отъ созданія цѣлой религіи, считающей до 140 милліоновъ исповѣдующихъ, и имѣющей до сихъ поръ громадное вліяніе на своихъ послѣдователей.

Постоянное стремленіе являть себя посланникомъ Бога и неустанная борьба въ продолженіи 21 года поставили Магомета во главѣ большей части Аравіи и произвели религіозное броженіе, продолжавшееся и послѣ его смерти. Но главное его вліяніе было спустя нѣкоторое время: разрозненныя бродячія племена, не имѣющія до сихъ поръ ничего общаго и представляющія только отдѣльныя, ничего не значущія песчинки, во имя его ученія соединились въ одно могущественное цѣлое и побѣдоносно прошли къ океану и къ берегамъ Луары.

Безпорно, нельзя поселить убѣжденія въ другихъ, не будучи самому убѣжденнымъ,—и человѣкъ, не имѣющій чести и религіи, такъ же не можетъ дать начала такой религіи, какъ исламъ,—какъ не обладающій музыкальнымъ слухомъ не можетъ написать оперы. Прежнему мнѣнію, что Магометъ былъ только обманщикъ, въ настоящее время трудно вѣрится, и никто изъ извѣстныхъ историковъ не допускаетъ этого, но всегда было трудно допустить, что онъ видѣлъ Архангела Гавріила, слышалъ съ неба голосъ, называющій его небеснымъ посланниковъ и диктующій ему послѣдовательно главы Корана. Долго казалось, что этотъ вопросъ выше чело-

вѣческаго пониманія и что онъ былъ бы и тогда весьма труднымъ, если-бы даже изслѣдователь жилъ въ Меккѣ и Мединѣ, во время самой миссіи Магомета. Много разъ высказывалось предположеніе, что Магометъ страдалъ нервнымъ разстройствомъ, сопровождающимся галлюцинаціями, и если бы это можно было доказать, то интересная историческая проблема была бы разрѣшена. Подобная теорія была заявлена и обработана въ нѣкоторыхъ деталяхъ Спренгеромъ въ его описаніи жизни Магомета [1]). Этотъ ученый, приводя многія положенія, на которыхъ основанъ его разсказъ, позволяетъ намъ въ извѣстной степени выводить свои собственныя заключенія.

Въ этомъ сочиненіи мы будемъ руководствоваться мнѣніями Спренгера и считать ихъ авторитетными, хотя они и противорѣчатъ мнѣніямъ другихъ авторовъ.

Необходимо еще запомнить, что хотя текстъ Корана и не оспаривается мусульманскими философами, но многія преданія, дошедшія до насъ, полны легендъ и неточностей, и даже сами мусульмане не относятся къ нимъ безъ критики, почему теорія ихъ миѳическаго происхожденія можетъ быть вполнѣ допущена. Когда Магометъ получилъ первое откровеніе, ему было сорокъ два года. Въ раннемъ дѣтствѣ онъ остался круглымъ сиротой; за-тѣмъ юношей много путешествовалъ съ купцами; видное же положеніе онъ занялъ въ Меккѣ, благодаря женитьбѣ на богатой вдовѣ, съ которой онъ всегда хорошо жилъ и, не смотря на то, что она была на пятнадцать лѣтъ старше его, онъ никогда не позволялъ себѣ имѣть другой жены.—Есть много разсказовъ о первомъ откровеніи Магомета. Мы приводимъ разсказъ Спренгера, какъ наиболѣе полный:—„Откровенія пророка были столь ясны, какъ ясно само утро. Въ это время онъ почувствовалъ любовь къ уединенію, и жилъ совершенно одинъ въ пещерѣ на горѣ Хира, гдѣ проводилъ дни и ночи въ молитвѣ и религіозныхъ размышленіяхъ и возвращался домой только за пищей, которую бралъ съ собою на нѣсколько дней; такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не получилъ откровенія. Въ пещерѣ Хира Ангелъ явился ему и сказалъ: „читай“, онъ отвѣтилъ, что никогда не учился читать; „Ангелъ, говоритъ Магометъ, схватилъ меня и такъ сжалъ, что я лишился силъ, за-тѣмъ оставилъ меня и сказалъ опять: „читай“, я отвѣтилъ: я ни-

[1]) Das Leben und die Lehre des Mohammed nach bisher grössentheils unbenutzten Quellen, bearbeitet von A. Sprenger. Berlin 1861 г.

когда не буду читать. Такъ дважды Ангелъ повторялъ свое требованіе и получалъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ; за третьимъ разомъ Ангелъ сказалъ: „читай во имя Господа, сотворившаго тебя,—Онъ сотворилъ людей изъ крови, читай"; Господь есть величайшій учитель, Онъ научилъ человѣка писанію, чего тотъ не зналъ".

Дрожа отъ испуга, пророкъ вернулся домой и сказалъ: „Хатиджe, покрой меня",—она укрыла его. Когда дрожь его прошла, онъ сказалъ женѣ: „О, Хатиджe, что случилось со мной" и разсказалъ все, что произошло съ нимъ, прибавляя: „я боюсь за себя". Хатиджe отвѣчала ему: „Ничего, будь добръ, Аллахъ никогда не сдѣлаетъ тебя несчастнымъ, съ помощью Аллаха ты вѣренъ своей семьѣ, ты поступаешь по правдѣ, ты помогаешь въ нуждѣ, ты отзывчивъ на доброе, ты гостепріименъ къ страннику и помогаешь людямъ, впавшимъ въ незаслуженное несчастье".

Затѣмъ Хатиджe повела его къ своему родственнику Варакѣ, бывшему прежде идолопоклонникомъ, но впослѣдствіи принявшему христіанство, знавшему арабскій языкъ и переписавшему на немъ столько Евангелію, сколько было угодно Богу. Онъ былъ очень старъ и слѣпъ. Хатиджe сказала ему: „О дядя, послушай, что твоя родственница разскажетъ тебѣ". Варака отвѣчалъ: „скажи, что ты видѣла"? А затѣмъ онъ объяснилъ. что это былъ тотъ духъ, котораго Господь посылалъ къ Моисею. „О, если бы я дожилъ, воскликнулъ Варака, до того времени, когда люди будутъ гнать тебя". „Неужели люди будутъ гнать меня, спросилъ пророкъ". Да, сказалъ Варака, никогда не было, чтобы человѣкъ, принося то, что ты приносишь, не имѣлъ бы враговъ".

Согласно другому показанію, первое откровеніе Магомета состояло въ томъ, что Магометъ видѣлъ вездѣ одинъ и тотъ же образъ, куда бы онъ ни обратилъ свой взглядъ; по другому варіанту, Магометъ только слышалъ голосъ, взывающій: Магометъ, Магометъ! когда же онъ, осмотрѣвшись, ничего не увидѣлъ, то—онъ убѣжалъ къ своей женѣ и сказалъ ей, что боится быть очарованнымъ и сойти съ ума.

Преданіе говоритъ также, что, во время прогулокъ Магомета въ окрестностяхъ Мекки, каждый камень и каждое дерево встрѣчали его слѣдующими словами: „благо тебѣ, посланникъ Бога"; онъ останавливался и осматривался, но никого кромѣ деревьевъ и камней не было. Пророкъ слышалъ эти слова все время, пока Богу угодно было оставлять его

въ такомъ настроеніи. Наконецъ явился ему Архангелъ Гавріилъ и возвѣстилъ ему, что онъ, Магометъ, посылается Богомъ на гору Хира. Въ Коранѣ о явленіи Архангела Магомету упоминается только вскользь, почему объ этомъ явленіи мы можемъ имѣть свѣдѣнія только изъ преданій, которыя не всегда точны.

Согласно нѣкоторымъ преданіямъ, послѣ перваго явленія Архангела, Магомету долго не было никакихъ откровеній и онъ былъ настолько смущенъ этимъ, что ходилъ то на гору Шабиръ, то на гору Хира, съ намѣреніемъ, броситься съ нихъ въ пропасть. Наконецъ, на горѣ Хира онъ услышалъ голосъ съ неба; онъ стоялъ на горѣ, какъ вкопанный, когда услышалъ этотъ голосъ и, обратясь въ ту сторону, откуда тотъ былъ слышенъ, увидѣлъ Гавріила, сидящаго между небомъ и землею на тронѣ съ скрещенными ногами. Архангелъ сказалъ: „Магометъ, ты во истину посланникъ Бога, а я Архангелъ Гавріилъ“. Теперь Господь обрадовалъ сердце его и преисполнилъ храбрости; съ этого момента начался цѣлый рядъ откровеній.

По другому преданію, на вопросъ, какъ онъ получилъ вдохновеніе, Магометъ отвѣчаетъ [1]). „Вдохновеніе исходило на меня двумя способами: иногда Гавріилъ являлся мнѣ и открывалъ истины просто, какъ это дѣлаетъ одинъ человѣкъ другому,—это было для меня легко; въ другой же разъ откровенія, какъ звонъ колокола, проникали непосредственно мнѣ въ сердце, какъ бы разрывая меня на части,—что для меня было очень тяжело“.

Послѣдующія особенныя явленія въ жизни Магомета, какъ напримѣръ внезапное посѣдѣніе волосъ, были слѣдствіемъ страха, произведеннаго на него ужасами Suras—или глубокихъ впечатлѣній, получаемыхъ имъ при откровеніяхъ изъ Корана. Айше, его любимая вторая жена, говоритъ, что она видѣла всегда лобъ Магомета, во время воспріятія откровеній, покрытымъ каплями пота, хотя бы былъ холодный день. Отоманъ, однажды разговаривая съ нимъ, ясно видѣлъ съ какимъ вниманіемъ тотъ относился къ разговору; вдругъ Магометъ взглянулъ направо, повернулъ туда же голову и какъ будто что-то шепталъ; спустя нѣкоторое время онъ обратилъ свой взоръ на небо, повернулъ голову на лѣво,—а затѣмъ опять обратился къ Отоману,—лицо его было покрыто потомъ.

---

[1]) „The Life of Mohammed“, by Wm. Esq. vol. ii, 378 London.

Отоманъ спросилъ, что съ нимъ случилось,—на это Магометъ отвѣтилъ ему стихомъ изъ Корана, который только что онъ получилъ въ откровеніи. Какой-то бедуинъ очень хотѣлъ видѣть пророка въ то время, когда тотъ получалъ откровенія,—и явился къ нему. Магометъ лежалъ съ Омаромъ и другими послѣдователями, покрытый плащемъ, защищающимъ его отъ солнца. Омаръ позволилъ бедуину взглянуть подъ покрывало, но при этомъ сказалъ, что пророкъ имѣетъ очень красное лицо и кажется очень безпокойнымъ. Черезъ нѣкоторое время пророкъ пришелъ въ себя и разрѣшилъ бедуину его просьбу.

По многимъ сказаніямъ Магометъ страдалъ эпилепсіей,—онъ по временамъ издавалъ звуки, похожіе на крикъ молодого верблюда, а однажды онъ упалъ такъ стремительно и сильно на колѣна Заида, что тотъ опасался, какъ бы Магометъ не сломалъ ему колѣна. По мнѣнію Спренгера такой приступъ можетъ быть принятъ за притворство.

Въ то время, когда Магометъ получалъ откровенія, онъ впадалъ въ комматозное состояніе, точно послѣ сильнаго опьянѣнія, блѣднѣлъ и губы его шевелились, будто онъ говорилъ.

Sier William Muir замѣчаетъ, что весьма важно знать, слѣдовали ли экстазы и вдохновенія Магомета послѣ усиленной фантазіи и глубокаго размышленія, или являлись послѣ обмороковъ, связанныхъ съ болѣзненно-настроеннымъ воображеніемъ физически разстроеннаго организма. Еще есть сказаніе, что нѣкто, Akra b. Habis посѣтилъ пророка въ то самое время, когда у того были поставлены банки на затылокъ, и сказалъ ему: „о, сынъ Abu Habscha, зачѣмъ ты позволяешь ставить себѣ банки на серединѣ головы“? На что Магометъ отвѣчалъ: „это средство отъ головной и зубной боли, оцѣпенѣнія и проказы“,—a Layth прибавляетъ, будто онъ сказалъ еще, что и „отъ бреда“.

Спренгеръ говоритъ, что Магометъ ставилъ банки при разныхъ болѣзняхъ; онѣ были сдѣланы изъ рога и, вѣроятно, походили на тѣ, которыя описываетъ Celsius.

Если мы допускаемъ, что Магометъ впадалъ въ извѣстный родъ трансовъ, имѣющихъ мѣсто при галлюцинаціяхъ, то эти припадки строго отличаются отъ обыкновенной эпилепсіи. Gibbon говоритъ намъ на одной изъ страницъ своего сочиненія „Decline and Fall“, что „эпилепсія или случаи падучей болѣзни Магомета подтверждены и указываются Θеофаномъ, Гономъ и другими греческими писателями; но молчаніе и невѣ-

дѣніе этого факта арабскими комментаторами въ большей мѣрѣ опровергаетъ вышесказанное мнѣніе (греческихъ историковъ), нежели всѣ отрицанія нынѣшнихъ писателей. Великій историкъ, незнавшій по арабски, вѣроятно не зналъ также о преданіяхъ, передаваемыхъ Спренгеромъ.

По вопросу о томъ, страдалъ-ли Магометъ эпилепсіей, одинъ еврейскій ученый пишетъ слѣдующее: [1]) „удачная миссія Магомета опровергаетъ медицинскія предположенія о томъ, что онъ страдалъ эпилепсіей; мы не думаемъ, чтобы эпилепсія давала возможность страдающему ею считать себя за пророка, ни являть себя таковымъ передъ обитателями Востока; не думаемъ, чтобы она могла вдохновлять его и давать возможность являть такое грандіозное ученіе; совсѣмъ наоборотъ, онъ, страдающій эпилепсіей, былъ бы принятъ за бѣсноватаго и его ученіе считалось бы дьявольскимъ ученіемъ, такъ какъ у Финикіянъ, древнихъ грековъ, Римлянъ и у Іудеевъ низшаго класса, послѣ Вавилонскаго плѣненія, эпилептики принимались за одержимыхъ бѣсомъ“. Ясно, что Deutch не раздѣляетъ предположенія о томъ, что Магометъ страдалъ эпилепсіей, хотя допускаетъ мнѣніе [2]), что Магометъ впадалъ въ состояніе транса, въ которомъ онъ всегда получалъ божественныя откровенія. Съ эпилепсіей всегда связывалась идея о чемъ то сверхъ-естественномъ.

Греки называли эпилепсію священою болѣзнью; неистовыя вакханаліи были вдохновлены Богомъ; изрѣченія Пиѳіи сопровождались всегда сверхъестественными явленіями; умоизступленіе и эпилептическія конвульсіи были почти необходимыми признаками божественности, такъ напримѣръ у Виргилія Sibilla поетъ:

„At, Phoebi nondum patiens, immanis in antro.
Bacchatur vates, magnum si pectore possit.
Excussisse deum; tanto magis ille fatigat.
Os rabidum, fera corda domans, fingitque premendo“.
Virgili Aeneidos liber VI, p. 77—80.

Однако не трудно отличить простого эпилептика отъ вдохновеннаго пророка.—Въ большинствѣ случаевъ эпилептикъ совершенно теряетъ сознаніе и когда оно снова къ нему возвращается, онъ находится въ угнетенномъ и сноподобномъ состояніи,—не то совсѣмъ бывало съ Магометомъ, который послѣ вдохновенія читалъ риѳмованныя строки Корана.

[1]) Literary Remains of the late Emanuel Deutch. 1874.
[2]) Op. cit. p. 83.

Эпилептическія конвульсіи суть симптомы мозговой иррита-ціи и составляютъ одинъ изъ существенныхъ признаковъ эпи-лепсіи,—другіе симптомы заболѣванія эпилепсіей разнообраз-ны. Эпилепсія, выражающаяся часто повторяющимися припад-ками, является болѣзнью, въ большинствѣ случаевъ разруши-тельно дѣйствующей на мозговую дѣятельность и на ясность мыслей; но бываютъ случаи, когда и при часто повторяю-щихся припадкахъ, но при заболѣваніи въ зрѣломъ возрастѣ, эпилепсія не оказываетъ такого вреднаго вліянія на мозговую дѣятельность. Въ иныхъ случаяхъ больной бываетъ только капризенъ и раздражителенъ. Въ исключительныхъ случаяхъ эпилепсіи интеллектуальныя способности являются не только не пониженными, а, напротивъ, умственная дѣятельность такихъ эпилептиковъ повышена, они являются талантливыми, иногда даже геніальными [1]). Приближенію припадка въ нѣкоторыхъ случаяхъ предшествуетъ особенное странное ощущеніе во всѣхъ частяхъ тѣла, восходящее къ головѣ; оно называется aura, такъ какъ больному кажется, что онъ испытываетъ прикос-новеніе холоднаго воздуха или пара. Докторъ Balle говоритъ:

„Aura нерѣдко выражается галлюцинаціями, чаще всего галлю-цинаціями зрѣнія; такъ одинъ больной вначалѣ приступа видѣлъ зубчатое колесо, въ серединѣ котораго появлялось человѣческое лицо, дѣлающее странныя гримасы; другой больной въ этомъ со-стояніи видѣлъ цѣлую серію прекрасныхъ ландшафтовъ; въ иныхъ случаяхъ являются галлюцинаціи слуха: больной слышитъ голо-са или странный шумъ; еще въ иныхъ случаяхъ приближенію припадка предшествуетъ разстройство обонянія, или же цѣлый рядъ другихъ разстройствъ нервной системы.“

Dr. Raab [2]) описываетъ три случая эпилепсіи, когда, въ промежуткахъ, между припадками, у больного былъ бредъ безъ галлюцинацій; онъ же цитируетъ два наблюденія Leob, гдѣ эпилептики вели воображаемые переговоры съ Богомъ и Христомъ.

Dr. Adolph Kühn [3]) даетъ намъ три наблюденія, которыя онъ дѣлалъ въ исправительномъ домѣ въ Морангеймѣ; два субъекта въ данномъ случаѣ страдали безспорно эпилепсіей, третій—съ вѣроятностью: у этого больного внезапно появлялось двоеніе предметовъ, сопровождаемое безпокойствомъ и видѣ-ніями,—такое состояніе продолжалось двѣ или три минуты, при возвращеніи же сознанія, онъ помнилъ все, что видѣлъ.

[1]) См. „Leçons sur les maladies mentales“, par. B. Ball, Paris 1880—1883 p. 504.

[2]) Der Jrrenfreund, № 10, 1883.

[3]) Centralblatt für Nervenheilkunde, № 13; 1883.

Dr. Raab предполагаетъ, что такія галлюцинаціи служатъ замѣною или эквивалентомъ обыкновенныхъ эпилептическихъ припадковъ.

Dr. Howden [1]), опытный психіатръ, замѣчаетъ, что при эпилепсіи бываютъ часто религіозные экстазы, не имѣющіе никакого отношенія къ воззрѣніямъ и нравственному состоянію больного.

Dr. Toselli [2]) говоритъ, что, во всѣхъ формахъ страданія эпилепсіей, религіозныя возбужденія бываютъ очень часты и что всѣ ученые, наблюдающіе умственное и нравственное разстройство у эпилептиковъ, замѣчали у нихъ болѣзненное проявленіе религіозности, которой у нихъ совершенно не было въ нормальномъ состояніи, при чемъ нѣкоторые изъ такихъ больныхъ были крайне безнравственны и порочны.

Dr Howden указываетъ нѣсколько примѣровъ помѣшенія у эпилептиковъ религіознаго настроенія, — одинъ изъ нихъ, очень интересный, приводимъ здѣсь: „человѣкъ, 47 лѣтъ, у котораго уже было нѣсколько сильныхъ эпилептическихъ припадковъ, но который, не смотря на это, отличался крѣпостью и здоровьемъ, проснулся однажды съ крикомъ, что онъ умираетъ. Утромъ онъ былъ увѣренъ, что умеръ, и что душа его находится на небѣ, причемъ жаловался сначала на сильную слабость, а потомъ снова началъ увѣрять, что умираетъ. Съ этого времени весь его разговоръ принялъ религіозный характеръ. На другой день онъ опять былъ увѣренъ, что умеръ, что душа его обрѣтается на небѣ въ полномъ блаженствѣ. Такъ продолжалось два дня. На третій день онъ объявилъ, что его тѣло и душа снова соединились въ этомъ мірѣ, а черезъ нѣсколько дней онъ вновь былъ способенъ принятья за свою работу. Его сужденія обо всемъ, исключая вопроса объ его снѣ-ніяхъ, были вполнѣ разумны, онъ только настойчиво увѣрялъ, что Богъ послалъ ему это видѣніе, какъ средство къ самоусовершенствованію, что онъ теперь нравственно обновленъ и что до сихъ поръ онъ не имѣлъ понятія объ истинѣ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что его душа возносилась на небо, представляющее собой прекрасную страну, изобилующую самыми чудными деревьями, кустарниками и цвѣтами".

Одинъ изъ паціентовъ Dr. Toselli, во время припадковъ эпилептическаго головокруженія, страдалъ галлюцинаціями зрѣнія, на что однако онъ имѣлъ силу не обращать большаго вниманія. Этотъ больной, не придававшій до болѣзни большаго значенія религіознымъ вопросамъ, теперь чувствовалъ непреодолимое стремленіе читать молитвы, при чемъ символическіе внѣшніе знаки религіозности и слова молитвы выражались раньше, чѣмъ наступало у него нравственное религіозное настроеніе.

[1]) „The Religions Sentiment in Epileptics" by S[illegible] Howden. Journal of Mental Science. January 1873 г.

[2]) „Sulla Religiosità degli Epilettiecі". Studio di Enrico Toselli. Archivio Italiano, anno XV, fasc Milan 1879.

Во время религіознаго бреда, нѣкоторые эпилептики получаютъ приказанія отъ Бога, чувствуютъ воплощеніе въ себѣ пророческаго или реформаторскаго духа, и подчасъ слышанныя ими приказанія побуждаютъ ихъ совершать неслыханныя жестокости. Одинъ изъ эпилептиковъ, по словамъ того-же dr. Toselli, готовъ былъ броситься съ моста, но въ это время ему явилась Богородица и сказала, что онъ еще не достоинъ умереть; въ другой разъ онъ ужъ совсѣмъ рѣшилъ убить своего сына, но внезапное вдохновеніе и религіозная галлюцинація удержали его отъ этого поступка.

Мы не думаемъ объяснять успѣхъ миссіи Магомета исключительно эпилепсіей; онъ связанъ съ характеромъ этого человѣка и съ настроеніемъ вѣка, въ которомъ онъ жилъ,—но мы думаемъ, что его галлюцинаціи происходили отъ нервнаго разстройства, которое выражалось эпилептическими припадками. Во время этихъ галлюцинацій, онъ видѣлъ разныя видѣнія, слышалъ звуки и, благодаря имъ, увѣровалъ, что онъ Божій посланникъ, до чего, безъ этихъ галлюцинацій, онъ не дошелъ-бы ни религіознымъ возбужденіемъ, ни абстрактнымъ монотеизмомъ. Увѣровавъ-же въ свое божественное призваніе, ему уже не трудно было слѣдовать по этому пути. Мы думаемъ, что эпилептическіе припадки у него были довольно рѣдки, такъ какъ частое появленіе ихъ отозвалось-бы гибельно на его трудной дѣятельности и его миссіи, такъ какъ и безъ того у него было много препятствій въ его дѣятельности до и послѣ ухода въ Медину. Его постоянное участіе въ войнѣ, его предводительство въ двѣнадцати походахъ, способность переносить много лишеній и опасностей, которымъ онъ подвергался, служатъ доказательствомъ, что его здоровье не настолько было разстроено эпилепсіей, какъ это бываетъ при часто повторяющихся припадкахъ у людей, страдающихъ эпилепсіей. Устраняя его притязанія на роль божественнаго посланника, мы не имѣемъ права считать его умственно больнымъ. Напротивъ, онъ обладалъ безусловно недюжиннымъ умомъ, для того чтобы предпринять столь великое дѣло, стоять во главѣ его, предводительствовать на войнѣ и вести переговоры съ непріятелемъ.

Во многихъ сочиненіяхъ о разстройтвѣ умственныхъ способностей можно встрѣтить мнѣніе, что Юлій Цезарь и Наполеонъ первый были эпилептики. Все, что намъ извѣстно о Юліѣ Цезарѣ, мы знаемъ изъ авторитетнаго источника Све-

тонія (Suetonius), *) который говоритъ, что Цезарь былъ вполнѣ здоровъ и только въ концѣ ужъ его жизни съ нимъ случались внезапные обмороки, онъ пугался во снѣ, а два раза у него были эпилептическіе припадки, которые случились съ нимъ во время его усиленныхъ занятій.—Плутархъ также говоритъ, что съ Цезаремъ былъ припадокъ во время битвы при Тансѣ; но битва при Тансѣ была уже одна изъ его послѣднихъ битвъ. Весьма вѣроятно, что эти припадки явились у него уже въ концѣ его жизни, такъ какъ опять таки врядъ-ли Цезарь, если-бы онъ страдалъ постоянно часто повторяющимися эпилептическими припадками, достигъ того положенія, котораго онъ достигъ. Правда возможно, что если-бы кинжалы Брута и Кассія не прекратили преждевременно его жизни, то онъ кончилъ-бы помѣшательствомъ, благодаря своей разгульной, дикой жизни, сходной съ жизнью безумнаго тирана Калигулы, который, по словамъ Свѣтонія, былъ психико-лунатикомъ.

Что касается Наполеона, то мы можемъ повѣрить біографіи Бурьена, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

Многіе думаютъ, что Наполеонъ былъ склоненъ къ эпилепсіи, но въ продолженіи болѣе, чѣмъ одиннадцати проведенныхъ мною съ нимъ лѣтъ, я никогда не видалъ ни одного симптома, указывающаго на присутствіе этой болѣзни.

На это возражаютъ, что Бурьенъ мало видѣлъ Наполеона послѣ 1804 года. Въ мемуарахъ Madame de Remusat и Меттерниха мы имѣемъ описанія частной жизни Наполеона и послѣ 1804 года, но и здѣсь ничего не упоминается объ эпилепсіи.

Разбирая данныя указанія, имѣющіяся у насъ относительно миссіи и болѣзни Магомета, мы можемъ сдѣлать заключеніе, что пророкъ въ началѣ своей дѣятельности былъ подверженъ галлюцинаціямъ слуха и зрѣнія. Эти галлюцинаціи, являясь Магомету въ то время, когда онъ былъ занятъ глубокими религіозными размышленіями и былъ такъ сильно возбужденъ противъ идолопоклонства и политеизма народовъ Мекки, могли повліять на него такъ, что онъ принялъ собственныя галлюцинаціи за видѣнія, посланныя Богомъ. Это убѣжденіе поддерживали въ немъ его жена, Хатиджа, и его родственники.—

*) Valetudine prospera. nisi quod tempore extremo repente animo ligui atque etiam persomnium exterreri solebat. Comitiali quoqin morbo bis inter res agendas correptus est—Suetonius XII Causares, cap. 45.

Такимъ образомъ, онъ благодаря какъ-бы внѣшнимъ побужденіямъ, началъ свою громкую миссію пророка. Трудно опредѣлить характеръ галлюцинацій Магомета въ послѣднія двадцать лѣтъ его жизни; но есть основаніе предполагать, что онѣ сдѣлались менѣе часты послѣ бѣгства его въ Медину. Однако послѣ того, какъ онъ увѣровалъ, что получаетъ непосредственно откровенія отъ Бога и когда этому повѣрили и другіе, Магометъ началъ смотрѣть на свои сновидѣнія, галлюцинаціи и импульсы своихъ мыслей, какъ на знаменіе избранія его посланникомъ Аллаха. На ряду съ этимъ у него былъ мощный и проницательный умъ, способность управлять человѣческими страстями, и обладанье замѣчательной силой слова,—вотъ почему, если даже и считать Магомета помѣшаннымъ, то нужно признать, что это былъ типъ очень рѣдко встрѣчающагося помѣшательства. Есть громадная разница между безпорядочными галлюцинаціями у человѣка, съ разстроенными умственными способностями, и галлюцинаціями, имѣющими систематическій характеръ. Галлюцинаціи Магомета приняли опредѣленную форму, послѣдовательно примѣнялись къ препятствіямъ, критикѣ, оппозиціи и наконецъ способствовали къ проповѣди религіи, быстро распространившейся и, благодаря устойчивости, принятой цѣлыми массами. Казалось, будто кто-то стоялъ за Магометомъ, направляя его галлюцинаціи или бредъ и дѣлая ихъ способными производить на другихъ такое глубокое впечатлѣніе.

Sir William Mouir убѣжденъ, что пророкъ дѣйствовалъ по внушеніямъ дьявола. Спренгеръ смѣется надъ своимъ сотоварищемъ, біографомъ, говоря, что если народъ до сихъ поръ вѣритъ въ персонификацію дьявола, то непонятно, почему-бы народъ не заставилъ его чѣмъ либо проявить себя. Спренгеръ хотя и подтверждаетъ, что Магометъ былъ подверженъ галлюцинаціямъ и истерическимъ припадкамъ, но горячо отвергаетъ ихъ реальность и обвиняетъ пророка въ обманѣ, фокусничествѣ и въ религіозномъ и политическомъ фрондерствѣ. Но мы вполнѣ допускаемъ, что человѣкъ, воспитанный съ дѣтства на вѣрѣ въ привидѣнія, которыя онъ видитъ иногда въ извѣстной обстановкѣ въ темнотѣ, точно также субъектъ, вѣрящій въ явленія ангеловъ людямъ, можетъ легко принять галлюцинаціи за дѣйствительность. Магометъ много слышалъ о явленіи ангеловъ еврейскимъ пророкамъ, вѣрилъ въ колдуновъ, въ злыхъ и добрыхъ духовъ, отвергалъ политеизмъ и идолопоклонство, всегда былъ глубоко религіозенъ и въ поз-

наніи истины сознавалъ себя, стоящимъ выше своихъ сограждань—идолопоклонниковъ. Не будучи знакомъ съ физіологіей мозговой дѣятельности, онъ вѣрилъ, что человѣкъ можетъ быть соблазняемъ злыми духами. И, сомнѣваясь иногда въ правотѣ своихъ воззрѣній, онъ прислушивался къ убѣжденіямъ людей, съ которыми былъ близокъ и которымъ вѣрилъ. Принимая все это во вниманіе, мы не можемъ называть его сумашедшимъ. Въ древнія времена и у полуцивилизованныхъ націй, во имя религіи, продѣлывалось то, что въ наше время можетъ рѣшиться только самый безнравственный человѣкъ. И то, что является въ порядкѣ вещей въ одно время, въ другое время не можетъ быть мыслимо. Если притязаніе на пророческое вдохновеніе можетъ служить достаточнымъ поводомъ къ признанію умопомѣшательства, то, конечно, Магометъ былъ помѣшанъ, но если этого не достаточно, то на какомъ основаніи это обвиненіе было выведено на сына Абдаллаха.—Если-бъ мы имѣли сочиненіе, о немъ написанное Abii Sophian или кѣмъ либо другимъ изъ его противниковъ, то, безъ сомнѣнія, тамъ мы бы познакомились со всѣми его дурными сторонами: но насколько мы знаемъ о немъ изъ описаній его друзей, онъ вездѣ выставленъ savoir faire. Его манера говорить и дѣйствовать вліяли хорошо даже на его враговъ. Коранъ, безъ сомнѣнія, его собственное произведеніе, хотя, вслѣдствіе перевода, является скучнымъ и утомительнымъ, но это рѣшительно не даетъ никакого права считать автора этого произведенія помѣшаннымъ. Мусульмане конечно очень ревниво поддерживаютъ заявленіе Магомета, что составленіе Корана имѣетъ божественное начало, но если Иліада и Одиссея написаны помимо божественнаго откровенія, то и Магометъ не имѣлъ въ немъ надобности, составляя Коранъ.

Обозрѣвая вообще всѣ религіи, мы видимъ, что единственно исламъ является устойчивой религіей послѣ распространенія христіанства. Христіанство распространяется среди индусовъ-буддистовъ, находитъ много послѣдователей среди другихъ обитателей востока, создавшихъ грубый культъ шаманизма, и только одинъ исламъ, не смотря даже на преслѣдованія и гоненія, упорно не поддается проповѣдямъ христіанства. Христіанство среди мусульманскихъ земель распространялось только тогда, когда мусульмане покидали эти страны и выселялись; такъ сарацины были изгнаны изъ Сициліи, мавры изъ Испаніи, турки изъ Греціи и Румыніи. И въ наше время могущество ислама выражается обращеніемъ въ ма-

гометанство цѣлыхъ рассъ въ Африкѣ съ милліоннымъ населеніемъ.—Основной принципъ,—идея магометанства не могла способствовать торжеству его и быстрому распространенію, эта религія даже не имѣетъ духовенства въ собственномъ смыслѣ этого слова; но въ ней есть что-то другое, что влекло къ ней жителей Востока болѣе, нежели другія религіи, въ ней есть что-то болѣе сродное восточному человѣку. Строгая и ясная простота исповѣданія вѣры Магомета, единоличность Божества, незатемненная идеей эманаціи, чуждая пантеистическаго смѣшенія идеи Бога съ силами природы и душею человѣка, простота и ясность этой религіи способствовали ея быстрому распространенію. Успѣшное распространеніе религіи Магомета нельзя приписать исключительно и силѣ оружія; распространеніе христіанства шло часто рука объ руку съ такими жестокостями, которыя даже никогда не грезились ни одному халифу. Нельзя отрицать, что первые успѣхи послѣдователей пророка способствовали пріобрѣтенію массы адептовъ,—для большинства успѣхъ вообще очень обаятеленъ; на ряду съ этимъ Магометъ воскресилъ боевые наслѣдственные инстинкты, ослабленные христіанствомъ. У первыхъ христіанъ физическая любовь порицалась, какъ вещь, не совмѣстимая съ высшей добродѣтелью, считалась позорнымъ осквернеіемъ святости идеала. Сирія и Египетъ были полны монахами и отшельниками, ведшими подвижническую жизнь, которая рѣзко расходилась съ жизнью остальныхъ жителей. Здѣсь исламъ являлся какъ-бы реакціей аскетизма. Вмѣсто того. чтобы считать слабостью и грѣхомъ радости и наслажденія, свойственныя почти всѣмъ людямъ, Магометъ обѣщаетъ продленіе этихъ радостей и наслажденій въ раю. Запрещеніе употреблять вино, происшедшее можетъ быть отъ слабости здоровья и нервозности пророка, также способствовало распространенію магометанской религіи среди дикаго народа. Наконецъ идея возмездія, обѣщаніе страшнаго суда и проповѣдь Магомета объ ужасахъ ада имѣли также не малое значеніе. Не смотря на то, что историческія свидѣтельства истиннаго происхожденія Корана весьма слабы, мы встрѣчаемъ очень мало образованныхъ мусульманъ, которые-бы относились скептически къ этому вопросу. Проживъ самъ нѣсколько лѣтъ среди Магометанъ, я убѣдился, что ихъ вѣра не противорѣчитъ идеаламъ альтруизма, а генералъ Гордонъ говоритъ: „я люблю магометанина за то, что онъ не стыдится своего Бога, его жизнь открыта и честна“.

Сведенборгъ сильнѣе и рѣзче Магомета доказывалъ свое общеніе съ духовнымъ міромъ и передаетъ за несомнѣнную истину свои разговоры съ ангелами и душами умершихъ людей, съ которыми онъ всегда могъ разговаривать по своему желанію, но въ это время онъ впадалъ въ бредъ и трансы. Описаніе перваго откровенія Сведенборга мы находимъ въ „Dreams“, —это происходило въ Галѣ 6 и 7 апрѣля 1774 г. *).

„Въ десять часовъ вечера я легъ въ постель, чувствуя себя лучше; часъ спустя, я услышалъ у себя подъ головой шумъ и рѣшилъ, что это уходилъ отъ меня мой соблазнитель. Я совсѣмъ оцѣпенѣлъ и дрожалъ. Эта оцѣпенѣлость распространялась по всему тѣлу, потрясающій ознобъ повторялся нѣсколько разъ, „я чувствовалъ наитіе святости; вскорѣ я заснулъ, и около 12 или 2-хъ час. ночи со мной сдѣлался такой сильный ознобъ, что, мнѣ казалось, будто на меня дуетъ со всѣхъ сторонъ вѣтеръ; мнѣ показалось, что меня именно этотъ вѣтеръ свалилъ съ кровати; сброшенный съ постели, я внезапно проснулся и увидѣлъ, что лежу, распростертый на землѣ; первыя минуты я никакъ не могъ понять, что это все значитъ, но когда я заговорилъ, то почувствовалъ, что произношу не свои слова, а внушенныя мнѣ свыше. Я повторялъ слѣдующее: „Всемогущій Іисусъ Христосъ, если Ты по своему милосердію снизошелъ къ такому великому грѣшнику, какъ я, сдѣлай меня достойнымъ Твоей милости“; затѣмъ я сложилъ руки и началъ молиться. Въ это время явилась рука и сильно сжала мои руки, а я продолжалъ молиться“.

Нѣкто Спренгеръ, другъ Сведенборга, наблюдалъ его въ одной харчевнѣ, когда тотъ въ продолженіи получаса, поднимая руки къ небесамъ и покачиваясь всѣмъ туловищемъ, что-то говорилъ, затѣмъ быстро опустилъ руки и вскрикнулъ: „мой Богъ“, послѣ чего Сведенборгъ успокоился и легъ: присутствовавшіе спрашивали его, не боленъ-ли онъ? Онъ имъ отвѣчалъ: „я имѣлъ длинную бесѣду съ ангелами и моими небесными друзьями и теперь еще весь въ поту“.

Однажды, у себя дома, Сведенборгъ впалъ въ экстазъ; бывшіе у него въ то время два еврея, думая, что онъ въ безсознательномъ состояніи, унесли его золотые часы, но онъ, прійдя въ себя, просилъ ихъ возвратить взятую ими у него вещь. Въ другой разъ генералъ Тихеп видѣлъ его въ бреду: Сведенборгъ сидѣлъ, облокотясь на столъ, и, закрывъ лицо руками, генералъ съ нимъ заговорилъ; тотъ сейчасъ пришелъ въ себя, но казался растеряннымъ и ажитированнымъ. Самъ Сведенборгъ очень странно объясняетъ испытанныя имъ ощущенія, когда

*) This passage is taken from. „The literature and Curiosities of Dreams“, by Frank Seafield, M. A. London 1865.

въ бытность его въ Лондонѣ къ нему явился ангелъ и запретилъ ему много ѣсть. Онъ чувствовалъ, будто изъ всѣхъ поръ его тѣла исходили пары, онъ ихъ не только ощущалъ, но и видѣлъ, даже видѣлъ, какъ они сгущались и падали на полъ, и какъ изъ нихъ на полу образовался коверъ, на которомъ эти пары, сгустившись, обращались въ червей; эти только-что образовавшіеся черви сгорали яркимъ пламенемъ, при чемъ былъ слышенъ сильный трескъ. Сведенборгъ въ своихъ многочисленныхъ работахъ ясно указываетъ, какъ всѣ его умственныя силы содѣйствовали его самообману, такъ въ тѣхъ мѣстахъ Евангелія, гдѣ никто не видѣлъ ничего загадочнаго и непонятнаго, онъ непремѣнно находилъ таинственный смыслъ, онъ ясно помнилъ свои сбывшіяся предсказанія и забывалъ несбывшіяся, смѣшивалъ свои сновидѣнія съ тѣмъ, что было на яву и наконецъ потерялъ окончательно возможность отличать дѣйствительное и фантастическое.

Настанетъ время, когда шведскаго мистика не будутъ уподоблять пророку Аравіи, особенно послѣ прекрасной работы доктора Maudsley о Сведенборгѣ, напечатанной въ Journal of mental Science [1]).

Возможно что строгое научное изслѣдованіе жизни другихъ личностей, называющихъ себя пророками и провозвѣстниками новыхъ религій, научитъ насъ оріентироваться въ этомъ вопросѣ, хотя его тщательное изслѣдованіе является дѣломъ труднымъ, такъ какъ почти всѣ оригинальныя сочиненія древнихъ религій пророковъ забыты или утеряны, а наблюденія древнихъ философовъ часто смѣшиваются съ наблюденіями позднѣйшихъ мыслителей и толкователей.

Если Лютеръ не создалъ новой религіи, онъ все-же былъ иниціаторомъ великаго религіознаго движенія. Всѣмъ извѣстно его своеобразное ученіе относительно дьявола, но это не трудно объяснить тѣмъ, что, одаренный необыкновенной проницательностью и геніальнымъ умомъ, Лютеръ, ученый схоластикъ, остроумный критикъ, всю жизнь однако не могъ избавиться отъ предразсудковъ, которыми щедро надѣленъ саксонскій крестьянинъ. Не зная естественныхъ наукъ, онъ не могъ понимать и объяснить себѣ тѣхъ явленій внѣшняго міра, которыя ему приходилось наблюдать. Въ этомъ случаѣ онъ впадалъ въ туже ошибку, въ какую обыкновенно впадаютъ тѣ, кто же-

[1]) См. The numbers for july and october 1869.

лась объяснить неизвѣстное вліяніемъ законовъ и силъ, еще неизслѣдованыхъ и неизвѣстныхъ имъ.—Вся дѣятельность Лютера была поглощена чисто нравственными вопросами, его исключительно интересовали вопросы души, вся жизнь его была безконечной духовной борьбой. Всѣмъ современнымъ ему политическимъ, общественнымъ равно и физическимъ явленіямъ онъ давалъ психологическое объясненіе, но во всѣхъ этихъ явленіяхъ онъ видѣлъ вмѣшательство внѣшней силы и считалъ ее важнѣйшимъ импульсомъ. Однажды, во время сильной бури, Лютеръ сказалъ: „то дѣйствіе дьявола, вѣтеръ вообще есть явленіе добраго или злого духа. Слушайте какъ дьяволъ пыхтитъ [1]). Всѣхъ безумныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ Лютеръ считалъ одержимыми бѣсомъ, а врачей, лечащихъ эти болѣзни и считавшихъ ихъ простыми патологическими явленіями, невѣждами, ничего незнающими о власти дьявола. Разъ онъ приказалъ бросить одного кретина въ Молдаву, мотивируя свой поступокъ тѣмъ, что считаетъ кретинизмъ дьявольскимъ наважденіемъ. Вѣра этого великаго человѣка въ силу дьявола кажется въ наше время странной; достаточно было одной десятой части критики, ставившей виттенбергскіе тезисы на ряду съ апокалипсисомъ и посланіемъ Ап. Іуды, дабы разсѣять нелѣпыя теоріи о бѣсѣ, которыя занимаютъ въ проповѣдяхъ Лютера такое видное мѣсто. Лютеръ былъ властолюбивъ и подверженъ нервнымъ эффектамъ, которые онъ объяснялъ вліяніемъ на него дьявола. Во время его пилигримства въ Римъ, ему было около 27 лѣтъ, и въ это время онъ уже страдалъ головокруженіями и галлюцинаціями слуха [2]).

„Зубная и ушная боль, которою я страдалъ, говоритъ онъ, хуже моровой язвы; въ бытность мою въ Кабурѣ въ 1530 году, я страдалъ такимъ шумомъ и жужжаніемъ въ головѣ, что мнѣ казалось, будто у меня дуль въ головѣ вѣтеръ; конечно все это было дѣло дьявола.“ Однажды, какой-то человѣкъ жаловался Лютеру, что онъ страдаетъ чесоткой; Лютеръ сказалъ ему: „я очень былъ бы радъ помѣняться съ вами и прибавилъ бы еще 10 флориновъ; вы не повѣрите, какъ ужасно головокруженіе,—сегодня, напримѣръ, во весь день я не былъ въ состояніи сосредоточиться настолько, чтобы прочесть письмо, я не могъ даже прочесть двухъ или трехъ строчекъ псалма. Черезъ каждыя 11, 12 секундъ жужжаніе и шумъ продолжаются у меня и я боюсь упасть со стула; ваша же чесотка ничего не значитъ, это даже полезный недугъ.“ Въ 1530 году

---

[1]) These quotations are all taken from „Michelet's Life of Luther“ translated by William H litt, London 1856.

[2]) Dr. Berkhan. Archiv für Psychiatrie 1881.

онъ пишетъ: „Лишь только я принимаюсь за работу, голова моя наполняется свистомъ, жужжаніемъ, грохотомъ. и если я тотчасъ не прекращу работу, со мной дѣлается обморокъ; послѣдніе же три дня я не былъ въ состояніи заглянуть въ книгу; вначалѣ я еще могъ сосредоточиваться на коротенькой главѣ, затѣмъ только на параграфѣ, далѣе на одномъ словѣ, а потомъ я уже потерялъ окончательно способность сосредоточиваться на чемъ бы то ни было.

Въ тотъ день, когда я получилъ письмо отъ васъ изъ Нюренберга, меня вторично посѣтилъ дьяволъ; я былъ одинъ и въ это время бѣсъ овладѣлъ мною, онъ сбросилъ меня съ постели и заставилъ увидѣть его въ человѣческомъ образѣ".

Это характерное описаніе того болѣзненнаго явленія, которое называется раздражительностью головного мозга, сопровождающеюся упадкомъ мозговой дѣятельности.

Во время своей послѣдней болѣзни, Лютеръ пишетъ:

„Я полагаю, причина моей болѣзни обусловливается истощеніемъ, престарѣлымъ возрастомъ, результатомъ долголѣтняго труда и постояннаго напряженія мыслей; а главный виновникъ моей болѣзни есть дьяволъ; если это такъ, то нѣтъ на свѣтѣ средства, которое могло бы меня излечить."

Во время его строго уединенной жизни въ Аугсбургскомъ замкѣ, онъ былъ въ сильномъ нервномъ возбужденіи. До настоящаго времени мы не имѣемъ достаточно ясныхъ указаній того факта, когда Лютеръ бросилъ въ дьявола чернильницей, хотя и теперь показываютъ чернильное пятно на стѣнѣ той комнаты, гдѣ онъ жилъ. Слѣдующій разсказъ Лютера указываетъ на то, что онъ страдалъ галлюцинаціями зрѣнія, а быть можетъ и галлюцинаціями слуха.

„Въ 1521 году, по выѣздѣ моемъ изъ Вормса, я былъ арестованъ близь Айзенаха и отосланъ на мой Патмосъ въ Аугсбургскій замокъ; здѣсь я жилъ (въ нѣсколькихъ комнатахъ) въ полномъ уединеніи и кромѣ двухъ мальчиковъ, которые два раза въ день приносили мнѣ пищу, я никого не видѣлъ. Однажды, они принесли мнѣ мѣшокъ съ орѣхами, который я спряталъ въ сундукъ, стоящій въ комнатѣ, служащей у меня гостиной. Вечеромъ я ушелъ въ спальню, находящуюся рядомъ съ гостиной, зажегъ свѣчу и легъ въ постель. Черезъ нѣсколько времени я услыхалъ, что орѣхи начали двигаться, бились одинъ о другой, а затѣмъ начали скакать ко мнѣ въ комнату и здѣсь производили страшный грохотъ, но это обстоятельство не сильно безпокоило меня и я заснулъ. Скоро меня разбудилъ шумъ на лѣстницѣ, мнѣ казалось, что кто-то скатываетъ по ней сотни бочекъ. Я зналъ, что входная желѣзная, дверь заперта цѣпью, почему никто не могъ проникнуть на лѣстницу; я всталъ и пошелъ посмотрѣть, чтобы это могло значить. Выйдя изъ комнаты и не видя никого, я закричалъ: такъ это ты, пусть же будетъ по твоему, я отдаю себя на волю Господа нашего Іисуса Христа. Затѣмъ я вернулся къ себѣ и легъ спать. Жена Іоганна Бербинса пріѣхала въ Эймахъ и, зная, что я здѣсь, настаивала на свиданіи со мной,—этого ей не удалось; но чтобы хотя немного

удовлетворить ее, меня перевели въ другую половину замка, а ей позволили спать въ моей комнатѣ; ночью она слышала такой грохотъ, что ей казалось, будто въ этой комнатѣ находились тысячи дьяволовъ“:

Повидимому Лютеръ считалъ всякій шумъ, который онъ не могъ себѣ объяснить, дѣломъ рукъ дьявола, преслѣдовавшаго его постоянно, такъ онъ говоритъ:

„Однажды, въ нашемъ монастырѣ, въ Вюртенбергѣ я ясно слышалъ, какъ дьяволъ шумѣлъ; отслуживъ заутреню, я едва успѣлъ приняться за чтеніе псалмовъ, какъ явился ко мнѣ въ келью дьяволъ и прервалъ мои занятія грохотомъ въ каминѣ: казалось, что онъ тащилъ въ трубѣ полѣна. Я ему далъ знать, что замѣтилъ его продѣлки, но онъ не прекращалъ своего дѣла; тогда я сложилъ свои книги и легъ въ постель. Въ другой разъ, ночью я услышалъ его въ своей кельѣ, а затѣмъ разгуливающимъ по монастырю, но зная, что это никто другой, какъ самъ дьяволъ, я повернулся и заснулъ.“

Утомленный постоянными проповѣдями, диспутами, писаніемъ сочиненій, работами по организаціи Церкви,—Лютеръ умеръ 63 лѣтъ. Нѣтъ доказательствъ, что бредъ и галлюцинаціи, которыми страдалъ германскій реформаторъ, вліяли на измѣненіе и модификацію его религіозныхъ убѣжденій, хотя это легко допустить; тѣмъ не менѣе Лютеръ и его непоколебимыя убѣжденія сдѣлали его основателемъ новой религіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Характеръ и галлюцинаціи Жанны д'Аркъ.

Чѣмъ болѣе мы узнаемъ о вліяніи внѣшнихъ причинъ и физическихъ условій на вѣрованіе людей и ихъ поступки, тѣмъ болѣе событія древности являются намъ въ иномъ свѣтѣ. Чѣмъ болѣе наука выясняетъ намъ причины событій съ стараго времени, намъ незнакомыхъ, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся въ способѣ ихъ происхожденія. Что прежде насъ поражало, то теперь становится яснымъ; прикрасы и прибавки отпадаютъ и мы убѣждаемся, что все прошлое было управляемо тѣми-же физическими законами, которымъ все подчинено и въ настоящее время. Такъ изученіе нервныхъ болѣзней и опытъ, полученный изъ наблюденій надъ галлюцинаціями, иллюзіями, ошибками и заблужденіями человѣческой души, могутъ объяснить намъ нѣкоторые запутанные историческіе факты. При обсужденіи претензіи Жанны д'Аркъ на свое божественное посланничество, мы, съ точки зрѣнія психологіи, считаемъ необходимымъ припомнить личную ея исторію жизни настолько, насколько она можетъ намъ освѣтить эту ея претензію и произведенное ею дѣйствіе на людей того времени. Даже голые факты изъ ея личной жизни, такъ странно смѣшанные съ предразсудками того времени, произведутъ полную перемѣну въ нашихъ взглядахъ на понятіе о сверхъ-естественномъ. Появленіе фактовъ, подобныхъ прежнимъ, въ настоящее время немыслимо. Роль, разъигранная этой памятной всѣмъ героиней, одна единственная въ исторіи.—Малолѣтній сынъ Генриха V Англійскаго и Французской принцессы Екатерины былъ избранъ королемъ Франціи. Всѣ тогда думали, что ребенокъ на дѣлѣ будетъ наслѣдникомъ трона своего дѣда; но послѣдствія показали, что онъ наслѣдовалъ только лишь его болѣзненность. Англія, въ союзѣ съ герцогомъ Бургундіи, требовала признанія своего юнаго принца королемъ почти всей Франціи къ сѣверу отъ Лоары. Семь мѣсяцевъ англичане осаждали Орлеанъ. Дофинъ, сынъ короля VI, жилъ въ замкѣ Шинонъ, пользуясь скуднымъ и недостаточнымъ доходомъ, достав-

ляемымъ аристократами. Попытка произвести диверсію въ пользу осажденнаго города, окончилось сильнымъ пораженіемъ. Городъ былъ оставленъ на произволъ судьбы и всѣ думали, что пришелъ его конецъ.

Тѣмъ самымъ давали возможность Англійскимъ и Бургундскимъ войскамъ перейти Лоару и привести Дофина изъ нижнихъ провинцій, которыя признавали еще его права. Мы знаемъ изъ лѣтописей того времени, что самъ принцъ подумывалъ оставить Францію въ рукахъ своихъ враговъ и искать убѣжища въ Испаніи или Шотландіи. Но, сверхъ всякаго ожиданія, дѣла приняли такой оборотъ, что для него, вмѣсто полнаго пораженія, наступилъ тріумфъ и самые храбрые войска въ Европѣ были прогнаны восемнадцатилѣтней крестьянской дѣвушкой. Одинъ городъ за другимъ сдавался и Карлъ VII былъ торжественно коронованъ на тронъ своихъ предковъ, тотъ тронъ, который нѣсколько мѣсяцевъ назадъ былъ во власти его враговъ.

Способъ, при посредствѣ котораго наступилъ такой замѣчательный поворотъ, былъ довольно простъ, это обращеніе къ страстямъ и суевѣріямъ, повсюду распространеннымъ въ этотъ легковѣрный вѣкъ. 13 лѣтъ Франція была разоряема жестокостью англійскихъ завоевателей и гражданскими войнами. Одно несчастіе слѣдовало за другимъ, нравственное состояніе народа было сильно поражено. Повсюду слышалось пророчество, что Франція, погибшая отъ женщины, будетъ спасена дѣвой. Женщина, погубившая Францію, была Изабелла Баварская, королева мать, ставшая на сторону Англіи, а дѣвой, долженствующей возстановить Францію, думали, будетъ Маргарита, малолѣтняя дочь Іакова I Шотландскаго, *) которая была просватана за сына Дофина. Происшествіе, возбудившее новую случайную надежду въ шотландскихъ войскахъ—это побѣда при Beaugè, когда братъ короля Англіи былъ взятъ Фран-

*) См. „Life and Death of King James the Firtst of Scotland“ (printed for the Maitland Club), 1837, pp 6 and 7. См. также vol. III p. 340 of. „Proces de Condamnation et de Rèhabilitation de Jeanne d'Arc dite la Pucelle, publiès pour la premiere fois d'après les Manuscrits ele fa Bibliothèque Royale suivis de tous les documents historiques qu'on a pu rèunir, et accompagnès de notes et d'èclaircissements, par Jules Quicherat. Paris, 1841“. This work, in five volumes, published by the Historical Society of France, is so complete that it will be needlless to cite any ather books of the subject-M-r. Quicherat has showne great learning and eleligcuce. The.

цузами въ плѣнъ. Пророчество было подтверждено самой Жанной д'Аркъ, когда она старалась убѣдить, чтобы Робертъ Бадрикуръ посялъ ее къ Дофину; безъ сомнѣнія жителя Vaucouleurs были потрясены въ виду странной миссіи этой замѣчательной крестьянской дѣвушки. Жанна д'Аркъ родилась въ Дамреми на берегу Лауры; ея родители были хлѣбопашцы. Она жила въ крестьянской обстановкѣ и среди крестьянъ. У Жанны было три брата и сестра—подростокъ. Ея родители считались за хорошихъ людей. Сама Жанна, очевидно знакомая съ религіей, была не грамотна. Съ ранняго дѣтства она пасла овецъ, а когда подросла и окрѣпла работала въ полѣ. Кто помнилъ ее въ дѣтствѣ, говорили, что она искусно шила, была добра къ бѣднымъ, проста и скромна и очень набожна. Жители Дамреми были на сторонѣ Франціи; сосѣдняя деревня Маргсеу стояла за Бургундію. Мальчики двухъ сосѣднихъ враждебныхъ деревень устраивали между собой сраженія и нерѣдко возвращались домой окровавленными и избитыми. Жители Дамреми покидали свою деревню, боясь за свою жизнь. Въ это смутное время Жанна подросла. На допросѣ, она показала, что, еще когда ей было 13 лѣтъ, она слышала голосъ свыше и при этомъ голосѣ она сильно испугалась. Это случилось около полудня, въ саду ея отца; наканунѣ она постилась. Голосъ слышался, какъ ей казалось, съ права, со стороны церкви. Въ послѣдующіе разы вмѣстѣ съ голосами ей иногда являлся свѣтъ, обыкновенно очень яркій, съ той-же стороны откуда слышался и голосъ. Когда она бывала въ рощѣ, то ей слышались голоса, приближающіеся къ ней, обыкновенно она любила слушать звонъ церковныхъ колоколовъ, и ей казалось, что съ ихъ звуками смѣшивались голоса святыхъ и ангеловъ. Изъ процесса видно, что рѣчь Жанны передана по латыни. Мы мало знаемъ, какія именно въ дѣйствительности были слова, слышанныя ею; въ одномъ мѣстѣ

---

nales suffly allthe information neceled to elucidate the text and there is an excellent index.

Out of the materials thus furnished has been written „The Life and Deathof Jeanne d'Arc, called the Maid", by Harriet Parr, in two volumes. London, 1866. The authoress has shows much skill in seizing upon the striking and picturesque scenes in the life of the heroine. The narrative is vivid, but there is no attempt at psychological analysis.

In the standarel histories of England there are many incorrect and careless statements abant Joan of Arc. Of all accounts which I have read, the nerrative of Mickelet is tne most correct.

сказано, что она часто слышала: „Fille Dèu, va, va, va; je serai à ton ayde; va“—„Дочь Господа, иди, иди, иди, я буду тебѣ помогать: иди“. Быть можетъ это потому, что такія слова соотвѣтствовали колокольному звону, какъ въ древности это извѣстно о Whittington'ѣ: „Вернись назадъ, Whittington, трижды глава Лондона“, или въ словахъ царственнаго поэта, современника Жанны.

„Suich a fanatasye Fell me to mynd, yt ay methot the bell Said ta me, Tell on man, quhat the befell“ [1]).

Весьма вѣроятно, что первые звуки, слышанные Жанной, были отрывочныя слова, подобныя приведеннымъ выше: но мы знаемъ изъ собственныхъ ея воспоминаній, что она имѣла откровеніе, въ которомъ ей было сказано, что она должна идти спасать Францію. Въ письмѣ Perceval de Boulainvilliers къ Philip Visconti, герцогу Миланскому отъ 21 іюня, 1429 года, есть отчетъ объ Жаннѣ, который вѣроятно былъ полученъ изъ самоличнаго наблюденія—такъ какъ Boulainvilliers занималъ высокую должность при дворѣ Дофина. Онъ пишетъ, что первое откровеніе Жанна получила въ 12 лѣтъ. Однажды она бѣгала съ своими товарками въ перегонки; при этомъ она бѣжала съ такою легкостью, что одна изъ дѣвочекъ закричала, „Жанна, я вижу какъ ты летишь надъ землей“. Жанна остановилась, чтобы перевести духъ.

Ей послышался голосъ мальчика, говорившій ей, „Жанна, иди домой, ты нужна твоей матери“. Думая, что это голосъ ея брата, или какого либо другого мальчика, она поторопилась домой. На вопросъ матери, зачѣмъ она оставила своихъ овецъ, дѣвочка отвѣчала, „развѣ ты за мной не посылала?“ Нѣтъ.—Полагая, что она ослышалась, Жанна уже собиралась возвратиться къ своимъ подругамъ, какъ внезапно передъ ея глазами явилось облако, изъ середины котораго она услышала голосъ: „Жанна, ты должна перемѣнить свой образъ жизни и произвести замѣчательныя дѣянія, такъ какъ Небесный Царь избралъ тебя для спасенія Франціи, на помощь и поддержку королю Карлу, изгнанному изъ своихъ владѣній. Ты облечешься въ мужскую одежду, возьмешь оружіе и будешь предводительствовать войсками,—ты будешь управлять всѣмъ“. Весьма возможно, что эти два разсказа суть только различныя варіаціи объ одномъ и томъ-же фактѣ, такъ какъ Жан-

---

[1]) „The King's Quair.“ A Poem: By James the First, King of. Scots. Canto I, XI.

на могла подумать, что первый голосъ, призывающій ее къ матери, не настолько важенъ, чтобы о немъ упоминать, или-же это мѣсто могло быть пропущено при записи ея показаній. Видѣнія эти снова возвратились. Архангелъ Михаилъ привелъ къ Жаннѣ Св. Екатерину и Св. Маргариту, которыя часто ее посѣщали. Она знала ихъ голоса за нѣжные и пріятные, разсказывала, что цѣловала ихъ и что отъ нихъ вѣяло благоуханіемъ. Онѣ уговаривали ее вести чистую жизнь, ходить къ литургіи, на что она согласилась и дала имъ обѣтъ дѣвственности. На слѣдственномъ допросѣ Жанну много разспрашивали объ явленіяхъ ей Ангеловъ и Святыхъ, при чемъ ставилось много вопросовъ: былъ-ли на Ангелахъ вѣнецъ, были-ли у нихъ подъ вѣнцомъ волосы,—были-ли ихъ волосы длинны или коротки;—были-ли у нихъ серги въ ушахъ,—какая на нихъ была одежда? Когда дѣло дошло до такихъ мелочныхъ подробностей, Жанна отказалась отвѣчать, прибавляя иногда что ей запрещено отвѣчать, быть можетъ потому, что видѣнія имѣли неясный обликъ, или потому, что она боялась какой либо уловки со стороны спрашивающихъ. Нѣсколько мѣсяцевъ до суда надъ Жанной, въ Парижѣ сожгли за кощунство женщину, говорившую, что дѣва исполняла волю Бога, что она и сама видѣла Бога, при чемъ на немъ была одежда. Жанна между тѣмъ утверждала реальность своихъ видѣній. Она говорила что Архангелъ Михаилъ имѣлъ вполнѣ человѣческій видъ. „Я видѣла ихъ", говоритъ она своимъ судьямъ, „видѣла собственными глазами, такъ-же ясно, какъ вижу васъ; и когда они ушли отъ меня, я плакала и мнѣ очень хотѣлось, чтобы они взяли меня съ собой". Она лобызала землю по которой они шли. Жанна никому не говорила объ этихъ видѣніяхъ даже и своему духовнику; но вѣроятно родители ея имѣли свои подозрѣнія или боязнь, такъ какъ, два года послѣ ея перваго видѣнія, когда ей было около 15 лѣтъ, мать сказала ей, что отецъ видѣлъ во снѣ, будто-бы ихъ дочь пойдетъ во Францію съ вооруженными людьми. Тогда отецъ Жанны сказалъ ея братьямъ, что желаетъ лучше, чтобы она утонула, чѣмъ исполненія подобной несуразности. Жанна говоритъ, что родители слѣдили за ней и очень ее подозрѣьали,—они доходили чуть-ли не до обморока, когда она уходила въ Vaucouleurs. Она говоритъ еще, что никогда ни въ чемъ не ослушалась ихъ, за исключеніемъ отказа при ея сватовствѣ. Сватавшійся за ней юноша утверждалъ на судѣ, что она дала слово быть его женой; но Жанна это

подъ клятвой отрицала. Вѣроятно этотъ юноша видѣлъ Жанну въ Нейшателѣ, гдѣ она гостила у своей знакомой содержательницы постоялаго двора. Враги Жанны воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы злословить на ея счетъ, разсказывая, что, во время ея пребыванія въ этомъ постоломъ дворѣ, она училась верховой ѣздѣ, когда садилась верхомъ на лошадей, водя ихъ на купанье. Не совсѣмъ ясно, гдѣ и какъ она могла научиться такой искустной верховой ѣздѣ, какую она выказала, явившись передъ Дофиномъ въ Шиноѣ.

Съ теченіемъ времени слухи съ поля сраженія все становились тревожнѣе, осада Орлеана держала всю Францію въ напряженномъ состояніи. Въ это время голоса два или три раза въ продолженіе недѣли приказывали Жаннѣ отправиться къ Роберту Бадрикуру, коменданту крѣпости, обѣщая ей съ его стороны поддержку.

Она отправилась на житье къ своему дядѣ, который и отвелъ ее къ Роберту Бадрикуру. Въ началѣ наивность Жанны забавляла коменданта и онъ не довѣрялъ ея видѣніямъ. Тѣмъ не менѣе она и онъ пріобрѣли себѣ сообщниковъ между людьми крѣпости, такъ что, когда Робертъ Бадрикуръ, послѣ двукратнаго изгнанія, принялъ ее соотвѣтственно ея притязаніямъ, то народъ привелъ ей лошадь и поднесъ заказанное для нея мужское платье. Жанна имѣла свиданіе съ герцогомъ Ларенскимъ и Робертъ Бадрикуръ отправилъ ее съ письмомъ и въ сопровожденіи шести человѣкъ къ Дофину въ Шиноъ. Это былъ длинный опасный путь чрезъ страну занятую непріятелемъ. Она прибыла въ Шиноъ 6-го марта 1429 года. Можно понять чувства Дофина при полученіи этого страннаго посланія. Предъ нимъ была крестьянская дѣвушка 18 лѣтъ въ одеждѣ воина, объясняющая, что она получила приказаніе свыше идти освободить Орлеанъ и спасти Францію. Она должна имѣть войско и конвой.

Говорятъ Жанна узнала Дофина между его придворными, хотя нѣкоторые изъ нихъ разыгрывали изъ себя роль короля. На судѣ Жанна заявила, что это указали ей голоса. Разсказываютъ, что Жанна была высока и стройна, съ черными волосами, граціозна и обладала пріятнымъ голосомъ; говорила мало, большею частью была весела, но быстро доходила до слезъ. Она хорошо выносила усталость, была прекрасной наѣздницей, а также хорошо владѣла оружіемъ. Ее поочередно испытывали впродолженіи трехъ недѣль различныя знаме-

нитости церкви и доктора теологіи, сперва въ Шинонѣ, а затѣмъ въ Paictiers, здѣсь изслѣдованіе ея продолжалось три недѣли и результаты его всѣ были записаны. Къ несчастью эти записки не найдены для справокъ на слѣдствіи; изъ resume, которое у насъ сохранилось до сихъ поръ, извѣстно, что король собиралъ свѣдѣнія о ея жизни, рожденіи, поведеніи и цѣли; онъ держалъ ее при себѣ впродолженіи шести недѣль для того, чтобы весь народъ могъ видѣть ее: ученые люди, эклезіастики, духовенство, солдаты, жены, вдовы и всѣ другіе. Публично и часто она разговаривала съ народомъ; но въ ней никто ничего дурного не нашелъ, напротивъ, она обнаруживала много доброты, смиренія, дѣвственности, набожности, честной наивности. Объ ея жизни и рожденіи разсказывалось много чудеснаго. Король просилъ у нея знаменія; но она сказала, что это знаменіе она явитъ передъ Орлеаномъ и нигдѣ болѣе, такъ какъ это повелѣлъ Богъ. Ее отправили съ ея солдатами къ Орлеану съ надеждой на Бога, такъ какъ сомнѣваться, или покинуть её, было-бы оскорбленіемъ Святому Духу и дѣлало-бы ихъ недостойными помощи Бога, какъ Гамаліилъ говоритъ въ своемъ посланіи къ евреямъ относительно Апостоловъ.

Изъ Шинона она послала письмо къ священникамъ, прося отыскать саблю вблизи алтаря Св. Катерины въ Фьербоа; туда былъ посланъ оруженосецъ изъ Тура. Заржавленная сабля была найдена вблизи указаннаго мѣста. Ржавчина отъ сабли такъ легко очищалась, что священники находили это сверхъестественнымъ. Саблею этою Жанна пользовалась до осады Парижа, когда она сломала её о спину одного куртизана, слѣдовавшаго за нею по пятамъ. Въ одной изъ хроникъ говорится, что Жанна никогда не была въ часовнѣ Фьербоа, но сама она утверждаетъ, что проходила это мѣсто и слышала какъ въ часовнѣ служили обѣдню. Вѣроятно, она узнала, или угадала, что подъ мостовой было оружіе, такъ какъ былъ обычай хоронить вмѣстѣ съ трупомъ его оружіе и саблю. На лезвіи оружія были вытиснены пять крестовъ и Жанна утверждала, что голоса ей это ранѣе окрывали [1]).

Многіе историки утверждаютъ этотъ фактъ безъ комментаріевъ, и дѣйствительно—трудно сказать по этому поводу что либо положительное.

---

[1]) Respondit quod erat in terra, rubiginosus, habens, quinque cruces; et hoc scivit per voces suas, Tome i, 235.

Жанна со свитой вошла въ Орлеанъ безъ всякой помѣхи со стороны Англичанъ. Послѣдующія замѣчательныя происшествія изложены въ любой исторіи Франціи.

Слѣдующая выдержка изъ „Journal of the Siege of Orleans", писанная очевидцемъ, представляетъ первое появленіе Жанны въ осажденномъ городѣ такъ:

«Она появилась, вооруженная, верхомъ на бѣломъ конѣ; передъ ней несли бѣлое знамя, съ нарисованнымъ на немъ образомъ Божіей Матери съ двумя Ангелами, по бокамъ, держащими каждый бѣлую лилію въ рукѣ. Такъ вошла она въ городъ; слѣва отъ нея ѣхалъ Батаръ Орлеана, роскошно вооруженный, а за ней слѣдовали много другихъ благородныхъ и высокихъ дворянъ, начальниковъ, капитановъ и воиновъ. Ей на встрѣчу вышли солдаты, граждане и женщины Орлеана, съ факелами и съ такой радостью и привѣтствіемъ, какъ будто они увидѣли самого Бога, нисходящаго къ нимъ; такая встрѣча была основана на томъ, что Орлеанцы много уже выстрадали, потеряли надежду быть освобожденными и болѣе не страшились за свое имущество и жизнь. Теперь-же вдругъ они получили поддержку; осада была внезапно снята помощью Божественной добродѣтели, оказавшейся въ простой дѣвушкѣ, которую полюбили всѣ, и мужчины, и женщины, и дѣти. Кругомъ нея толпились, чтобы только дотронуться до нея, или хотя до лошади, на которой она сидѣла. Кто-то изъ несущихъ факелы подошелъ такъ близко къ ея знамени, что матерія загорѣлась: при этомъ она пришпорила свою лошадь и такъ быстро повернула ее и потушила пламя, что всѣ окружающіе были удивлены ея военной, какъ будто привычной ей, сноровкой. Она торжественно прошла по всему Орлеану и съ величайшими почестями дошла до казначея, Орлеанскаго герцога, гдѣ ее приняли съ великою радостью, также какъ и ея двухъ братьевъ, двухъ вельможъ и двухъ пажей, пріѣхавшихъ съ ними».

Десять дней послѣ появленія Святой дѣвушки, съ ея необъяснимо устрашающимъ стандартомъ, быстрымъ приступомъ взяты были три англійскихъ бастиліи или крѣпости и ихъ войско было вполнѣ разбито. Французы считали ее за пророчицу; англичане боялись ее, какъ колдуньи. Рыцари собирались на сраженіе подъ ея знамя и эта 18-ти лѣтняя дѣвушка возсѣдала въ военномъ совѣтѣ и возражала лучшимъ полководцамъ.

При воспоминаніи о томъ, что Жанна была простая крестьянская 18-ти лѣтняя дѣвушка, мы только невольно удивляемся, какъ удачно она исполнила свою роль. При дворѣ въ Шинонѣ, при докторахъ теологахъ въ Поатьерѣ, съ своей вооруженной свитой въ Орлеанѣ, въ послѣдующихъ сраженіяхъ и осадахъ, Жанна вездѣ поддерживала и увеличивала свое

вліяніе. Хроника того времени говоритъ: [1]) „она всегда выѣзжала въ полномъ вооруженіи,—въ разговорѣ о сраженіи или собираніи войска въ отряды, она высказывала и обнаруживала полное пониманіе этого дѣла,—при призывѣ къ оружію, она всегда была на мѣстѣ первая, пѣшая или на конѣ".

Въ процессѣ имѣются доклады знаменитыхъ генераловъ того времени, при которыхъ Англичане были изгнаны изъ Франціи; эти отчеты собраны спустя почти 25 лѣтъ послѣ смерти героини. Герцогъ Алансонскій, дружески относившійся къ ней, говоритъ, что на войнѣ она дѣйствовала такъ разумно и осторожно, какъ будто была капитанъ, носившій оружіе 20 или 30 лѣтъ, и что она особенно была искусна въ артиллеріи. Подобное-же заявленіе дѣлаетъ и графъ Дюноа, объясняя свою вѣру въ божественность ея миссіи. Много любопытнаго разсказываетъ Жанъ д'Оланъ, храбрый и почтенный аристократъ изъ Лангедока, который былъ прикомандированъ королемъ къ Жаннѣ для ея охраненія. Онъ всюду слѣдовалъ за ней, охранялъ ее въ сраженіяхъ и вмѣстѣ съ ней былъ взятъ въ плѣнъ. Послѣ того какъ онъ увѣрился въ ея чистотѣ и убѣдился въ невозможности, чтобы такая юная дѣвушка могла продѣлывать все это безъ воли и помощи Бога, онъ разсказываетъ, что сама Жанна говорила ему, что, при встрѣчѣ съ затрудненіями, ея совѣтники указывали, какъ должна была она поступать. Д'Оланъ спросилъ ее, кто былъ ея совѣтникъ? Она отвѣчала, что имѣла трехъ совѣтниковъ, изъ которыхъ одинъ всегда былъ съ ней, второй уходилъ, но часто приходилъ къ ней,—третій-же всегда служилъ совѣтникомъ для вышеуказанныхъ двухъ духовъ. Однажды д'Оланъ попросилъ Жанну показать ему духовныхъ совѣтниковъ. На это получилъ въ отвѣтъ, что онъ недостоинъ и недостаточно совершенненъ для того, чтобы принять ихъ, этимъ и положенъ былъ конецъ распросамъ о совѣтникахъ. Изъ ея словъ можно было понять, что эти ея покровители были мужского рода. При атакѣ St. Pierre le Moustier д'Оланъ былъ раненъ въ пятку; но увидѣвъ, что Жанна осталась почти одна, онъ вскочилъ на коня, подскакалъ къ ней и спросилъ, что она одна тутъ дѣлаетъ и отъ чего не уѣхала съ другими? Жанна, снявъ съ себя шлемъ, отвѣчала, что она не одна, что съ нею были 50,000 ея людей и что она не

---

[1]) Tome IV, p. 248.

уйдетъ, пока не возьметъ города, хотя было ясно видно, что въ эту минуту при ней было не болѣе 4 или 5 человѣкъ. Между тѣмъ она отказалась отступить, приказала солдатамъ устроить мостъ надо рвомъ и на самомъ этомъ мѣстѣ брать городъ приступомъ.

Д'Оланъ приводитъ ея рѣчь къ знаменитому Дюноа:

«Батаръ, Батаръ! именемъ Бога приказываю тебѣ дать мнѣ знать тотчасъ-же, какъ ты самъ узнаешь о приближеніи Falstaff, такъ какъ, если онъ придетъ безъ моего вѣдома, то я обѣщаю снять съ тебя голову». Въ то время ничего не было оскорбительнаго въ словѣ Батаръ, особенно если онъ происходилъ изъ царскаго рода; но такое обращеніе крестьянки съ человѣкомъ высокаго положенія указываетъ, насколько Жанна была убѣждена въ высотѣ своей Божественной миссіи; д'Оланъ продолжаетъ разсказывать, что однажды дѣвушка спала; вдругъ она вскочила и объявила, что ея совѣтники посылаютъ ее противъ Англичанъ, но только она не знаетъ идти-ли ей на бастилію или на Falstaff'a, который пришелъ снабдить ихъ съѣстными припасами. Она надѣла свои военные доспѣхи и поѣхала по Орлеану. На пути она встрѣтила тяжело раненнаго французскаго солдата и при этомъ высказала, что безъ ужаса никогда не могла видѣть крови француза. Вскорѣ бастилія St. Loup была взята приступомъ.

Не смотря на грубость Англичанъ, ея дѣвственность была внѣ спора; менструацій, кажется, она не имѣла во все время [1]). Шиллеръ въ своей прекрасной драмѣ „Ein Jungfrau von Orlean", ставитъ Дюноа и Лагира соперниками, добив-

---

[1]) Dominus Johannes Massien curatus ecclesiae parochialis Sancti Candidi Senioris Rothomagensis dicit et deponit, quod bene scit quod fuit visitata, an esset virgo vel non, per Matrona seu obstetrices, et hoc et ordinatione ducissae Redfordiae, et signanter per Anna Bavon et aliam matronam de cujus nomine non recordatur. Et post visitationem, retulerunt quod erat virgo et integro, et ea audivit referri per eamdem Annam; et propter hoc, ipsa ducissa Bedfordiae fecit inhiberi enstadibus et aliis ne aliquam violentiam sibi afferrent. Tom III, p. 155. Severat other witnesses testified to the same effect. См. also III 102, and III 102 and 209. D'Anlandit encores plusqu'it a oy dire à plusieurs femmes, quiladicte Pucelle ont veue par plusilurs foiz nue, et sceu de ses secretz. qne oncques kavoit eu la secrecte maladie des femmes et que jamais nul n'en peut riens cognoistre ou oppercevoir par ses habillemens, neu antrement. Tome III. p. 219.

вающимся любви воинственной дѣвушки, и приводитъ потрясающую сцену, когда амазонка выказываетъ любовь къ побѣжденному врагу, предводителю Англичанъ, Lionel. Въ процессѣ Дюноа, Алансонъ и Д'Анланъ подтверждаютъ, что поведеніе Жанны воздерживало ихъ отъ всякихъ желаній и что они никогда не чувствовали къ ней страсти. Такъ какъ она была очень привлекательна, то въ этомъ они видѣли что то сверхъестественное.

Многое говоритъ объ ея чрезвычайно симпатичномъ темпераментѣ John Pasquerel. Онъ разсказываетъ, что, когда Жанна была ранена стрѣлой въ грудь подъ Орлеаномъ, она испугалась и плакала. Когда Гландсдоль, англійскій капитанъ, грубо отнесшійся къ ней на бастиліи, упалъ въ Луару и утонулъ, она плакала объ его душѣ. При видѣ раненыхъ англичанъ, она очень сожалѣла и старалась достать имъ духовника. Сама она часто ходила къ обѣднѣ и къ исповѣди, побуждая къ тому-же и солдатъ. Она старалась вывести въ лагерѣ картежную игру, не терпѣла профанирующихъ разговоровъ и льстила себя надеждой отъучить Лагира постоянно употреблять клятвы; Жанна не терпѣла грабежа и когда одинъ шотландецъ сказалъ ей однажды, что она ѣла краденую телятину, она очень разсердилась и хотѣла побить его.

Жанна терпѣть не могла дѣвушекъ, слѣдующихъ за войскомъ. Ея враги упрекали ее въ гордости и укоряли въ любви къ прекрасному оружію и великолѣпной сбруѣ своего коня [1]).

Во всемъ, что не относилось къ войнѣ, Жанна была проста и довѣрчива; но никто, будь то другъ или врагъ, не считалъ ее помѣшанной.

Жанна достигла своего высшаго торжества, когда она привела Дофина въ Реймсъ для коронованія. До этого времени все шло по ея желанію и по ея предсказанію. Осторожность опытныхъ генераловъ снова возстановилась при ея повелительномъ призывѣ къ дѣятельности. Ударъ слѣдовалъ за ударомъ и каждый изъ нихъ былъ предвидѣнъ. Фортификаціи,

---

[1]) Jean Rogier, in his memoirs, quotes a letter of the Chancellor of France, vho was an archbishop, about the taking of Ioan of Arc. He says: „Que Dieu avait souffert prendre Jehane la Pucelle pour ce qu'el s'estoit constituè en orguil, et pour les riches habitz qu'el avoit pris", Tome V, p. 169.

M. Quicherat quales from an old chronicl, written evidently by one who favoured the Rurgundian party and disliked Ioan, that „quant ancun de ses gens mesprenoit, elle frappoit dessns de son baston grans corps, en maniére de femme trés cruele". Tome IV. p. 469.

слишкомъ сильно укрѣпленныя для нападающей на нихъ силы, были взяты; семь городовъ сдались; и въ Patay Англійское войско было разбито и разсѣяно, какъ стадо оленей. Ново-корованный король невольно поспѣшилъ въ St. Denis, страшная битва осады Парижа длилась отъ полудня до вечера.

Здѣсь храбрая дѣвушка была ранена стрѣлой, пущенной со стѣны города, и, не смотря на свое сопротивленіе, вынесена изо рва. Она требовала снова приступить къ осадѣ на слѣдующій день. Герцогъ Анисонскій и другіе, душевно привязанные къ ней, боялись этого ради нея, но король потерялъ храбрость духа и уѣхалъ. Жанна и всѣ прочіе должны были ему послѣдовать. Прежде она заявила, что, по откровенію голосовъ, она торжественно введетъ короля въ Парижъ. Естественно, что это бѣгство короля не могло не породить мыслей у ея почитателей не въ ея пользу и укрѣпить сомнѣнія въ тѣхъ, кто не вполнѣ былъ убѣжденъ въ святости ея миссіи. Съ этого дня, 13 сентября 1429 года, Жанна уже не имѣла въ своемъ распоряженіи боевыхъ силъ Франціи и была принуждена, вмѣстѣ съ Анисономъ и небольшой горстью храбрыхъ рыцарей Франціи и Шотландіи, пускаться на небольшія предпріятія. 3 или 4 пункта были отняты у непріятеля, но она должна была отступить отъ осады La Charité, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, король не послалъ ей ни съѣстныхъ припасовъ, ни денегъ, для поддержки ея отряда. Зависть и ревность играютъ большую роль въ людскихъ дѣлахъ. Простая крестьянка, сдѣлавшая такъ много для Франціи, обожаема была народомъ, который толпился около нея, чтобы облобызать ея одежды; солдаты добровольно становились подъ ея знамя безъ всякой платы; и только нѣкоторые приближенные короля Франціи, казалось, будто и не замѣчали могущественнаго вліянія, произведеннаго Жанной. Они не взлюбили ее за то обаяніе, которымъ она была окружена. 21 мая она бросилась въ Compiegne, осажденный Бургундцами, и въ стычкѣ была окружена, сброшена съ коня и взята въ плѣнъ солдатами Іоана Люксенбургскаго. Она была представлена герцогу Бургундіи и затѣмъ отправлена въ Больенъ, гдѣ ее держали около двухъ мѣсяцевъ, а затѣмъ отослали въ замокъ Боревоаръ. Въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ она была строго охраняема; Бургундцы заковали ее въ цѣпи изъ боязни, чтобы она не сбѣжала. Люди, посѣщавшіе ее, надоѣдали ей совѣтами носить юбки, которыхъ она терпѣть не могла; одинъ же господинъ признался, что позволилъ себѣ съ нею непри-

личныя вольности. Кажется, что король не сдѣлалъ ни одного шага, чтобы освободить ее, хотя онъ долженъ былъ знать все ,ея опасное положеніе, такъ какъ Англичане объявили, что сожгутъ ее, если она попадетъ къ нимъ въ руки. Кромѣ того они стращали сжечь ея посла въ Орлеанѣ, какъ посла діавола. Наконецъ она была продана Англичанамъ Іоанномъ Люксембургскимъ за тысячу фунтовъ и годовую пенсію, увеличенную еще въ 2000 фунтовъ. Когда Жанна узнала объ этомъ, то бросилась съ башни Боревоаръ и была поднята безъ сознанія. По ея личному признанію, послѣ этого въ продолженіи 2—3 дней она не могла принимать пищи. Бросилась-же она съ башни не съ цѣлью самоубійства, но стремясь бѣжать, полагая, что лучше рискнуть умереть, чѣмъ оставаться въ рукахъ Англичанъ. Жанна продолжаетъ, что Св. Екатерина запретила ей бросаться съ башни, а затѣмъ утѣшала ее, совѣтывала ей исповѣдаться и испросить прощеніе у Бога; послѣ чего ей стало легче на душѣ, она снова начала принимать пищу и вскорѣ поправилась.

Англичане увезли ее въ Руанъ, гдѣ способъ обращенія съ нею могъ свести съ ума человѣка даже съ болѣе сильнымъ характеромъ и умомъ. На ноги ей были надѣты тяжелыя цѣпи, прикрѣпленныя къ столбу; около нея на стражѣ было пять человѣкъ, людей—самаго низкаго нравственнаго уровня, которые смѣялись и мучили бѣдную дѣвушку и неоднократно пытались изнасиловать ее. Въ одну изъ такихъ минутъ крики Жанны были услышаны графомъ Варвикъ, который и избавилъ ее отъ этихъ людей, такъ какъ это не была та месть, о которой онъ помышлялъ. Вообще отъ Жанны не скрывали, что ее купили съ цѣлью сжечь. Графъ Варвикъ, командующій въ Руанѣ, услышавъ, что она хворала, послалъ къ ней докторовъ, такъ какъ королю было-бы непріятно, еслибы она умерла естественной смертью. Королю Жанна стоила дорого, а потому онъ и не желалъ, чтобы она умерла иначе, какъ отъ руки правосудія путемъ сожженія. Доктора нашли у нея лихорадку, совѣтовали кровопусканіе; графъ боялся, чтобы Жанна, умерши, не ускользнула у нихъ изъ рукъ. Тѣмъ не менѣе ей было сдѣлано кровопусканіе и, повидимому, ей стало лучше. Въ это время посѣтилъ ее Master John de Estevil и обошелся съ ней чрезвычайно грубо, что приведено Шекспиромъ въ словахъ одного англійскаго дворянина, къ несчастью съ полнымъ соотвѣтствіемъ историческимъ фактамъ. Это сильно огорчило Жанну и усилило ея лихорадку. Тотъ-же графъ

Варвикъ съ заботливостью защищаетъ плѣнную дѣвушку, когда графъ Стаффордъ выхватилъ саблю, чтобы ударить ее за заявленіе, что сто тысячъ Англичанъ не могли взять Францію. Не было причины почему-бы съ нея обходились не такъ, какъ обходились съ другими военноплѣнными. Она никогда не преступила законовъ военнаго времени и въ дѣйствительности была человѣчнѣе, чѣмъ многіе изъ сражавшихся въ то время. Кромѣ того въ рукахъ Французовъ были плѣнные англичане, которые легко могли сдѣлаться предметомъ ихъ мести за Жанну; наконецъ, по случайностямъ войны, самъ Варвикъ могъ попасть въ руки непріятеля, какъ это случилось съ Тальбо, Скаль и сыномъ того-же Варвика. Поэтому для нихъ было удобнѣе установить нѣкоторое различіе между Жанной и другими плѣнными; но это возможно было только при посредствѣ суда надъ нею. Вся низость ведевія дѣла Жанны принадлежитъ Peter Cauchon, архіерею Бове, — считавшемуся, хотя-бы между своихъ товарищей, за хорошаго человѣка,— совмѣстно съ аббатомъ, избраннымъ правительствомъ, докторами теологическихъ и каноническихъ наукъ и другими учеными и духовными лицами. Судъ тянулся 4 мѣсяца. Жаннѣ было тогда всего 20 лѣтъ и эта-то дѣвушка, неумѣющая даже читать, но проведшая годъ въ лагерѣ и почти годъ въ тюрьмѣ, была подвергаема въ продолженіи 6-ти часовъ ежедневно строгимъ и предательски—коварнымъ допросамъ. Ея отвѣты были извращаемы и допросъ снова начинался сначала. Чтобы добиться какого-либо сознанія отъ Жанны, прибѣгали къ подсылкѣ къ ней агентовъ,—съ этой цѣлью Іоазелеръ посаженъ былъ въ тюрьму подъ видомъ плѣнника ея же стороны, съ цѣлію заставить ее высказаться и вообще что либо отъ нея выѣдать; при этомъ ихъ разговоръ подслушивали въ продѣланное въ стѣнѣ отверстіе. Этотъ-же самый человѣкъ долженъ былъ въ послѣдствіи играть роль ея духовника. При допросѣ спрашивали иногда двое или трое за разъ, стараясь сбить ее; никто не смѣлъ ей пособить ни въ чемъ и нѣкоторые члены суда, относившіеся къ ней нѣсколько симпатичнѣе, должны были оставить свои мѣста. Даже епископъ Бове былъ обвиненъ въ чрезмѣрной слабости, что онъ гнѣвно отвергалъ. Выдержки изъ процесса Жанны дошли до насъ, конечно, очень краткія, но все же онѣ помогли намъ возстановить всю мерзость, глупость и жестокость этихъ величественныхъ педантовъ. Жанна мужественно подтверждала свое посланничество свыше даже тог-

да, когда ее стращали пытками. Она говорила, что и въ тюрьмѣ она ежедневно слышала голоса и видѣла сопутствующій имъ свѣтъ. Видѣнія если и появлялись, то только изрѣдка. Однажды съ ней разговаривалъ Архангелъ Гавріилъ,— что это былъ онъ, ей сказали голоса. Голоса же Св. Екатерины и Св. Маргариты часто ей слышались, онѣ совѣтовали ей отвѣчать на допросахъ бодрѣе. Иногда онѣ приходили къ ней безъ ея зова, иногда же ихъ голоса пробуждали ее во время сна, а иногда голоса бывали заглушаемы шумомъ, производимымъ ея тюремщиками. Онѣ научали ее, что отвѣчать и, когда она молилась и просила Бога прислать ихъ къ ней, онѣ тотчасъ являлись. Иногда эти святыя уходили отъ нея и спрашивали у Бога, что она должна говорить на судѣ и возвращались къ ней съ отвѣтомъ. Онѣ обѣщали ей освобожденіе изъ тюрьмы, но какое это будетъ освобожденіе, она не знала. „Принимай все радостно“ говорили онѣ ей, „не отчаявайся въ своихъ страданіяхъ, ты войдешь наконецъ въ царство небесное“.

Manchon, нотаріусъ, присутствовавшій на судѣ и переведшій ея дѣло на латынскій языкъ, говоритъ, что Жанна показалась ему очень наивной, иногда ея отвѣты были очень осторожны, иногда же довольно наивны. На сколько можно судить въ наше время, нѣкоторые изъ ея отвѣтовъ были очень искусны. Обыкновенно она отказывалась отвѣчать на вопросы, не касающіеся дѣла, или—если ее вторично спрашивали о томъ-же самомъ. Женскій инстинктъ Жанны подсказывалъ, что ея предполагаемые судьи—были ея злѣйшіе враги, но она имѣла глубокое обожаніе къ авторитету церкви, которой они стремились быть представителями.

Судьи видимо вѣрили, что она была введена въ заблужденіе злымъ духомъ, который принималъ на себя видъ Святыхъ и Ангеловъ. Они гдѣ то поймали разсказъ о томъ, какъ она совѣтовалась съ колдуньей подъ старымъ букомъ во рвѣ, по близости ея отцовскаго сада. Издревле разсказывалось, что подъ этимъ старымъ деревомъ видѣли волшебницъ; юноши и молодыя дѣвушки Домреми весной и лѣтомъ собирались сюда пѣть и плясать, послѣ чего они шли къ источнику, протекающему здѣсь по близости пить воду. Жанна подтвердила, что бывала тамъ съ дѣвушками, пѣла и плясала съ ними, но что она не видѣла никакой тамъ волшебницы и не знала никого, кто бы ее видѣлъ.

Судъ спрашивалъ Жанну объ ея отношеніяхъ къ женщинѣ, называвшей себя Catherine of Bochelle, которая предъявляла, подобныя ей, претензіи. Эта Катерина разсказывала, что къ ней являлась бѣлая женщина въ золотой одеждѣ и приказывала ей требовать у короля глашатаевъ, чтобы идти собирать деньги для уплаты солдатамъ Жанны. Она также похвалялась способностью розыскивать скрытыя сокровища. Жанна совѣтовала этой новой партизанкѣ идти домой къ мужу и ходить за своими дѣтьми; но, чтобы вполнѣ быть увѣренной въ правотѣ своего совѣта, Жанна спросила объ этомъ у Свв. Екатерины и Маргариты и онѣ ей отвѣтили, что она помѣшанная и что изъ этого ничего не выйдетъ. Одну ночь Жанна спала съ Екатериной, чтобъ увидѣть—придетъ-ли бѣлая женщина. Екатерина ей сказала, что явленіе было, но что Жанна въ то время спала. Съ этихъ поръ Жанна высыпалась днемъ, чтобы бодрствовать ночью, при этомъ часто спрашивала Катерину, когда-же прійдетъ бѣлая женщина,— на что та отвѣчала „она скоро прійдетъ“.

Вѣроятно Жанна не думала, что она поступала съ Катериной такъ, какъ могъ бы каждый поступить и съ ней;— вѣдь и она не могла заставить слышать другихъ слышимые ею голоса и видѣть видимыя только ей одной видѣнія. Въ сущности это свойство видѣній всѣхъ временъ, что они только могутъ быть видимы одними духовидцами. Упомянутая нами Катерина, попавшая въ руки Англичанъ, выдала Жанну какъ сообщницу діавола. Другой послѣдователь Жанны, называемый Peronne, былъ также взятъ ими.

Когда судъ заставлялъ Жанну дать знаменіе и говорилъ что иначе она не можетъ требовать къ себѣ довѣрія больше, чѣмъ Катерина Бошель; то на это она довольно смутно заявила объ одномъ знаменіи, котораго она была удостоена; такимъ заявленіемъ, однако, не удовольствовались и требовали отъ нея болѣе подробныхъ разъясненій, она же утверждала, что Св. Екатерина запретила ей говорить объ этомъ знаменіи. Во время ея пребыванія въ Шинонѣ, она заявляетъ, къ ней явился Архангелъ Михаилъ съ толпою Ангеловъ. взявъ ее за руку, провелъ ее въ замокъ короля и даже въ самую комнату короля; тамъ была подана Архангеломъ Реймскому архіепископу богатая золотая корона, которую тотъ и надѣлъ на голову короля. Она говоритъ, что это произошло въ присутствіи Карла Бурбонскаго, лорда Тремулья, герцога Алансонскаго и многихъ другихъ; и что эта корона до сихъ

поръ находится въ сокровищницѣ короля. Послѣ этого Жанна вошла въ маленькую часовню, бывшую во дворцѣ, куда за нею послѣдовалъ и Ангелъ и тамъ онъ изсчезъ.

Судъ предложилъ ей написать нѣкоторымъ упомянутымъ ею личностямъ, чтобы видѣть—подтвердятся-ли эти ея показанія, на что она отвѣчала: „Дайте мнѣ кого-бы я могла послать и я опишу имъ этотъ вашъ допросъ". Въ другой разъ ей предложили сдѣлать запросъ Реймскому архіепископу по поводу ея разсказа о коронѣ. „Вызовите его", отвѣчала она, „и тогда я вамъ на это отвѣчу, онъ, конечно, не посмѣетъ противорѣчить мнѣ".

Въ postscriptum допроса, написанны той же рукой замѣтки, сдѣланныя, шестью ея судьями, которые посѣщали Жанну въ ея тюрьмѣ въ послѣдніе дни ея жизни. Эти люди подтвердили подъ присягой признаніе Жанны, что она сама то и была Ангеломъ, принесшимъ корону королю, и вѣстникомъ, объявившимъ, что король будетъ коронованъ въ Реймсѣ. На вопросъ дѣйствительно-ли она имѣла видѣнія—она отвѣчаетъ: „были-ли то злые или добрые духи—не знаю, но онѣ являлись ко мнѣ". Она признала, что слышала голоса преимущественно во время колокольнаго звона и что видѣнія являлись ей то въ большемъ, то въ меньшемъ числѣ, какъ толпа образовъ небольшого роста; но ее не могли заставить говорить подробнѣе [1]). Три очевидца утверждали, что Жанна имѣла въ это время свѣтлую голову; свѣдѣніе, на которое кажется было обращено мало вниманія во все время суда надъ нею и ея тюремнаго заключенія. Они заявили, что до послѣдней минуты своей жизни она утверждала дѣйствительность своихъ видѣній; на кострѣ даже слышали какъ она призывала Архангела Михаила и одинъ только разъ въ концѣ она сказала, что вѣроятно то были злые духи, такъ какъ они обманули, обѣщая спасти ее изъ рукъ враговъ.

Конечно ее обвинили и понуждали покориться авторитету церкви. Ей предложили или отречься отъ своихъ заблужденій, или-же быть сожженной на кострѣ въ тотъ-же день. Палачъ

---

[1]) Inquirebant ab ea ut ium verumerat quod ipsas| voces et apparitiones habuisset; et ipsa respondebat quod sic. Et in illo proposito continuavit usque ad finem, et non determinabat proprie (saltem quod audiret loquens), in qua specie veniebant, nisi prout melius recolit, veniebant in magna multitsudine et quantitate minima. Tome I, p. 479.

Apparebant sibi sub specie quarumdam rerum minimarum p. 480.

или мучитель, какъ его звали, ждалъ ее съ своей колесницей. Подъ страхомъ такой мучительной смерти, Жанна согласилась отъ кое—чего отречься; но ея отреченье вѣроятно было совсѣмъ въ иной формѣ, чѣмъ впослѣдствіи опубликованное судомъ. Затѣмъ ее подвергли вѣчному тюремному заключенію.

Несчастная утѣшала себя, что ее заключатъ въ монастырь и что около нея будетъ кто-либо изъ женщинъ; но ее снова отослали въ ея старую тюрьму, гдѣ тюремщики обращались съ нею также грубо, какъ и прежде. Одно изъ взводимыхъ на нее обвиненій состояло въ томъ, что она носила мужскую одежду и она обѣщала перемѣнить ее. Голоса порицали ее за ея отреченіе и говорили, что она должна была стойко держаться до конца. Англичане были въ отчаяніи, что она не была приговорена къ смерти. Четыре дня спустя было объявлено, что Жанна снова одѣвалась въ свое мужское платье, которое сохранялось въ ея комнатѣ [1]). Это послужило поводомъ, что судьи снова пришли въ ея тюрьму. Теперь она поймалась, радостно воскликнулъ епископъ Бове,—онъ очень радовался вмѣстѣ съ графомъ Варвикъ. „Прощайте—прибавилъ онъ, Богъ помогъ, дѣло уложено“. 30-го мая 1431 года Жанна попала въ вѣрныя руки и было рѣшено, что нѣсколько часовъ спустя, она будетъ сожжена на старой рыночной площади въ Руанѣ.

Мы знаемъ о послѣднихъ ея часахъ отъ доминиканца Мартина Ladvenu:

„Когда объявленъ былъ несчастной дѣвушкѣ родъ казни, которой она сегодня-же должна подвергнуться, то она горько заплакала и начала рвать на себѣ волосы. „Ахъ! какъ они ужасно поступаютъ со мной и какъ меня мучаютъ! Ужели такъ предопредѣлено, что мое тѣло, которое всегда было чисто, се-

---

[1]) Guillelmus Manchon dixit, quod tunc erat induta indumenta virili, atque conquerebatur quod non audebat se exnere, formidans ne de nocto ipsi custodes sibi in ferrent aliquam viontiam atque semel aut bis conquessa fuit dicto Episcopo Belvacenci sulinquisi fori et magistro Nicolao Loisselleus quod alter dictorum custodum volnerat eam violure quibus anglicis a domino de Warvitj uxta relationem ipsorum ipicopi inquisetoris et Lojselleur minae magnae illatae sunt si ulterius in attentare praesumerunt et de novo duo allii custodes commissi. Tome II p., 298. Frater Bardius de Petra ab eadem Johanna audivit fuit perunum magnae auctorisatis tentata de viobutia, propter quod ut ille esset agilior ad resistendum dixit se habitum virilem qui in carcere fuerat juxta camcante dimissus. Tome II, p. 305.

годня будетъ сожжено и превращено въ золу! Лучше-бы они отрубили у меня голову, чѣмъ быть сожженой! Если-бъ я была въ церковной тюрьмѣ, которой я подчинялась, и если-бы моя стража состояла изъ людей церкви, я никогда-бы не дошла до подобнаго несчастія! О! я призываю Бога, Великаго Судью, свидѣтелемъ всѣхъ ужасныхъ оскорбленій, наносимыхъ мнѣ!" Затѣмъ она страшно жаловалась на всѣ униженія, которымъ подвергали ее ея тюремщики и другія лица, имѣвшія къ ней доступъ въ тюрьму".

Жанна съ рыданіями взошла на костеръ. Она до конца поддерживала истину своихъ видѣній и душевно взывала къ Архангелу Михаилу и Св. Екатеринѣ. Martin Ladvenu выслушалъ ея исповѣдь, проводилъ ее на костеръ и сидѣлъ съ ней пока не проникъ къ ней огонь; тогда она просила его сойти и держать предъ ней крестъ до минуты ея смерти. Когда убѣдились, что она умерла, раздвинули головни и ея тѣло, еще привязанное къ костру, было показано толпѣ. Затѣмъ огонь вновь приблизили къ ней, пока она вся не превратилась въ золу. Впослѣдствіи передавали, что даже палачъ былъ тронутъ этой казнью. Онъ вѣрилъ, что ея сердце не сгорѣло и боялся быть проклятымъ за то, что сжегъ святую. Одинъ Англичанинъ, подбросившій угольевъ въ костеръ, горько плакалъ и кричалъ о своемъ раскаяніи, говоря, что видѣлъ какъ изъ пламени вылетѣла голубка. Въ народѣ думали, что святая дѣвушка въ дѣйствительности не умерла. Немного лѣтъ спустя явилась женщина, называвшая себя Жанною д'Аркъ: она посѣтила Германію и Францію (1436—1440) и на время многихъ ввела въ заблужденіе, между прочимъ, нѣкоторыхъ жителей Орлеана и даже обоихъ братьевъ Жанны. Она была замужемъ за рыцаремъ Robert des Harmoises. Обманъ былъ обнаруженъ королемъ Карломъ VII. Впослѣдствіи она была всѣми покинута и кончила жизнь въ несчастіи.

Безсердечный канцлеръ короля, ничего или очень мало сдѣлавшій въ пользу освобожденія Жанны, скоро понялъ все ея могущество для достиженія ихъ цѣли и даже помышлялъ о замѣнѣ ея кѣмъ-либо другимъ. Они поймали юношу пастуха, по имени William le Bergier или „пастушекъ", который, какъ писалъ канцлеръ Франціи „разсказывалъ тоже самое, что и дѣвушка, и который получилъ приказаніе отъ Господа идти съ людьми короля".

Во время одного изъ вторженій Французовъ въ Нормандію (августъ 1431) пастухъ попалъ въ руки Англичанъ. Его

представили Генриху VI крѣпко стянутаго веревками и, какъ говорили, бросили его въ Сену. Подобно S-t. Francis, онъ показалъ пять кровавыхъ слѣдовъ на ногахъ, рукахъ и боку. Достойно вниманія, что хроникеры, упоминающіе объ этомъ несчастномъ юношѣ, называютъ его помѣшаннымъ, чего никто не говорилъ о Жаннѣ д'Аркъ.

25-ть лѣтъ спустя, когда Французы возвратили себѣ Нормандію, всѣ протоколы процесса героини сдѣлались предметомъ точнаго изслѣдованія. Собирались справки въ Домреми, Тулонѣ, Вокулерѣ, Поатье, Орлеанѣ, Парижѣ и Руанѣ. Старинныя обвиненія Жанны были уничтожены совѣтомъ экклезіастовъ, санкціонированы папой, а признаніе ее за колдунью, ужасное въ то время, было разрушено и, такимъ образомъ, память ея совершенно очищена отъ этого, оскверняющаго все, поклёпа. Всѣ эти свѣдѣнія собраны нами изъ разбора слѣдствія процесса въ его деталяхъ.

Не понятно, почему Жанна не была причислена къ лику святыхъ, какъ-то предлагали нѣкоторые французскіе писатели. Она явилась съ благимъ намѣреніемъ спасти великую державу отъ разоренія. Ея увѣреніе въ чудесной помощи достаточно вѣроятно тѣмъ, кто допускаетъ возможность сверхъестественнаго въ исторіи,—и воспринятая ею роль въ тяжелыя времена можетъ быть скорѣе отнесена къ дѣйствію высшей силы, чѣмъ той, которою обладала Жанна, нежели приписана результату случайной раздражительности при нервныхъ болѣзняхъ. Какъ Богъ могъ допустить невинную дѣвушку быть обманутой видомъ посланниковъ, которыхъ онъ посылалъ въ древности? Но рядомъ съ этимъ стоитъ и тотъ фактъ, что голоса, слышимые Жанной, много разъ обманывали ее; напримѣръ, она заявляла, что была назначена освободить герцога Орлеанскаго изъ его плѣна у Англичанъ и что она должна была торжественно ввести въ Парижъ Карла VII. Есть поводъ вѣрить, что она отказалась отъ надежды выиграть дѣло несчастной вылазки въ Компьенѣ. Она говорила также, что увидитъ короля Англіи и что будетъ спасена изъ рукъ ея враговъ. Не слѣдуетъ забывать, что ей всего было 20 лѣтъ, когда она умерла и что ея карьера продолжалась около 2 лѣтъ, одна половина которыхъ была проведена въ тюрьмѣ. Если-бъ она жила дольше, весьма вѣроятно, что стеченіе фактовъ болѣе выяснило-бы характеръ ея заблужденій.

Briérre de Boismont доказалъ, что галлюцинаціи совершенно аналогичны нормальнымъ отправленіямъ головного мозга и даже говоритъ о физіологическихъ галлюцинаціяхъ; но, хотя и говорятъ о галлюцинаціяхъ безъ видимой причины, тѣмъ не менѣе мы согласны съ Dr. Hagen *), что галлюцинаціи всегда патологическаго происхожденія. Извращая наши ощущенія, пути къ познанію внѣшнаго міра и общенія съ духомъ, явленія галлюцинацій всегда есть состояніе, грозящее потерей разума. Жанна негодовала на Гусситовъ (Hussites), грозя даже отстраниться отъ войны съ Англичанами, чтобы перенести руку мщенія на этихъ еретиковъ. Ясно, что субъектъ, высказывающій подобныя стремленія, въ наше время былъ-бы переданъ для изслѣдованія медикамъ, а не богословамъ; но Жанна жила во времена суевѣрія, когда никто не сомнѣвался, что люди сообщались часто съ духами. Одинъ только вопросъ стоялъ у нихъ на виду: были-ли то добрые или злые духи. Жанна полагала, что духи, съ которыми сообщалась она, были добрые духи, такъ какъ они не внушали ей ничего дурного, учили спасти отечество; а и она, и окружающіе ее находили это благимъ дѣломъ. Одинъ ученый германскій докторъ серьезно занимался вопросомъ, была-ли Жанна дѣйствительно женщина, а не колдунья, которая можетъ исчезать или превращаться въ змѣю. Когда всѣ живущіе въ то время были такъ настроены, мудрено-ли, что Жанна поддалась общему теченію. Конечно наибольшее затрудненіе состоитъ въ томъ,чтобы выяснить ея основныя заблужденія и уклоненія, которыя, вѣроятно, заключаются въ галлюцинаціяхъ зрѣнія и слуха. Я не рѣшаюсь дать точное объясненіе всѣмъ этимъ явленіямъ и предпочитаю лучше представить факты изъ жизни Жанны, которые будутъ имѣть весьма важное психологическое значеніе для постановки вашего сужденія на ея счетъ.

Предшествующія страницы были читаны въ Медицинско-Психологическомъ Обществѣ и напечатаны въ Journal of Mental Science; послѣ того меня со всѣхъ сторонъ просили прибавить нѣкоторые комментаріи или эпикризъ къ этому замѣчательному дѣлу. Я предоставлялъ это мнѣнію моихъ товарищей, людей знакомыхъ съ наукою о галлюцинаціяхъ и умственныхъ разстройствахъ. Собственное мое сознаніе моей личной

*) Studien auf dem Gebiete der aerztlichen Seelenkunde, von Dr. Friedrich Wilhelm Hagen. Erlangen, 1870. „Die Iungfrau von Orleans", p. 107.

неспособности разрѣшить такой важный вопросъ, было причиной, что я такъ долго не принимался за него; но разъ онъ снова затронутъ, необходимо его разъяснить насколько можно подробнѣе.

Нѣкоторые въ этомъ дѣлѣ не видятъ затрудненій. Они фактически допускаютъ, что Жанна была призвана свыше къ своей миссіи. Много было писано подъ этимъ вліяніемъ и, что замѣчательно, одинъ изъ моихъ корреспондентовъ, хорошій психологъ и извѣстный своими работами о помѣшательствѣ, писалъ мнѣ, что онъ допускаетъ происхожденіе видѣній и голосовъ Жанны съ неба. Къ этому объясненію я могу только прибавить, что если бы я поддерживалъ его самъ, я бы былъ въ такомъ затрудненіи, какъ и ея судьи во время суда надъ ней. Опровергая всѣ ея откровенія, они чувствовали себя въ опасности дискредитировать видѣнія и чудеса Святыхъ среднихъ вѣковъ, основанныхъ никакъ не на болѣе вѣскихъ основаніяхъ, но тѣмъ не менѣе причисленныхъ церковію къ лику Святыхъ. Не желая признать откровенія Жанны божественными, они признали ихъ діавольскими наущеніями. Подобное объясненіе можетъ удовлетворить развѣ только истаго католика. Не желая вольнодумствовать, мы не видимъ причины— почему они не имѣютъ въ своемъ календарѣ Святой Жанны, тѣмъ болѣе, что всякое обвиненіе ея въ Руанѣ было уничтожено папой; но протестанты, вѣрящіе, что чудеса прекратились со временъ Апостоловъ, или раціоналисты, совершенно отвергающіе сверхъестественное, не должны искать выхода въ этомъ дѣлѣ подобнымъ путемъ. Историки обыкновенно удовлетворяются болѣе или менѣе правильнымъ изложеніемъ фактовъ, немногими общими мѣстами, эфектами воображенія, энтузіазма и легковѣрія. Преимущественно въ послѣдніе годы появилось нѣсколько біографій, по большей мѣрѣ слабыхъ и невѣрныхъ, взятыхъ изъ различныхъ исторій. Эти книги вырываютъ одинъ фактъ, пропускаютъ другой, выдумываютъ третій. Сюжетъ заманчивый для поэтовъ, но они только удаляютъ насъ отъ истины, которая сама по себѣ чудеснѣе ихъ измышленій.

Сцена въ трагедіи Генриха VI—его разсужденія съ Жанной — единственная страница въ Шекспировскихъ трагедіяхъ, за которую Англичанинъ долженъ краснѣть. Очень странно, что великій драматургъ полагалъ, будто въ этомъ видѣ Жанна лучше всего годится для Англійской сцены. Можетъ быть .онъ думалъ, что это единственный видъ, подъ которымъ піеса можетъ быть пропущена. Дѣйствительно,

спустя нѣсколько лѣтъ послѣ постановки на сцену Генриха VI, хроникеры Англіи снова принялись за распространеніе старой клеветы о Жаннѣ, Самый испорченный изъ французовъ избралъ народную героиню какъ предметъ своей неприличной выходки. Въ „Pucelle“ Вольтеръ возбудилъ смѣхъ комическимъ положеніемъ, въ которое поставила себя сражающаяся женщина въ лагерѣ и на полѣ битвы, гдѣ имѣютъ мѣсто только мужчины. Шиллеръ—человѣкъ съ рѣдкимъ человѣческимъ пониманіемъ и великимъ поэтическимъ воображеніемъ очень далеко удалился отъ исторіи. Въ „Jungfrau von Orlean“ онъ заставляетъ героиню сбѣгать изъ Реймскаго собора послѣ коронованія короля и, вмѣсто сожженія ея на кострѣ, заставляетъ ее истекать кровью, спасая своего короля изъ рукъ Англичанъ.

Мы знаемъ, что Жанна была глубоко опечалена несчастіемъ Франціи. Это печальное состояніе страны длилось долго, по крайней мѣрѣ на столько долго, на сколько она могла это помнить. Никто не избѣжалъ его. Жители деревень Франціи были доведены до бѣгства изъ своихъ деревень ради спасенія своей собственной жизни. Каждый приглядывался, ища откуда нибудь себѣ помощи. Пророчество, что Францію погубитъ женщина и потомъ спасетъ дѣва, переходило изъ устъ въ уста. Колдунъ Geoffrey du Fay, знавшій Жанну и ея родныхъ, будто-бы слышалъ, какъ она говорила это, готовясь идти къ Роберту Бодрикуру *).

Другое сказаніе состояло въ томъ, что дѣва должна придти изъ Лотаринскихъ лѣсовъ и даже изъ лѣсовъ шинонскихъ близь Домреми.

---

*) „Proces de Rehabilitation“, Tome II, p. 444. Iohn of Novelonpont, who saw Ioan at Vaucouleurs, remerbered to have heard her say, „It is needful that I should go to thne kinq, if I should wear my feet to the kness. For no one in the world, neither kings nor dukes, nor the danghter of the king of Scotland, nor any ather, can recover the kingdom of France; nor is there any succour save with me, although I would prefer to sew beside my poor mother, II, p. 436. „Oriunda nanque fuit ex confinibus regni Franciae et ducatus Lotharingiae, de vico aut villagia quodam dicto Dompremy, a parte ipsius regni constituto; in duo non Conge a paterna domo ipsius Iohannae, ceraitur nemus quoddam duod vetusto nomine Canutum dicitur. De quo vulgaris et antiqua perscrebuit fama puellam unam ex eo loco debere nasci, quae magnalia faceret, prout etiam in processu refertur“. „Procés de Rehabilitation“, Tome III, p. 339. See also T. IV, p. 323, and T. V. p. 13.

Жанна указывала на эти пророчества. Кто-же была эта дѣва? Жила-ли она гдѣ нибудь по близости? Избрало-ли ее небо, хотя бы сама по себѣ она была ничего болѣе, какъ бѣдная дѣвочка! Подобныя мысли были совершенно естественны для нея, такъ какъ она чувствовала себя вполнѣ способной выполнить предназначеніе. Великія мысли нашли себѣ пріютъ въ героической груди дѣвушки. Пророчество вліяло двояко—на Жанну и на народъ: оно подготовило ея душу къ усвоенію извѣстныхъ идей, а народъ—сочувствовать ея идеямъ и помогать ихъ осуществленію. Наивная и простодушная Жанна, исполненная надежды на верховную помощь, слѣдитъ за приближеніемъ этой помощи и находитъ тысячу признаковъ въ окружающей природѣ, говорящихъ объ ея приближеніи.

Люди, воображеніе которыхъ полно созерцаніемъ духовнаго міра, который по ихъ мнѣнію ихъ окружаетъ, интересуется ихъ борьбой, часто принимаютъ обыкновенныя факты или случайно сказанныя слова за знаменія невидимаго міра. Мысль, внезапно зародившаяся въ ихъ собственной душѣ, принимается за внушеніе свыше. Нѣкоторые подобно Iohn Knox, вообразили себя обладающими даромъ пророчества, потому что кое-что исполнялось изъ задуманнаго или предсказаннаго ими. Другіе-же объясняли факты совершенно иначе, чѣмъ-бы слѣдовало; какъ примѣръ, возьмемъ генерала Гаррисона: человѣкъ онъ былъ искусный и талантный, но сильный энтузіастъ гражданскихъ войнъ. Его описывалъ Baxter, „какъ личность способную къ любви и ораторству, сангвиника по темпераменту, натуру до такой степени живую, веселую и увлекающуюся, какою можетъ быть кто-либо другой послѣ лишняго стакана вина“. Хотя онъ былъ однимъ изъ судей Карла, тѣмъ не менѣе во время реставраціи онъ не сбѣжалъ и не попросилъ амнистіи; его поведеніе, когда его судили, проявилось въ величественной неустрашимости, возбудившей даже удивленіе его враговъ. Онъ сказалъ шерифу въ день своей казни, что его молитва исполнилась: „много разъ, говоритъ онъ, молилъ я Господа, что,если Ему будетъ угодно, чтобы Его народъ перенесъ что либо тяжкое, оскорбительное, или былъ-бы опозоренъ, пусть Онъ выберетъ меня для этого и теперь я благословляю имя моего Господа: Онъ призналъ меня достойнымъ служенія во имя Господа моего Іисуса Христа“. Подобную торжествующую вѣру онъ сохранилъ до конца своей жизни. Во время его шествія на мѣсто казни, кто то изъ толпы обратился къ нему съ насмѣшкою, говоря: „куда дѣлось твое доброе дѣло“? Пріятно улыбаясь и сложивъ

руки на груди, онъ отвѣчалъ: „здѣсь оно, я иду припечатать его моей кровью“. Онъ былъ полонъ радости, подходя къ висѣлицѣ и, на вопросъ своего слуги,—какъ онъ себя чувствуетъ, онъ отвѣчалъ: „никогда еще въ жизни не чувствовалъ я себя лучше“. Такимъ образомъ факты, которые могли-бы поколебать вѣру въ добро самого дѣла въ большей части людей, въ Гаррисонѣ только усилили эту вѣру.

У нѣкоторыхъ натуръ все зависитъ отъ извѣстнаго предрасположенія. Моро [1]) разсказываетъ случай съ однимъ молодымъ французомъ, отправившимся въ Египетъ на какія-то занятія. Этотъ молодой человѣкъ почувствовалъ тамъ непреодолимое стремленіе вернуться на родину и, чтобы избавиться отъ этого состоянія, онъ употреблялъ гашишъ. Но вмѣсто того, чтобы уничтожить это стремленіе, гашишъ только вызвалъ приводящія его въ отчаяніе—видѣнія и бредъ; ему представлялись—его старый домъ во Франціи, мать и сестры, молящія его возвратиться и грустящія по немъ. Точно также и воображеніе Жанны было преисполнено неудержимымъ стремленіемъ избавить Францію и въ подобномъ душевномъ состояніи у нея и пробудились галлюцинаціи зрѣнія и слуха. Періодъ появленія первыхъ галлюцинацій приближается у Жанны къ времени появленія въ первый разъ менструальнаго періода, а въ это время нервная система необыкновенно возбуждена. Dr. Hammond цитируетъ [2]), какъ одна молодая особа, находившаяся подъ его наблюденіемъ, всегда во время этого періода галлюцинировала: видѣла головы и руки, летающіе вокругъ нея въ воздухѣ. Это видѣніе рѣдко совсѣмъ исчезало во все время періода. Dr. Hammond приводитъ еще другіе примѣры, какъ указаніе, что иногда разстройства заключаются единственно въ возникновеніи иллюзій и галлюцинацій. Кажется, что наша дѣвственница страдала наичаще галлюцинаціями слуха, хотя нерѣдко онѣ сопровождались и галлюцинаціями зрѣнія. Голоса, слышанные ею обыкновенно вызывались или сопровождали колокольный звонъ; вѣроятно звонъ колоколовъ въ ея воображеніи превращался въ слова. Одинъ изъ това-

---

[1]) I. Moreau „Du Haschisch et de l'Alienation“, Paris, 1845, p. 180.

[2]) „A Treatise on Insanity“. by William A. Hammond, M. D., etc London, 1883, p. 109. Baillarger gives the case of a young woman who had hallutinations of the five senses with a condition andlogous fo Ioem's. They disappeared under fitting remedies. „Des Hallutinations“. Paris, 1846, p. 482.

рищей ея дѣтства разсказываетъ [1]), что, когда дѣти рѣзвились, гуляя въ полѣ, то Жанна иногда отстранялась отъ нихъ для веденія бесѣды съ Богомъ, при чемъ онъ самъ и другіе товарищи смѣялись надъ ней. Она была добра и проста, часто посѣщала церковь и Святыя мѣста; если она бывала въ полѣ во время колокольнаго звона, то преклоняла колѣни. Разъ она сказала церковному старостѣ въ Домреми [2]), что онъ лѣниво звонитъ и если будетъ прилежнѣе, то она подаритъ ему шерсти.

Галлюцинаціи, подобнымъ образомъ возбужденныя, не безъизвѣстны. Подъ „функціональными слуховыми галлюцинаціями, говоритъ Dr. Emminghaus [3]), мы понимаемъ фантазмы, обыкновенно появляющіеся послѣ сомнѣнія въ дѣйствительныхъ звукахъ, возбуждающихъ вниманіе больного. Эти галлюцинаціи отличены отъ дѣйствительныхъ звуковъ". Kahlbaum описываетъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Паціентъ галлюцинировалъ до тѣхъ поръ, пока вокругъ его существовали неопредѣленные звуки,—когда же все кругомъ утихало, или кто нибудь съ больнымъ говорилъ, призраки исчезали.

На слѣдствіи Жанна говорила, что звуки шли справа [4]). Это доказываетъ, что галлюцинаціи были, по крайней мѣрѣ въ началѣ, односторонни. Мало вѣроятія, чтобы разстройство умственныхъ способностей наступило при односторонныхъ галлюцинаціяхъ, такъ какъ при этомъ одна сторона мозга являлась интактною. На основаніи заявленія Жанны, что она дотрогивалась до Свв. Маргариты и Екатерины и что отъ нихъ вѣяло благоуханіемъ, можно предполагать, что она страдала галлюцинаціями осязанія и обонянія. Галлюцинаціи въ наше время не такъ рѣдки и не были онѣ рѣдкостью и въ XV вѣкѣ. Michelet разумно замѣчаетъ [5]):

---

[1]) „Procés de Rehabilitation", p. 420; see also p. 424.

[2]) Ibid. II p. 413.

[3]) „Allgemeine Psychopathologie", p. 167.

[4]) Et prima vice, habuit magnum timorem. Et venit illa vox quasi hora meridiana, tempore aestivo, in horto patris sui; et ipsa Iohanna jejunaverat die praecedente. Andivitque vocem a dextro latere versus ecclesiam, et raro eam audit sine claritate. Quae quidem claritas est ab eodem latere in quo vox auditur, sed ibi communiter est magna claritas. Et quando ipsa Iohanna veniabat in Franciam, saepe audiebat illam vocem.... Dixit praeterea quod, si ipsa esset in uno nemore, bene audiret voces venientes ad eam". „Procés de Condemnation", I, p. 52.

[5]) „The History of France" vol. II, p. 515. London 1846.

„Ни своеобразность Орлеанской дѣвы, ни даже ея доблести и ея видѣнія послужили къ ея успѣху, но ея разумъ. При всемъ своемъ энтузіазмѣ эта дочь народа ясно понимала вопросъ дня и была въ состояніи разрѣшить его. Она развязала узелъ, который политики и люди славной вѣры не могли развязать. Она заявила именемъ Бога, что Карлъ VII былъ дѣйствительный наслѣдникъ и утвердила за нимъ его законныя права, въ которыхъ онъ и самъ сомнѣвался. Эту законность его правъ она санктифицировала, введя его въ Реймсъ, выгравъ у Англичанъ быстротою своихъ дѣйствій окончательный успѣхъ—коронованіе своего короля.

Въ то время не было рѣдкостью встрѣтить женщину съ оружіемъ въ рукахъ,—онѣ часто сражались при осадахъ; припомнимъ 30 женщинъ, раненыхъ при Амьенѣ, а также Жанну Гашедъ. Во время войны въ Богеміи женщины сражались противъ мужчинъ въ Гусситскихъ войнахъ.

Оригинальность Орлеанской дѣвы, повторяю, не заключалась въ ея видѣніяхъ. Кто-же не имѣлъ ихъ въ средніе вѣка?“.

Вотъ примѣръ. Одна изъ женщинъ, названная чудесной женщиной, была Catherine of Siena [1]). Когда ей было шесть лѣтъ отъ роду, она, возвращаясь однажды съ прогулки съ своимъ меньшимъ братомъ Стефаномъ, разсматривала золотыя вечернія облака; при этомъ она увидѣла въ видѣніи Іисуса, окруженнаго сіяніемъ и поражающаго своимъ величіемъ и красотою. Когда она, страшно испуганная, взглянула еще, то увидѣла Спасителя, смотрѣвшаго на нее съ любовью и улыбкою на устахъ, простирающаго на нее Свою благословляющую руку. Въ теченіи всего этого времени ея маленькій братъ продолжалъ спускаться съ пригорка, воображая, что сестра идетъ за нимъ. Обернувшись онъ увидалъ, что сестра стоитъ на прежнемъ мѣстѣ и смотритъ въ небеса; тогда онъ позвалъ ее, крича насколько могъ громче, но она не отвѣчала ему. Видя это, онъ вернулся къ сестрѣ, взялъ ее за руку, говоря „пойдемъ, что ты здѣсь стоишь“? Катерина, казалось, пробудилась отъ глубокого сна и громко отвѣчала ему „о, Стефанъ! если-бы ты только могъ увидѣть, что видѣла я, ты бы никогда не прервалъ меня“ и ея глаза снова обратились къ небу, но видѣніе скрылось.

Возвратимся къ нашему предмету. Еслибъ Жанна была обыкновенной дѣвушкой, ея галлюцинаціи окончились бы одной болтовней, или безразсудными поступками, которые и погубили-бы ее. Но она обладала рѣдкими нравственными качествами, рѣдкимъ разумомъ и быстрымъ пониманіемъ веденія дѣлъ.

---

[1]) „Catherine of siena: a Biography“, by Iosephine E. Butler. London, 1879. Page 24.

Братъ Seguin, профессоръ теологіи, допрашивавшій ее въ Поатье, сказалъ ей: если Богу было угодно спасти Орлеанъ, то Ему не было нужды посылать туда вооруженныхъ людей; на это она отвѣчала—„солдаты будутъ сражаться во имя Бога и Богъ пошлетъ побѣду“. Теологъ прибавилъ, что едва ли возможно, чтобы Богъ чрезъ нихъ послалъ совѣтъ королю предпринять опасную экспедицію; быть можетъ она представитъ, кромѣ своихъ словъ, иныя доказательства своей миссіи.— На это Жанна отвѣчала: „Во имя Бога, я не пришла въ Поатье показывать знаменія, отведите меня въ Орлеанъ и я покажу вамъ знаменіе, ради котораго я послана“.

Выше приведенныя показанія Жанны предъ судьями о томъ, какъ ангелы сопровождали ее отъ ея дома до замка Шинонъ, при чемъ одинъ изъ Ангеловъ несъ богатую золотую корону, надѣтую на голову дофина архіепископомъ Реймса, рѣдко упоминаются историками вѣроятно потому, что трудно допустить это, не умаляя репутацію героини. Michelet [1]) упоминаетъ объ этомъ только коротко. „Кажется вытекаетъ изъ ея отвѣтовъ, которые дѣйствительно очень неясны, что сильный судъ воспользовался ея наивностью, такъ какъ Жанна, чтобы подтвердить свою увѣренность въ видѣніи, воспроизвела картину чудеснаго, въ которой явился Ангелъ, несущій корону“. Жанна говорила, что между ними было нѣсколько Ангеловъ, между которыми она отличала Св. Екатерину и Св. Маргариту. Дофинъ, далекій отъ того, чтобы помочь ей, держался посреди своихъ придворныхъ и тамъ былъ узнанъ Жанной.—Ихъ вѣра, а не ея, нуждалась въ поддержкѣ; дофинъ, а не Жанна, нуждался въ болѣе сильномъ подтвержденіи ея миссіи и оплошность съ ея стороны испортила-бы все дѣло. Можно сказать, что вся эта исторія представляла собою хаотическій наборъ изъ всего, что было ею дѣйствительно сказано,—и трудно отрицать, что ея враги были способны на всякій вымыселъ, чтобы подорвать къ ней довѣріе. Но это такая выдумка, на которую бы они пошли, чтобы поддержать свои цѣли. Ея показанія на судѣ, на этотъ счетъ, полны и обстоятельны. Но что замѣчательно въ этомъ процессѣ, это то, что не сдѣлано ни одной попытки, чтобы ихъ дискредитировать или доказать, что ссылка на эти ея показанія ничтожна, какъ фабрикація, или что Жанна была обманута торжественностью, устроенною нарочно для этого

[1]) „History of France“, Englich Translation, vol. II, p. 525.

случая. На оборотъ, они обставляли дѣло такъ, что ея слова могли быть объяснены аллегоріей. Слѣдуетъ, конечно, понимать, что въ обстоятельствахъ встрѣчи ея съ дофиномъ въ Шинонѣ она перемѣшала свои надежды съ своими снами и дала одно изъ тѣхъ неправдоподобныхъ показаній, которыя наводятъ подозрѣніе на тронутый разумъ. Фактъ признанія, что она сама и была тотъ Ангелъ, который принесъ королю корону, — не сообразуется съ ея прежней твердой вѣрой; часто случается, что лица, когда эльзальтація ихъ воображенія прошла, допускаютъ что были подчинены заблужденію, которое и перестало управлять вѣрой.

Вопросъ, была-ли Жанна помѣшана или нѣтъ, не можетъ быть разрѣшенъ безъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Только тѣ, которые вѣрятъ въ дѣйствительность видѣній, могутъ считать ее вполнѣ здоровой. Мы должны въ своемъ мнѣніи отличать интеллектъ отъ чувства. Разумъ получаетъ свои свѣдѣнія посредствомъ чувствъ и потому не можетъ быть въ совершенно здоровомъ состояніи, если они доставляютъ данныя внѣшняго міра въ извращенномъ видѣ. Жанна, по дѣленію Hammond'a, принадлежитъ къ perceptional Insanity. Исключая видѣнія и голоса и принимая во вниманіе понятіе того времёни о добрыхъ и злыхъ духахъ, нельзя вывести какое либо заключеніе, утверждающее у нея помѣшательство, и можно даже сказать, что нѣтъ указаній на мозговое разстройство.

Не существуетъ рѣзкой черты между помѣшательствомъ и совершенно здравымъ состояніемъ мозга; какъ глазъ не совершенно ахроматиченъ, такъ и разумъ, вѣроятно, не бываетъ никогда абсолютно здоровъ. У однихъ мозгъ работаетъ хорошо, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ; у другихъ—порядочно, у нѣкоторыхъ неправильно, у меньшинства совсѣмъ не работаетъ. Различія безконечны, нѣтъ двухъ совершенно сходныхъ субъектовъ. Они могутъ походить на васъ, на меня, но никогда не будутъ такими точно; обстоятельства могутъ быть сходны, но никогда не идентичны. Исторія никогда не повторяется, если-же это иногда и кажется, то потому только, что мы ложно ее понимаемъ, принимаемъ единичное событіе за цѣлое. Такъ и между самымъ свѣтлымъ разумомъ и наиболѣе разстроеннымъ есть отличія, неопредѣлимыя нами. Сумашедшіе въ такой мѣрѣ, чтобы быть запертыми въ лечебницу душевныхъ больныхъ, не такъ рѣдки,—скажемъ одинъ на 500 въ высокоцивилизованныхъ странахъ. Дальше, лица, не совершенно помѣшанныя, но кажущіяся странными, пред-

ставляютъ очень частое явленіе. Каждый знакомый съ симптомами лунатизма знаетъ это. Нѣкоторые находили, что Жанна страдала theomania съ promania или помѣшательствомъ заблужденія. Можетъ быть особенное отступленіе должно быть примѣнено къ ней, такъ точно, какъ обыкновенные законы подходятъ къ одному или двумъ растеніямъ въ то время, какъ другіе законы подчиняютъ себѣ всѣ растенія. Я не знаю другой помѣшанной, похожей на нее, но и она не была совершенно здорова.

Въ міровой исторіи лица, въ нѣкоторой степени разстроенныя разумомъ, имѣли большое вліяніе; но чтобы производить это вліяніе—ихъ заблужденія должны гармонировать съ заблужденіями толпы. Это и было съ нашей дѣвственницей. Народъ былъ готовъ признать за ней аттрибуты чудеснаго. Ея предувѣдомленія были принимаемы какъ пророчество. Военные утверждали, что тѣ, кому она обѣщала жизнь, выходили невредимыми изъ битвы. тѣ-же, кому она предрѣкала короткую жизнь, были убиты. Они просили ее возлагать руки на больныхъ и молиться за умирающихъ или умершихъ. Говорили, что она могла призывать птицъ изъ воздуха къ себѣ на руку. Послѣ ея смерти явилась масса легендъ, часть которыхъ только что была нами приведена.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Душевныя болѣзни царствующихъ домовъ.

Семья Юлія—Клавдія: Августъ.—Друзъ.—Юлія.—Тиверій.—Калигула.—Клавдій.—Мессалина.—Агриппина.—Неронъ.—Вѣкъ философіи: Маркъ—Аврелій.—Коммодъ.—Геліогабалъ.

Въ нашемъ этюдѣ всѣмъ извѣстной исторіи Цесарей мы остановимся на разсмотрѣніи тѣхъ патологическихъ случаевъ, тѣхъ болѣзненныхъ состояній нервной системы, гдѣ особенно рѣзко выражены помѣшательства, галлюцинаціи, ипохондрія и истерія. У тѣхъ же людей ненормальности выражались кромѣ того дикими вкусами, странными, неудержимыми страстями и капризами, эпилепсіей или хореей, также какъ деформаціей костей лица, черепа и туловища. На подобныя изслѣдованія не было обращено довольно вниманія ни древними, ни новѣйшими историками.

Нельзя съ опредѣленностью сказать, дѣйствительно ли нервныя разстройства въ семьѣ Юлія—Клавдія начались съ Августа.

Великій Юлій, въ послѣдніе годы своей жизни, имѣлъ нѣсколько эпилептиформныхъ припадковъ; но это могло быть слѣдствіемъ его безпокойной и энергичной жизни, его напряженнаго положенія и половыхъ эксцесовъ. Сынъ Юлія отъ Клеопатры былъ убитъ послѣ паденія Марка—Антонія. Августъ приходился ему внукомъ, Юлія, младшая сестра диктатора, имѣла дочь, что впрочемъ сомнительно. Несмотря на слабость здоровья и разстройство различными неправильностями въ питаніи, Августъ жилъ до 75 лѣтъ, слишкомъ длинный срокъ въ жизни Римлянина тѣхъ временъ.

Друзъ.

При дальнѣйшемъ изложеніи нейрозовъ послѣ Августа, мы встрѣчаемъ нѣкоторыя затрудненія. Друзъ Клавдій Неронъ Германикъ родился три мѣсяца послѣ брака Августа съ Ливіей, первый мужъ которой Тиверій Клавдій Неронъ былъ еще живъ. Августъ заставилъ его для себя отказаться отъ своей жены. Младенецъ Друзъ былъ отосланъ къ своему отцу Тиверію Клавдію, съ которымъ онъ и его старшій братъ, впослѣдствіи Императоръ Тиверій, жили до смерти Августа, которая наступила черезъ три года, послѣ чего они возвратились къ ихъ матери Ливіи. Полагаютъ, что Августъ былъ въ связи съ Ливіей до брака; хотя это и возможно, тѣмъ не менѣе не онъ является отцомъ Друза.

Dr Jacoby [1]) приводитъ много доказательствъ, нѣкоторыя и не безъ натяжки, чтобы утвердить, что Друзъ былъ дѣйствительно сынъ Августа. Пока это не вполнѣ доказано, наслѣдственная передача болѣзни по этой линіи является непрочною; такъ какъ если Друзъ не былъ сыномъ Августа, какъ могъ онъ передать неврозъ Клавдію и Антоніи, дочери Тріумвира Марка Антонія и Октавіи? Можно думать, что нейрозъ перешелъ отъ отца, Августа, посредствомъ его сестры, Октавіи. Помѣшательство и его спутники нейрозы нерѣдко передаются только по одной отрасли семьи и пропускаютъ цѣлыя поколѣнія другихъ. Наиболѣе вѣскій аргументъ, что Друзъ былъ сынъ Августа, приводимый Dr Jacoby, это тотъ, что онъ былъ похожъ на Августа,—однако это не вполнѣ подтверждается. Если бы Августъ выказалъ желаніе, чтобы Друза считали за его роднаго, а не за пріемнаго сына, то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что Горацій [2]) не придавалъ бы такого сильнаго значенія его происхожденію отъ благородной росы Клавдія. Назначеніе Августомъ Тиверія своимъ наслѣдникомъ, а не Германика, сына Друза, указываетъ ясно, что императоръ не считалъ его своимъ сыномъ.

Dr Jacoby придаетъ значеніе слѣдующему разсказу о Друзѣ: однажды онъ увидѣлъ въ лѣсахъ Германіи женщину изъ пле-

---

[1]) Dr Paul Jacoby, Etudes sur la selection dans ses raports avec l'heréditè chez l'homme. 1884.

[2]) Carminum IV. 4. Inverses from 25 to 40 of this fine ode, Horace clearly takes for granled the descent of Tiberius and Drusus from the Claudii, giving the credit of their education to Augustus. Drusus was then in his twenty—third year.

мени варваровъ, имѣвшую нечеловѣческій видъ; она обратилась къ нему на латинскомъ языкѣ и запретила ему расширять свои побѣды далѣе. Очевидно, въ данномъ случаѣ должно предположить галлюцинацію слуха и зрѣнія. Друзъ былъ любимъ окружающими и отличался на войнѣ какъ храбрый воинъ; онъ умеръ 30 лѣтъ, вслѣдствіе паденія съ лошади.

Ю л і я.

Первыя проявленія нервнаго вырожденія въ семействѣ Августа выразились у его дочери Юліи, ребенка отъ первой жены Скрибоніи. Пока онъ хладнокровно удовлетворялъ свои прихоти, внося страхъ и насиліе въ семейства, лишая цѣломудрія свободныхъ дѣвушекъ и оскорбляя честь женъ гражданъ Рима, Августъ требовалъ, чтобы его собственная жена вела себя не иначе, какъ вели себя строгія матроны, подобно его сестрѣ Октавіи, его племянницѣ Антоніи, или высокомѣрной Ливіи, которая преклонялась только передъ нимъ. Когда же Августъ узналъ вполнѣ о неприличной распущенности своей родной дочери, то былъ пораженъ такимъ ужасомъ и гнѣвомъ, что сначала хотѣлъ казнить ее смертью, но, подумавъ, онъ сослалъ ее на островъ, гдѣ и продержалъ 5 лѣтъ въ заточеніи, не желая болѣе ее видѣть. Въ своей духовной онъ запретилъ хоронить ея остатки въ своемъ мавзолеѣ.

Мнѣніе Dr Jacoby о Юліѣ достойно вниманія. Была ли эта женщина сильныхъ страстей, какъ бы выразился романистъ? Сильныя страсти суть главная притягательная сила героевъ и героинь нѣкоторыхъ романовъ, но при этомъ нужно добавить, что нѣтъ болѣе поверхностныхъ наблюдателей, какъ романисты. Они создали воображаемую психологію, не имѣющую ничего общаго съ дѣйствительностью. Они представляютъ натуры, подобныя натуры Юліи, какъ натуры сильныя, энергичныя. Тогда какъ уже самое поверхностное наблюденіе, самый неточный анализъ, указываетъ обратное. Римляне были гораздо лучшими психологами.

Сильнымъ, рѣзкимъ и неудержимымъ страстямъ они давали наименованіе импотенціи, безсилія, потому что въ нихъ они видѣли не силу, а слабость нравственной личности человѣка, который не умѣетъ и не имѣетъ силы (impotens) противостоять своимъ страстямъ или своимъ желаніямъ. Дочь мірового владыки, переполненная гордостью, Юлія, первая принцесса Цезарей,

переходила отъ одного удовлетворенія своихъ страстей къ другому, покуда не потеряла всякую возможность себя обуздывать. Жажда, которую былъ въ состояніи сносить хладнокровный, осторожный узурпаторъ, была не по силамъ его дочери. Двое ея сыновей, рожденные отъ Агриппы, умерли рано, ея третій сынъ Agrippa Posthumus, былъ слабоумный. Такимъ образомъ тупоуміе появляется уже во второмъ поколѣніи Августа. Ея дочь Агриппина вступила въ бракъ съ Германикомъ и тѣмъ соединила эти двѣ вѣтви.

Тиверій.

Царствованіе Императора Тиверія было первой ступенью въ длинномъ ряду чрезмѣрнаго пользованія обширной властью, отданной въ руки правителей легіоновъ, поработившихъ цивилизованный міръ. Valleni Paterculus, близко знавшій Тиверія до проявленія имъ его жестокостей, оттолкнувшихъ отъ него людей, очень хвалитъ его всего болѣе за его сдержанность и его благочестіе, но этого писателя считали льстецомъ. Тацитъ, писавшій уже позднѣе того, когда имя Теверія стало ненавистнымъ, расточаетъ свое несравненное искусство въ анализѣ и раскрытіи характера тирана, съ явнымъ намѣреніемъ освѣтить неказистыя семейныя исторіи его пороковъ. Портретъ Тиверія, изображенный Свѣтоніемъ, при его склонности къ реальному, насколько похожъ на него, настолько же и мраченъ. Тацитъ не допускаетъ сильнаго вліянія среды и неограниченной власти на его испорченность. Тиверія обыкновенно описываютъ человѣкомъ безсердечнымъ, жестокимъ и распущеннымъ, но съ силой самовоздержанія. Кромѣ того, онъ до того проникнутъ былъ ложью, что предпочиталъ подпольныя дѣйствія даже въ то время, когда имѣлъ полную возможность преслѣдовать свои дѣла болѣе легкимъ способомъ, дѣйствуя открыто. Онъ былъ всѣмъ обязанъ расположенію своей деспотичной и хитрой матери Ливіи, женѣ Августа. Онъ воспитывался безъ всякой надежды на достиженіе престола. Въ обыденной жизни его находили пріятнымъ. Воспитанный подъ вліяніемъ Августа, онъ былъ храбръ на войнѣ, искуссенъ въ администраціи и ловкимъ въ краснорѣчіи. Августъ жаловался Ливіи на его ужасный характеръ, но, очевидно, цѣнилъ его способности. Вѣроятно, желая выдвинуть или приблизить такого способнаго государственнаго человѣка, его избрали третьимъ мужемъ Юліи, по смерти Агриппы.

Чтобы жениться на Юліѣ, извѣстной своимъ распутствомъ, Тиверій долженъ былъ оставить свою жену Випсанію, къ которой былъ привязанъ. Недовольный поведеніемъ Юліи, боясь и завидуя внукамъ императора, Тиверій, противъ желанія Августа, заручился его согласіемъ удалиться въ Rhoeles, гдѣ и прожилъ 7 лѣтъ. По Светонію, Тиверій проводилъ тамъ время въ философскомъ уединеніи; по Тациту же, онъ наслаждался тамъ секретными удовольствіями и обдумывалъ будущій планъ жестокаго мщенія.

Наслѣдники Августа—Марцелій, сынъ Октавіи, Кай и Люцій Цезарь, сыновья Агрипы и Юліи,—и меньшій братъ Тиверія—Друзъ Клавдій Неронъ, сынъ Ливіи,—всѣ поочередно умерли преждевременной смертью.

Вліяніе Ливіи на Августа выразилось въ предпочтеніи Тиверія Германику, сыну Друза, такъ что 56-ти лѣтъ онъ наслѣдовалъ императорскую власть, которую онъ усилилъ своей темной и хитрой политикой. Сынъ Ливіи, по Тиверію, Неронъ, происходитъ по отцу и матери изъ древняго славнаго рода Клавдіевъ, извѣстныхъ своими талантами и эксцентричностями, давшими имперіи много хорошаго и дурного [1]).

Первое девятилѣтіе царствованія Тиверія Римляне благоденствовали. Вліяніе абсолютнаго могущества на человѣка отъ природы мыслящаго и осторожнаго дѣствовало медленно.

По словамъ Тацита, на 15-мъ году своего царствованія Тиверій потерялъ мать. Тогда только онъ почувствовалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ стѣсненій,—съ этой поры и начался длинный рядъ ужасной тираніи въ размѣрахъ, еще невиданныхъ до тѣхъ поръ. Израсходовавши свою страстную потенцію безобразною жизнью, онъ старался возвратить себѣ молодость съ ея всевозможными средствами распущенностью. Упрекали историковъ за ихъ справедливый реализмъ, съ которымъ они передавали ужасныя эксцессы первыхъ цезарей; но, право, это описаніе имѣетъ свой интересъ. Гдѣ же въ другомъ мѣстѣ мы найдемъ подобные эксперименты, чтобы измѣрить границы возможнаго развращенія человѣческой природы? Гдѣ найдемъ такую безграничную власть надъ цивилизованнымъ міромъ,—такую массу безстыдства,—такое презрѣніе къ людскому мнѣнію, такъ мало страха передъ загробной жизнью? Если люди, подобные первымъ цезарямъ, были боготворимы, то сама религія должна

---

[1]) „Multa mutorum Claudiorum egregia merita, muta etiam secus admissa in rempublicam extant“.—Suetonius, Tiberius Nero, cap. II.

была быть въ союзѣ съ господствомъ силы, отрекшейся отъ всякаго состраданія и своей совѣсти. Не стоитъ тратить время на разрѣшеніе вопроса: былъ ли въ послѣдніе годы своей жизни Тиверій помѣшаннымъ или до крайности испорченнымъ? Иногда помѣшательство служитъ крайнимъ преувеличеніемъ испорченности.

„Never let man be bold enough to say,
Thus and no farther let my passions stray;
The first crime past compels us oh to more,
And guilt proves fate which was but choice before".

Тацитъ приводитъ нѣсколько примѣровъ закоренѣлой ненависти Тиверія къ людямъ, которые, конечно, выставляютъ его помѣшаннымъ: [1])

„На своемъ уединенномъ островѣ, Тиверій совершалъ низкія преступленія безъ всякой церемоніи и безъ угрызенія совѣсти. Онъ приказалъ одному человѣку, котораго онъ подозрѣвалъ въ смерти своего сына Друза, ожидать себя на островѣ Капріи: случилось, что въ это же время онъ пригласилъ къ себѣ туда же на прогулку своего пріятеля изъ Радоса. Пріятель пріѣхалъ первый и, какъ только вышелъ, былъ схваченъ и отведенъ на пытку. Тиверій, узнавъ объ этой ошибкѣ, только спокойно сказалъ „Такъ какъ вы начали свою работу имъ, то можете ее кончить и выпустить этого человѣка на свободу".

Свѣтоній разсказываетъ, что всѣхъ, приговоренныхъ къ смерти, отсылали въ Капрію и тамъ, послѣ долгихъ и ужасныхъ мученій, ихъ, въ глазахъ Тиверія, бросали въ море, гдѣ, при малѣйшемъ признакѣ жизни, на нихъ набрасывалась толпа матросовъ съ баграми и веслами. Не смотря на производимый терроръ, Тиверій не избавился отъ приговоровъ общественнаго мнѣнія. Назначенные къ казни осыпали его упреками, а въ театрѣ на мѣстахъ сидѣнія были разбрасываемы насквили. Артибанъ, король Партіанскій, написалъ ему письмо, укоряя его въ жестокостяхъ. По мнѣнію Тацита и Свѣтонія, Тиверій получилъ отвращеніе къ жизни и страдалъ укорами совѣсти. Тиверій мало вѣрилъ въ религію, онъ предался астрологіи и былъ увѣренъ, что все управляется судьбой. Въ смерти онъ видѣлъ конецъ существованія и жизнью онъ пользовался, чтобы продлить мученія своихъ жертвъ.

Калигула.

Калигула является еще болѣе яркимъ образцомъ абсолютизма власти, бросившаго міру въ глаза безуміе и звѣрство

[1]) Murphy's „Tacitus, Annals", Book v. c. 41, vol. II. p. 307.

болѣзненнаго интеллекта. Всѣ описанія Светонія Калигулы указываютъ на его помѣшателство. Сынъ Германика и Агрипины, отверженный правнукъ Августа, со стороны Друза и Юліи, онъ сдѣлался императоромъ 25-ти лѣтъ отъ роду. Онъ былъ высокаго роста, блѣдный, крѣпкаго тѣлосложенія, съ длинной шеей и тонкими ногами.

Изучая передъ зеркаломъ различные пріемы, чтобы придать своей физіономіи ужасающій видъ, онъ тѣмъ усилилъ производимое имъ отъ природы отталкивающее впечатлѣніе. Светоній.[1]) ясно говоритъ намъ, что

„онъ никогда не былъ здоровъ ни тѣломъ, ни душей. Мальчикомъ онъ страдалъ эпилепсіей; достигнувъ возмужалости, хотя и былъ въ состояніи переносить нѣкоторое напряженіе, однако иногда съ нимъ случались внезапные обмороки, при чемъ онъ еле двигался, еле стоялъ и еле могъ придти въ себя. Онъ самъ сознавалъ свое душевное разстройство и намѣревался удалиться отъ дѣлъ, чтобы излечить свой мозгъ. Онъ былъ увѣренъ, что его жена Caesonia опоила его любовнымъ напиткомъ, приводящимъ его въ бѣшенство. Онъ страдалъ безсонницей, ночью спалъ не болѣе трехъ часовъ, при чемъ и въ это время еще просыпался, тревожимый странными видѣніями. Между прочимъ, ему казалось, что къ нему приходилъ океанъ и разговаривалъ съ нимъ; такимъ образомъ почти всю ночь онъ просиживалъ за столомъ, или бродилъ по громаднымъ галлереямъ дворца, ожидая приближенія дня. Къ этой душевной болѣзни можно прибавить двѣ аномаліи обратнаго характера—большое довѣріе и чрезмѣрную скромность“.

Онъ любилъ говорить въ публикѣ и умѣлъ подбирать выраженія, особенно сатирическія. Однажды, подводя жертву къ алтарю, онъ поднялъ молотъ и подъ аффектомъ безумія, ударилъ имъ человѣка, несшаго жертвенный ножъ. Другой разъ на празднествѣ, возлежа между двухъ консуловъ, онъ разразился громкимъ хохотомъ. Когда они удивленно спросили его, что съ нимъ такое, онъ отвѣчалъ „однимъ кивкомъ головы я бы могъ сдѣлать то, что который нибудь изъ васъ былъ бы немедленно удавленъ“. Такимъ же способомъ Неронъ, гордившійся произведенными имъ ужасами, выразился, что ни одинъ деспотъ до него такъ не сознавалъ всей силы своей злости.

Таково обыкновенно вліяніе могущества на слабый разсудокъ; подобно ребенку съ топоромъ въ рукахъ, который все рубитъ кругомъ себя, онъ не доволенъ только тѣмъ, что держитъ топоръ, а долженъ еще пустить его въ дѣло. Онъ ищетъ случая доказать свою власть, онъ скорѣе постарается возбудить сопротивленіе, чѣмъ удержаться отъ безполезнаго хвастовства.

---

[1]) „Caius Caligula“, cap. XI.

Если онъ имѣетъ возможность выказать всю полноту своей власти, онъ будетъ стремиться превысить ее и возненавидитъ людей, препятствующихъ ему въ этомъ. Въ исторіяхъ Рима достаточно описаны жестокости и сумасбродства, четырехълѣтняго царствованія Калигулы. Послѣдующій типъ представлялъ собою болѣе слабую форму помѣшательства.

Клавдій.

Никогда не было сомнѣнія въ слабоуміи Клавдія, сына Друза и брата Германика, котораго легіонеры сдѣлали императоромъ только потому, чтобы не реставрировать республику. Его мать, Антонія, выразилась. что ея сынъ былъ только начатъ природой, но не оконченъ. Свѣтоній сохранилъ нѣсколько писемъ Августа къ Ливіи, въ которыхъ они разсуждаютъ. какимъ образомъ могли бы они своего внука, Клавдія, надѣлить почестями безъ того, чтобы онъ не сталъ посмѣшищемъ. Тотъ же историкъ [1]) говоритъ намъ, что онъ былъ высокаго роста и имѣлъ пріятную фигуру, что придавало ему величавость, когда онъ ходилъ или сидѣлъ, особенно же въ спокойномъ состояніи. Его походка была колеблющаяся, отъ слабости въ колѣнахъ. Его смѣхъ былъ очень странный. Если онъ сердился, то съ пѣной у рта; онъ скрипѣлъ зубами, запинался и, когда чѣмъ либо былъ занятъ, трясъ головой. Подобные симптомы первнаго разстройства нерѣдко бываютъ у слабоумныхъ.

Клавдій былъ слабъ, скроменъ, довѣрчивъ и, подъ вліяніемъ строгаго педагога, выучился декламаціи, прошелъ хорошую Греческую школу и написалъ довольно длинный разсказъ. Во многихъ случаяхъ сомнѣвающійся въ своихъ силахъ, Клавдій самъ не считалъ себя неспособнымъ, и, дѣйствительно, какъ это нерѣдко случается съ помѣшанными, иногда къ его наивности примѣшивалось лукавство. Онъ страстно любилъ слушать тяжебныя дѣла и очень склонялъ оправдывать присутствующую сторону, не разузнавъ причины отсутствія другой стороны. Однажды онъ высказалъ свое мнѣніе, написавъ, „что онъ былъ на сторонѣ тѣхъ, которые говорили правду“. Адвокаты эксплоатировали его наивность: если онъ уходилъ изъ

[1]) Suetonius, Claudius, CXXX. Juvenal mentions his shaking head and dribbling lips:

„Ille senis tremulumque caput descendere jussit
In coelum et longa manantia labra saliva“.

Satira VI., l. 622.

суда, то они приглашали его обратно и даже силой удерживали его. Одинъ тяжущійся, обманутый въ своихъ надеждахъ, назвалъ его въ глаза старымъ глупцомъ. Человѣкъ, неправильно обвиненный, бросилъ ему въ лице стилетъ и книги. Однажды, слушая дѣла въ судѣ, онъ почувствовалъ запахъ кушанья, приготовляемаго для обѣда въ храмѣ Марса; онъ оставилъ залу суда и вмѣстѣ съ священниками отправился на пиршество. И тѣ способности, которыми былъ надѣленъ отъ природы, онъ потерялъ въ пьянствѣ. По капризу солдатъ, онъ сдѣлался императоромъ пятидесяти лѣтъ отъ роду. Говорятъ, что отъ природы онъ былъ жестокъ. Всего вѣроятнѣе, что въ ранней молодости онъ развилъ жажду къ крови на играхъ гладіаторовъ, при чемъ извѣстно, что онъ любилъ всматриваться въ лица умирающихъ. Въ Тибурѣ ему пришло желаніе присутствовать при казни нѣсколькихъ преступниковъ, при этомъ онъ прождалъ палача, вызваннаго для этой цѣли изъ Рима, до глубокой ночи.

Светоній говоритъ, что, подъ вліяніемъ страха, Клавдія можно было заставить сдѣлать положительно все. Въ одномъ случаѣ, нѣкто судившійся сказалъ императору, что видѣлъ его во снѣ убитымъ кѣмъ то. Спустя короткое время, когда явился противникъ его по разбираемому дѣлу, то онъ призналъ въ немъ убійцу Клавдія, видѣннаго во снѣ, послѣ чего слабый императоръ приказалъ своего мнимаго убійцу казнить. Говорятъ, что Мессалина и Нарцисъ пускали въ ходъ точно такія же продѣлки, дабы уничтожить Аппія Силануса. Предварительно условившись, Нарцисъ однажды рано по утру вбѣжалъ въ спальню Императора и разсказалъ, что онъ видѣлъ во снѣ, какъ Аппій пытался убить императора; Мессалина, выказавъ удивленіе, разсказывала, въ свою очередь, что ей самой снилось это уже нѣсколько ночей подрядъ. Въ это же время они посылали къ Аппію съ приглашеніемъ прійти къ нимъ, а затѣмъ докладывали императору, что Аппій безъ нужды былъ во дворцѣ. Полагая, что сонъ идетъ въ руку, Клавдій приказалъ немедленно казнить Аппія. На слѣдующій день Клавдій разсказывалъ все это въ сенатѣ и благодарилъ своего вольноотпущеннаго Нарциса за то, что тотъ защищалъ его даже во время своего сна.

Мессалина.

При восшествіи на престолъ Клавдія, возникалъ вопросъ: кто будетъ руководителемъ слабаго императора — его отпу-

щенники или жены? Но такъ какъ онъ не раздѣлялъ извращенныхъ вкусовъ цезарей — предшественниковъ, то предпочелъ женщинъ. Здѣсь мы рѣшаемся остановиться надъ вопросомъ—какое вліяніе на разумъ имѣла абсолютная власть, попавшая въ руки двухъ императрицъ, которые безпредѣльно распоряжались властью, номинально принадлежавшею слабоумному Клавдію. Важнѣйшее украшеніе чести женщинъ есть цѣломудріе, какъ для мужчины храбрость.

Поэтому можно предположить, что жена императора будетъ заботливо поддерживать свою власть своею супружескою вѣрностью и стараться хотя въ этомъ удовлетворить надежды мужчинъ и бояться потерять хорошее о себѣ мнѣніе другихъ женщинъ.

Однако этого никакъ нельзя сказать о Мессалинѣ. Она предавалась такимъ эксцессамъ, судя по описаніямъ ювеналовъ и проч., которые переступаютъ границы всего, что могло бы быть продѣлано самыми развращенными мужчинами даже того развращеннаго времени. Негодованіе ея слабоумнаго мужа пробудилось только въ тотъ день, когда она открыто праздновала свою свадьбу съ своимъ любовникомъ. Послѣ ея трагической смерти, Клавдій или, скорѣе, его вольноотпущенный, рѣшилъ, что императоръ не женится болѣе, но званіе жены императора было слишкомъ привлекательно для женскаго самолюбія и это званіе было получено Агриппиной.

Агриппина.

Эта женщина, вышедшая замужъ 13-ти лѣтъ отъ роду за Домиція, сдѣлалась матерью Нерона послѣ девяти лѣтъ своего замужества. Она принимала участіе въ оргіяхъ своего брата Калигулы и отводила ему пай въ длинномъ ряду своихъ любовниковъ. Она была обвиняема въ отравленіи своего втораго мужа Криспа. Послѣ смерти Мессалины, пользуясь привилегіями племянницы, она раздражала чувственность слабоумнаго Клавдія и вышла за него замужъ, съ цѣлью управлять міромъ. Она скоро достигла казни всѣхъ своихъ соперницъ предъ Клавдіемъ. Чтобы быть увѣренной въ смерти одной изъ нихъ, Агриппина приказала принести къ себѣ ея отрѣзанную голову и своими пальцами открыла ротъ умершей, чтобы по нѣкоторымъ признакамъ ея зубовъ увѣриться, что это дѣйствительно была голова Лолегіи. Она достигла до присвоенія себѣ ранга Августа и сидѣла вмѣстѣ съ Клав-

діемъ при пріемѣ пословъ. Предъ подобной-то, достойной другъ друга парочкой—слабоумнымъ Клавдіемъ и его племянницей, фигурировавшей въ роскошнѣйшихъ одеждахъ,—долженъ былъ искупить свою падменность Британскій герой Карактакъ, отказавшійся раздѣлить рабство цивилизованнаго міра. Жадная къ золоту, Агриппина продавала мѣста и власть, а также предавала казни богатыхъ людей, съ цѣлью завладѣть ихъ имѣніемъ. Она уговорила своего наивнаго соучастника сдѣлать ея сына Нерона своимъ наслѣдникомъ, вмѣсто старшаго сына Бретаника, родившагося отъ брака съ Мессалиной. Такъ какъ Клавдій выказалъ на этотъ счетъ упрямство, то она отравила стараго безумца и потомъ причислила его къ лику боговъ. Британникъ страдалъ эпилепсіей и впослѣдствіи былъ отравленъ Нероном.

Неронъ.

Неронъ наслѣдовалъ какъ отъ отца [1]) такъ и отъ матери, фамильную наклонность къ страданію нервной системы съ переходомъ частью въ помѣшательство, частью въ эпилепсію,—подъ вліяніемъ же условій личнаго существованія и данной обстановки, у него развилась крайне грязно-чувственная сторона и поразительная жестокость. Domitius Ahenobarbus выразился такъ, что не будь онъ отцомъ Нерона, онъ былъ бы худшимъ изъ людей того времени. Светоній разсказываетъ, что когда Domitius'a поздравляли съ рожденіемъ Нерона, то онъ отвѣчалъ: „Отъ меня и отъ Агриппины можетъ произойти только самое отвратительное и вредное для людей исчадіе".

Domitius, какъ человѣкъ наблюдательный и опытный, вѣроятно, принялъ во вниманіе состояніе какъ своихъ собственныхъ предковъ, такъ и предковъ Агриппины. Съ такимъ предыдущимъ можно было ожидать, что Неронъ превзойдетъ своего отца. Первые годы царствованія Нерона были лучшими годами изъ всѣхъ царствованій Императоровъ. Потребовалось четыре года безграничной власти, низкаго раболѣпства прислужниковъ и льстецовъ, чтобы осилить хорошее вліяніе наставниковъ Нерона. и раздуть пламя жестокости, каприза,

---

[1]) The father of Nero, Cneius Domitius Ahenobarbus, was the grandson of Octavia, the sister of Augustus, through her daughter, the elder Antonia. Agrippina, the mother of Nero, was the daughter of Germanicus, the son of Drusus, by Antonia the younger sister. Agrippina was the sister of Caligula.

чувственности, которыя и сдѣлали имя Нерона такимъ ужаснымъ въ исторіи.

Неронъ отъ перваго брака имѣлъ дочь, умершую 4-хъ мѣсяцевъ отъ роду. Декретомъ сената она была причислена къ богамъ. Были найдены медали съ выбитыми на нихъ словами. „Diva Claudia Neronis Filia“,—„святая Клавдія, дочь Нерона“. Неронъ былъ послѣдній изъ династіи цезарей. Только по женской линіи осталось еще нѣсколько потомковъ рода Августа. Неронъ сдѣлалъ всѣ возможныя усилія, чтобы прекратить этотъ родъ, такъ какъ онъ казнилъ девять потомковъ Августа. Прибавивъ къ казненнымъ Нероном еще казненныхъ Тиверіемъ, Калигулой, Клавдіемъ, его женами и проч. выйдетъ что 24 человѣка изъ рода Августа умерли насильственной смертью, изъ которыхъ одинадцать были женщины. Слѣдующая линія правителей Рима происходила отъ Флавія и покончилась Домаціаномъ тираномъ и развратникомъ, достойнымъ стоять на ряду съ Калигулой, Нероном и Вителіемъ.

Маркъ-Аврелій.

Послѣдовавшій цѣлый рядъ на Римскомъ престолѣ достойныхъ императоровъ, въ теченіи цѣлыхъ 80 лѣтъ, служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ опроверженія того положенія, что абсолютная власть въ рукахъ людей достойныхъ и благоразумныхъ не представляетъ собою чрезъ мѣру опьяняющій напитокъ, никѣмъ невыносимый. Этотъ золотой періодъ начался воцареніемъ Нервы и окончился Маркомъ-Авреліемъ, лучшимъ изъ всѣхъ. Его царствованіе было вѣкомъ философіи; нѣкоторое время, благодаря ему, міръ былъ управляемъ лучшимъ и величайшимъ человѣкомъ того времени [1]). Переходъ власти отъ отца къ сыну, отъ Марка-Аврелія къ Коммоду, былъ ужасенъ тѣмъ, что императоръ въ своей отцовской любви не замѣчалъ пороковъ молодаго дикаря, котораго онъ могъ бы поставить въ болѣе подходящее его инстинктамъ положеніе. Это-то и послужило поводомъ къ обвиненію императора въ слѣпомъ отношеніи къ порокамъ сына. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что всѣ, кто былъ очевидцемъ, какъ Коммодъ казнилъ несчастныхъ заключенныхъ на аренѣ, припомнили при этомъ легкое поведеніе его матери, Фостины, и что у нихъ зародилось подозрѣніе въ томъ, что Коммодъ былъ сыномъ гладіатора, но не сыномъ Императора— философа.

[1]) Renan „Marc-Aurale“.

Но Ренанъ завѣряетъ, что всѣ данныя подтверждаютъ сходство Коммода съ Маркомъ-Авреліемъ. Это же подтверждаетъ и Франто, другъ императора, говоря въ своихъ замѣткахъ, что близнецы, Коммодъ и Антоній, имѣли поразительное сходство съ своимъ отцомъ.

Коммодъ.

Гиббонъ замѣчаетъ, что изъ всѣхъ Римскихъ императоровъ, Коммодъ былъ первый порфирородный, рожденный съ восшествіемъ на престолъ своего отца. Онъ былъ воспитанъ заботливо. До сихъ поръ извѣстны имена профессоровъ философіи, у которыхъ его, рыкающаго и показывающаго свои ужасные зубы, молодого львенка, заставляли учиться. По-видимому, единственный эфектъ всѣхъ ихъ принциповъ выразился въ извѣстнаго рода антипатіи ко всему, чему они его учили, и въ стремленіи поступать обратно. Съ ранняго дѣтства, говоритъ Lampridius [1]), онъ былъ низокъ, жестокъ, сладострастенъ, наклоненъ къ противуестественнымъ желаніямъ и развращалъ своихъ товарищей. 12 лѣтъ онъ пожелалъ бросить въ большую печь раба за то, что тотъ сдѣлалъ ему слишкомъ теплую ванну. Xiphilinus [2]), на оборотъ, говоритъ, что Коммодъ не былъ злобенъ, но наивенъ и легко поддавался вліянію другихъ. Онъ сопутствовалъ своему отцу въ войнѣ и рѣзня варваровъ за Дунаемъ, безъ сомнѣнія, воспитала въ немъ жажду къ крови. Если онъ не могъ воспринять ученія стоиковъ, то за то научился успѣшно владѣть лукомъ и копьемъ. Пятнадцати лѣтъ онъ вступилъ въ императорскій совѣтъ, а 19 лѣтъ онъ сдѣлался императоромъ и оставилъ лагерь, чтобы возвратиться въ Римъ.

Первыя два—три года своего царствованія, казалось, онъ поддавался совѣтникамъ своего отца, чтобы поддержать хорошее управленіе имперіей. Самъ по себѣ онъ былъ совершенно неспособенъ управлять громадной Римской имперіей; онъ даже не любилъ подписывать свое имя. Многія изъ его писемъ состоятъ изъ одного только слова Vale. Такъ какъ онъ все болѣе и болѣе предавался сладострастію и жестокостямъ, то управленіе страной перешло въ руки сообщниковъ его удо-

---

[1]) „Historiae Augustae“, Biponti, 1787, Commodus. Antonius, chaps, I and IX. „Collection des Auteurs Latins, avec la Traduction français de M. Nisard“.

[2]) „Habuit praeterea morem ut omnia quae turpiter, quae impure, quae crudeliter, quae gladitorie, quae lenonice faceret, actis urbis indi juberet“.— Lampridius, XV.

вольствій. Его фавориты посылали управлять провинціями людей безчестныхъ и торговали жизнью людей. Онъ содержалъ 300 наложницъ и столько-же мальчиковъ. Его гаремъ раздѣляли съ нимъ его фавориты; онъ былъ обжора и пьяница. Онъ бралъ ванну семь или восемь разъ въ день и даже иногда принималъ пищу въ ваннѣ. Насколько небрежно онъ относился къ слову исторіи служитъ указаніемъ то, что онъ открыто производилъ свои жестокости и безстыдства, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе публики.

Его продѣлки на аренѣ, охота за дикими звѣрями и его казнь гладіаторовъ слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы ихъ еще описывать. Участники его оргій часто бывали жертвами его кровожадности; онъ, ради своего удовольствія, пускалъ людямъ кровь хирургическимъ ланцетомъ. Общественное проявленіе своей власти у него было просто проявленіемъ дѣйствій помѣшаннаго. Иногда онъ присваивалъ себѣ имя Геркулеса, иногда же называлъ себя именемъ прославленнаго гладіатора. Онъ предъявлялъ желаніе измѣнить названіе мѣсяцевъ и Римъ не называть Римомъ а Colonia Commodiana, (коммодійская колонія). Таковъ былъ сынъ Марка—Аврелія. Онъ былъ просто человѣкъ низшаго развитія, сангвиническаго темперамента, крѣпкаго тѣлосложенія, сильно страстный и съ наклонностями дикаго звѣря къ убійству и крови. Подъ вліяніемъ безграничнаго подстрекательства и потворства, его порывы дошли до помѣшательства. Трудно себѣ представить, даже если бы его держали подъ страхомъ наказанія, какое положеніе въ свѣтѣ могъ бы занять Коммодъ. Онъ едва могъ быть рабомъ; а неосмотрительность людей сдѣлала его императоромъ. Привыкли считать, что распаденіе Римской имперіи началась съ этого царствованія, но имперія, которая могла выносить такого человѣка своимъ повелителемъ 13 лѣтъ, уже носила въ себѣ слѣды разрушенія. Коммодъ погибъ отъ руки конспираторовъ; случилось явленіе, бывающее всегда въ этихъ случаяхъ: народъ радовался своему избавленію, а убійца, освободившій ихъ, былъ казненъ.

Геліогабалъ.

Еще сильнѣйшая дегенерація человѣческой природы должна была проявиться въ рабскомъ подчиненіи Римлянъ мальчику 14 лѣтъ, который, не имѣя силы управлять имперіей, отдалъ все благосостояніе и великія силы Рима на удовлетвореніе прихотямъ сладострастія.

„Можетъ показаться вѣроятнымъ, говоритъ Гиббонъ, что пороки и безумства Геліогабала были разукрашены фантазіей и очернены предубѣжденіемъ. Но, ограничиваясь публичными сценами, разыгранными передъ Римлянами и подтвержденными серьезными историками того времени, мы видимъ ясно, что эти сцены, по своей невыразимой гнусности, превосходили все, что только могло быть гдѣ либо и когда либо. Распущенность восточнаго деспота сокрыта отъ любопытныхъ глазъ непроницаемыми стѣнами его сераля. Чувство чести и порядочности ввели утонченность въ удовольствія, извѣстную скромность, уваженіе къ мнѣнію публики, при современныхъ Европейскихъ дворахъ; но испорченные и богатые патриціи Рима вознаграждали всякій порокъ. Увѣренные въ безнаказанности, беззаботные къ порицанію, они жили безъ удержу въ обществѣ своихъ терпѣливыхъ и покорныхъ рабовъ и паразитовъ. Императоръ, въ свою очередь, съ презрительнымъ хладнокровіемъ относился къ дѣянію своихъ подданныхъ и пользовался преимуществомъ своего положенія для удовлетворенія своего сладострастія и любви къ роскоши".

Престолъ императора былъ переданъ легіонерами Геліогабалу, потому что считали его сыномъ Тирана Каракалы. Безразлично и безповоротно отдаваясь своимъ гнуснымъ страстямъ, онъ не думалъ о будущемъ днѣ и о своемъ послѣднемъ днѣ.

Lampridius разсказываетъ, что онъ приготовилъ серебряныя веревки, чтобы ими удавиться,—золотую саблю, чтобы заколоть себя, и ароматическій настой ядовитыхъ спецій; кромѣ того приказалъ выстроить высокую башню, внутренность которой была разукрашена картинами, золотомъ и драгоцѣнными камнями, съ цѣлью броситься съ этой башни, говоря, что даже его смерть должна дорого стоить. Много еще можно бы было говорить о поражающихъ поступкахъ Римскихъ повелителей,—но великіе историки древняго и новаго времени слишкомъ исчерпали этотъ предметъ.

Можно сказать о самыхъ распущенныхъ Римскихъ императорахъ, что ихъ эксцессы распространялись обыкновенно на ихъ приближенныхъ. Ихъ капризы походили на капризы переросшихъ дѣтей, увѣренныхъ, что они могутъ продѣлывать все, что только захотятъ. И дѣйствительно, большая часть изъ нихъ были блудливые юноши, воспитанные подъ вліяніемъ растлѣвающаго могущества власти, Калигула былъ 25 лѣтъ, когда онъ сдѣлался императоромъ; Caracalla 23-хъ, Коммодъ 19-ти, Неронъ 17-ти, Геліогабалъ 14-ти,—Доминціанъ же 30-ти и Максиминъ 62-хъ. При этихъ деспотахъ правленіе страдало главнымъ образомъ вслѣдствіе ихъ нерадѣнія. Во время ихъ короткаго царствованія, власть была въ рукахъ низшихъ дѣятелей, которые еще до нѣкоторой степени удержали способъ правленія старыхъ Римлянъ.

Магометъ Тохлакъ Султанъ Индіи.

Генеологія Магомета не можетъ быть выведена изъ далека. По словамъ Фериштa его отецъ Gleïas u dein Toghlak былъ порожденію турецкій рабъ; его мать Iat простая женщина. Изъ солдата пѣхотинца онъ возвысился до степени правителя Деобальпура (въ Пенджабѣ). Его сынъ, Магометъ Juna, какъ его называли, былъ начальникомъ императорскихъ конюшенъ Дельхи, когда Кузру-ханъ былъ султаномъ. Однажды Juna бѣжалъ съ сыномъ Кихлу-хана, правителя Мултанскаго, чтобы присоединиться къ бунтовщикамъ противъ своего властелина, который былъ разбитъ и бѣжалъ, а предводители инсургентовъ вошли въ королевскій дворецъ Дельхи. Gleias u dein Toghlak сказалъ Кихлухану „ты долженъ быть Султаномъ“.

„Скорѣе ты долженъ быть“ отвѣчалъ ему Кихлуханъ. Такъ они спорили до тѣхъ поръ, пока Кихлуханъ не сказалъ Тохлаку: „если ужъ ты отказываешься быть Султаномъ, то твой сынъ будетъ государемъ“. Тохлакъ, не желая этого, принялъ престолъ самъ. Сверженный монархъ, Кузруханъ, задержанный въ мѣстѣ своего заточенія, былъ выведенъ изъ него и отведенъ къ новому Султану Iuna и тамъ казненъ. Его голова и туловище были сброшены съ террасы также точно, какъ Кузруханъ продѣлалъ это съ головой своего предшественника, и власть спокойно перешла въ руки Gleias u dein Toghlak, который скоро достигъ того, что его считали справедливымъ и добродѣтельнымъ правителемъ. Его жена была признана милостивою и доброю госпожою. Ихъ сынъ Юна, который съ самаго начала играетъ такую видную роль, былъ посланъ своимъ отцемъ въ военную экспедицію противъ Hindu rajahs of the Deccan'a. По словамъ Батута, Gleias u din имѣлъ причины сомнѣваться въ вѣрности своего сына. Можетъ быть, желая остаться во главѣ арміи, султанъ снарядилъ экспедицію въ Бенгалію, оставляя своего сына вице-королемъ Дельхи.

Юна накупилъ массу рабовъ, роздалъ великолѣпныя подарки и совѣтовался съ астрологами относительно своей будущей судьбы. Въ день возвращенія съ арміей отца, онъ вы-

шелъ ему на встрѣчу. Для этой встрѣчи онъ приказалъ выстроить въ его честь большую деревянную постройку или павильонъ. Батута, слышавшій этотъ разсказъ отъ очевидцевъ, говоритъ, что это зданіе было такъ построено, что, какъ только слоны вступятъ на извѣстное мѣсто, оно должно было рушиться. Какъ бы-то ни было, но кіоскъ внезапно обрушился на султана и на его любимаго сына. Юна послалъ за заступами и лопатами, чтобы отрыть отца, но, отдавая это приказаніе, онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы люди не торопились и нужныя орудія для раскопки были принесены только послѣ заката солнца.

При раскопкѣ султана нашли лежащимъ на трупѣ своего сына. Существовалъ слухъ, что онъ даже не былъ совсѣмъ мертвъ, но его нужно было отправить на тотъ свѣтъ, а потому его и похоронили въ эту же ночь. Батута, повидимому вполнѣ довѣряющій этому разсказу, говоритъ, что Chwaja Jehan, строитель этого зданія, своей постройкой сдѣлавшій тронъ свободнымъ, пользовался наибольшимъ довѣріемъ у наслѣдника престола, чѣмъ кто-либо и когда либо. Въ то-же самое время онъ безъ сомнѣнія былъ полезный и вѣрный визирь у Юны, который теперь (1325 г.) сдѣлался султаномъ подъ именемъ Mohammed Shah Toghlak. Въ день его воцаренія ему было по крайней мѣрѣ 30 лѣтъ отъ роду. Самое полное описаніе этого монарха можно найти въ путешествіяхъ Батуты [1]), уроженца Tangiers'a, который началъ свое путешествіе спустя 30 лѣтъ послѣ возвращенія изъ Италіи великаго путешественника Marco Polo. Онъ посѣтилъ Египетъ, Аравію, Сирію, среднюю Азію, сѣверную Россію, Бухару, Константинополь, Персію, Карасанъ и Кабулъ. Въ 1333 году онъ вошелъ въ Индію, гдѣ и оставался около 10 лѣтъ. Это было во время Эдуарда III-го и Филиппа Валуа, когда Петрарка и Боккачіо достигли своей славы, а Chaucer и Froissart были еще дѣтьми.

Магометъ Тохланъ принялъ Батуту съ великими почестями, осыпалъ его богатыми дарами и нѣсколько разъ уплачивалъ его долги. Онъ сдѣлалъ его судьей въ Дельхи и далъ ему большое вознагражденіе, а такъ какъ путешественникъ не зналъ языковъ, то онъ представилъ къ нему двухъ намѣстниковъ. Батута часто видался съ Тохлакомъ; такъ какъ Ба-

[1]) „Societé Asiatique. Voyages de Ibn Batoutah, Texte Arabe, accompagnè d'une Traduction par C. Defremery et le Dr. B. R. Sanguinetti".

тута описывалъ свои путешествія по возвращеніи своемъ на родину въ Морокко, то онъ не имѣлъ причинъ описывать ихъ ложно. Хотя удивительные факты, разсказанные имъ въ его описаніи, и вызываютъ сомнѣніе, но самыя невѣроятныя части въ его разсказѣ подтверждены индійскими историками, пользовавшимися разнообразными источниками. Великій восточный путешественникъ далъ намъ живой портретъ индійскаго монарха.

По его словахъ Тохлакъ всего больше любилъ осыпать своими дарами и проливать кровь. У его воротъ всегда можно было видѣть нищаго, сдѣлавшагося богачемъ и трупъ казненнаго человѣка. Его щедрость, храбрость и проявленіе насилія и жестокости къ виновнымъ сдѣлали его имя извѣстнымъ въ народѣ. Не смотря на все это, онъ былъ самый кроткій и самый справедливый изъ людей. Онъ былъ очень строгъ относительно религіозныхъ обрядовъ, которые совершались при его дворѣ, и слѣдилъ за ихъ точнымъ исполненіемъ. Онъ въ одинъ день казнилъ девятерыхъ за небрежное отношеніе къ обычнымъ молитвамъ. Сосѣднія страны, какъ Корасанъ и Персія, были полны анекдотами объ этомъ правителѣ и его щедрости къ иностранцамъ.

Фериштa, магометанскій историкъ Индіи[1]), писавшій 260 лѣтъ позднѣе, говоритъ, что Тохлакъ былъ самый краснорѣчивый и образованный правитель того времени, что онъ самъ написалъ нѣсколько хорошихъ стиховъ по персидски и былъ патрономъ всѣхъ ученыхъ. Его письма, какъ по арабски, такъ и по персидски, краснорѣчивы, изящны и разумны, такъ что ученые люди позднѣйшаго времени читали ихъ съ увлеченіемъ. По словамъ Батута, Тохлакъ, хотя и весьма порядочно понималъ арабскій языкъ, но все таки не могъ на немъ хорошо объясняться; поэтому очень вѣроятно, что онъ прибѣгалъ къ помощи своихъ приближенныхъ арабовъ. Онъ любилъ исторію и обладалъ такою памятью, что, прочтя одинъ разъ, усваивалъ не только факты, но и время ихъ событія; физика, логика, астрономія и математика были ему хорошо знакомы. Онъ удачно распознавалъ характеры людей въ короткое время, и его подозрѣніе выражалось рѣзко и было опасно; онъ доходилъ до того, что самъ ухаживалъ за больными, страдающими какимъ либо замѣчательнымъ недугомъ. Онъ изу-

---

[1]) „History of the Rise of the Mahomedan Power in India till the Year A. D. 1612“.

чалъ философію греческихъ схоластиковъ и, по восшествіи на престолъ, поддерживалъ споры съ извѣстными учеными того времени; дары, которыми онъ надѣлялъ этихъ низкопоклонныхъ литераторовъ, превосходятъ вѣроятіе. Батута разсказывалъ, что однажды на большомъ выходѣ въ Дельхи, султанъ приказалъ бросить золото и серебро со спинъ слоновъ прямо въ толпу, этому разсказу мало кто повѣрилъ.

Эти факты подтверждаются подобными же, полученными отъ современника Магомета Тохлака, историка Ziai din Burny [1]). Извѣстно, что султанъ не потворствовалъ невоздержныхъ удовольствій и подавалъ примѣръ своей собственной строгой жизнью. Ничто не указываетъ, чтобы султанъ любилъ общество женщинъ,—изъ всего, что мы знаемъ, скорѣе было обратное явленіе. Но, ревниво сокрытый гаремъ не даетъ возможности проникнуть въ частную жизнь восточнаго монарха тѣмъ болѣе, что у магометанъ считается неприличнымъ говорить о женщинахъ семьи. Умирая, Тохлакъ оставилъ одного сына—ребенка, которому, старый визирь, Khwaja Jehan, желалъ передать престолъ, и на котораго племянникъ покойнаго султана смотрѣлъ какъ на подложнаго.

По словамъ Батуты, на пиршествахъ султана подавались опьяняющіе напитки; но если бы Тохлакъ предавался пьянству, или даже если бы только было извѣстно, что онъ пилъ вино, то, конечно, мусульманскіе историки раздули бы это не въ его пользу.

И такъ, по всему этому Магометъ Тохлакъ былъ человѣкъ характера глубокаго и сильнаго, образованный, внимательный къ дѣламъ, твердый, храбрый и энергичный, любившій науку, хотя онъ и былъ воспитанъ въ лагерѣ, способный на войнѣ, любившій общество ученыхъ, прилежно изучившій исторію, даже послѣ достиженія престола, неустанно съ любопытствомъ увлекавшійся всѣми тайнами человѣческой души и уносившійся въ своихъ мечтахъ въ заоблачную жизнь. Однако истины ежедневныхъ молитвъ, что жизнь коротка и что Богъ есть Судья всѣхъ, кажется, мало удерживали его отъ дурныхъ поступковъ. Какъ замѣчаетъ Mountstuart Elphinstone [3]). „Всѣ

---

[1]) „The History of Hindostan Translated from the Persian“, byc tlexander Dow, London, 1812, vol. I, p. 280.

[2]) Mountsluard Elphinstone, The history of Inclia. The Hinelu and Mahometan periods. 1857, p. 347.

его прекрасные таланты и совершенства вполнѣ терялись предъ странными сужденіями и поступками, проявляемыми подъ вліяніемъ безграничной власти, почему является подозрѣніе въ существованіи у него задатковъ помѣшательства. Вся жизнь его была одно преслѣдованіе химерическихъ проэктовъ путемъ вполнѣ нераціональнымъ, при чемъ онъ не обращалъ никакого вниманія на то, что этими своими дѣйствіями онъ заставлялъ страдать своихъ подданныхъ.

Феришта говоритъ: „человѣкъ этотъ, устроившій госпитали для больныхъ и пріюты для вдовъ и сиротъ, и все это на самыхъ либеральныхъ началахъ, въ тоже время былъ безъ всякаго милосердія. Человѣческая кровь для него была слишкомъ ничтожной цѣны; онъ предавалъ людей смертной казни за столь ничтожные проступки, что можно было подумать, не стремится ли онъ истребить весь родъ человѣческій. Не проходило недѣли безъ того, чтобы онъ не казнилъ кого нибудь и часто это не былъ единичный случай казни, жертвами бывали или ученые, или священныя особы, или кто изъ сановниковъ, и все это люди, близко стоящіе къ нему". Ежедневно пишетъ Батута, въ залу аудіенціи приводили сотни людей въ цѣпяхъ, съ руками прикрученными къ шеѣ и съ связанными ногами. Нѣкоторыхъ убивали, другихъ били и пытали". У выходной двери зала у него сидѣли палачи; трупы жертвъ по три дня лежали у воротъ мѣста казни. Слоны султана были выучены такъ, что хоботами подбрасывали людей вверхъ и затѣмъ на лету разрѣзывали тѣла жертвъ ножами, прикрѣпленными къ ихъ клыкамъ, и топтали ихъ ногами. Этотъ ужасный правитель „не удовлетворялся сказками и повѣтствованіями и не покровительствовалъ шутамъ и актерамъ". Даже его шутки были жестоки: когда онъ пожелалъ сослать своихъ двухъ зятей, мужей его сестеръ, то онъ написалъ на клочкѣ бумаги „ссылается подкидышъ, ссылается ѣдокъ мышей". Одинъ изъ этихъ его родственниковъ былъ неизвѣстнаго происхожденія,—другой Арабъ пустыни; между прочимъ существовало мнѣніе, что Арабы ѣдятъ особыхъ маленькихъ звѣрьковъ, принадлежащихъ къ семейству мышей. Это проявленіе жестокости даже въ шуткахъ, повидимому, было унаслѣдовано имъ отъ отца, который для восточнаго повелителя не казался жестокимъ. Во время его жизни, сынъ распустилъ слухъ, что его отецъ, повелитель, умеръ, а, слѣдовательно, войска распущенны и осада Warangol'я снята. Старый деспотъ, схвативъ нѣкоторыхъ изъ распускающихъ эту молву, прика-

залъ похоронить ихъ живыми, съ надписью: „такъ какъ они хоронили его живымъ въ шутку, то онъ похоронитъ ихъ живыми въ дѣйствительности“. Первыя дѣйствія магомета Тохлака, казалось, были и разумны и довольно политичны.

Не имѣя возможности побѣдить одного изъ вождей враждебнаго племени, Магометъ съ нимъ помирился и помощью большого выкупа заставилъ его удалиться въ свою страну. Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на Индію, покорилъ ближайшія страны и авторитетъ его достигъ отдаленныхъ предѣловъ. Дѣйствительно, мусульманская имперія, въ началѣ его царствованія, была обширнѣе, чѣмъ она была когда либо до Aurangzib'a. Одно изъ его первыхъ экстравагантныхъ предпріятій было собраніе громадной арміи для покоренія Корасана; но такъ какъ для войска не было ничего приготовлено для прокормленія, то войско разсыпалось и грабило страну повсюду, гдѣ проходило. При этомъ произошло слѣдующее: племянникъ Gheias u din, хорошій воинъ, Beha u din, состоялъ правителемъ одной изъ провинцій. По смерти своего дяди онъ отказался признать Магомета. Послѣ пораженія въ кровавой битвѣ, онъ бѣжалъ съ райями Камбилы, которые и отказались выдать его. Hindu'скій вождь, находясь въ невозможности далѣе держаться въ осажденной крѣпости, совѣтовалъ Beha u din скрыться у другого райи. Послѣ чего самъ приказалъ развести огонь и сказалъ своей женѣ и дочерямъ „Я хочу умереть и тѣ, кто желаетъ поступать, такъ какъ поступаю я, пусть дѣлаютъ тоже самое“.

Послѣ этого женщины обмыли свои тѣлеса, натерли ихъ ароматами и бросились въ огонь. Жены главныхъ начальниковъ и другія женщины поступили также. За тѣмъ райя съ тѣми, кто послѣдовалъ его примѣру, бросился на войско Магомета и сражался до тѣхъ поръ, пока они всѣ не были перебиты. Городъ былъ взятъ и одинадцать сыновей Камбильскаго райи были приведены къ султану, который заставилъ перейти ихъ въ мусульманство и наградилъ ихъ большими почестями, достойными ихъ рожденія и поведенія ихъ отца. Другой райя, непринявшій подобнаго рѣшенія, выдалъ Beha u din, который и былъ отведенъ къ султану со связанными у шеи руками. Плѣнника привели къ его женщинамъ, которые надругались надъ нимъ и плевали ему въ лицо. Наконецъ съ него живого была содрана кожа, а мясо его поджарили съ рисомъ и послали его женѣ и дѣтямъ. Изъ его кожи была сдѣлана чучела и вмѣстѣ съ остатками Bahadur Boura была развозима и выставляема по всей Индіи въ видѣ

пугалы для непокорныхъ. Когда эти чучелы были привезены въ провинцію Кухлу-хана, то онъ отнесся съ отвращеніемъ къ подобному варварству и приказалъ ихъ похоронить. Кухлу-ханъ, сдѣлавшій такъ много для воцаренія отца Тохлака, возбудилъ теперь его сильное негодованіе (1327). Тохлакъ, по словамъ Батуты, захотѣлъ отмстить дерзкому и выказалъ при этомъ большую храбрость и умѣнье; онъ снова имѣлъ успѣхъ, въ сраженіи убилъ Кихлу-хана и повѣсилъ его голову надъ воротами Multan'a. Но при этомъ съ большими затрудненіями онъ избавился общей народной рѣзни въ этомъ большомъ городѣ.

Магометъ Тохлакъ слышалъ о бумагахъ, замѣняющихъ деньги въ Китаѣ, и полагалъ, что онъ можетъ обогатить императорскую сокровищницу, установивъ произвольную валюту на мѣдную монету. Результатомъ этого было то, что нововведеніе было принято только изъ страха и не распространилось въ отдаленныя провинціи. Купцамъ вслѣдствіе особой милости монетнаго двора было разрѣшено чеканить мѣдную монету въ большомъ количествѣ; на эти деньги они добывали товары, которые и вывозили за границу, продавая ихъ на золото и серебро. Недовольство достигло такой степени, что султанъ долженъ былъ изъять изъ обращенія мѣдную монету. Сокровищница была опустошена размѣною настоящихъ денегъ на мѣдныя по ихъ воображаемой валютѣ и султанъ отказался отъ дальнѣйшихъ платежей, такъ что тысячи людей разорились. Никто въ этомъ не выигралъ, исключая весьма немногихъ купцовъ и банкировъ. Другимъ неудачнымъ предпріятіемъ этого взбалошнаго деспота—было раздѣленіе страны Surgdemary на Ганги, уѣзды въ 66 миль въ квадратѣ, подъ надзоромъ земледѣльцевъ, отвѣтственныхъ за обработку земли. При этомъ была выдана сумма денегъ, чтобы пустить дѣло въ ходъ. Но оно совершенно не пошло, „весьма вѣроятно“, прибавляетъ Фершта, что если бы султанъ вернулся въ Дельхи, то онъ не даровалъ бы жизни ни одному изъ всѣхъ причастныхъ къ этому дѣлу“.

Въ своей попыткѣ перенести столицу Индіи изъ Дельхи въ Діогири Тохлакъ выказалъ наконецъ всю причудливость своего характера, разума и силы, чтобы превозмочь величайшія препятствія для достиженія своего желанія. Согласно мнѣнію Батуты, его побудили къ этому анонимныя письма, подброшенныя ночью въ залу аудіенціи, укоряющія его въ его преступленіяхъ и безумствахъ. Не зная именъ авторовъ этихъ писемъ, онъ свою злобу излилъ на все населеніе Дельхи. Онъ выплатилъ жителямъ стоимость ихъ домовъ и приказалъ имъ переселиться

въ Діогири приблизительно за 700 миль разстоянія. Это мѣсто онъ рѣшился сдѣлать столицей Индіи подъ названіемъ Дулатабадъ. Тѣ, кто не имѣлъ денегъ на свое содержаніе, кормились на общественный счетъ.

„Глашатаи заявили, чтобы послѣ 3-хъ дней никто не оставался въ столицѣ. При этомъ произведенъ былъ тщательный осмотръ, чтобы никто не могъ укрыться. При обыскѣ его рабы нашли на улицахъ двухъ людей—одного паралитика, другого слѣпца. Они привели этихъ людей къ султану, который и приказалъ паралитика сбросить съ катапульта (метательная машина у древнихъ), а слѣпца приволокъ по землѣ изъ Дельхи въ Дулатабадъ, т. е. на разстояніи 40 дней ходьбы. Все его тѣло по пути было растерзано и отваливалось по кускамъ и только одну изъ его ногъ удалось дотащить до Дулатабада. Всѣ жители Дельхи оставили городъ, покинувъ тамъ свое имущество и столица обратилась въ пустыню“.

„Лицо, достойное довѣрія“. продолжаетъ Батута, „увѣряло меня, что султанъ, однажды вечеромъ выйдя на террассу своего дворца и взглянувъ на Дельхи, сказалъ: не видя тамъ ни огня, ни дыма, ни огней отъ факеловъ, „теперь мое сердце удовлетворено и душа спокойна“.

Но въ его мозгу тлѣлъ огонь, который не давалъ ему покоя. Нѣкоторое время спустя онъ отдалъ приказъ жителямъ различныхъ провинцій вновь переѣхать въ Дельхи.

„Онъ разорилъ, но не заселилъ Дельхи“.

При нашемъ входѣ въ столицу мы нашли ее пустой, покинутой населеніемъ“.

Тохлакъ снова перевелъ свое войска въ Дельхи, гдѣ и оставался въ теченіи 2-хъ лѣтъ. Затѣмъ снова ему захотѣлось перевести всѣхъ въ Дулатабадъ. Во второй разъ онъ перевелъ всѣхъ жителей въ Decan, оставляя благородную митрополію Дельхи пріютомъ для совъ и берлогой для дикихъ звѣрей. Несчастные жители, переселенные въ Дулатабадъ, доведенные до нищеты въ чужой странѣ, безъ кредита и безъ занятій, терпѣли сильную нужду. Сосѣднія страны, возбужденныя его эксцессами, нѣсколько разъ возмущались противъ него и наконецъ прогнали его войска изъ Декана. Въ концѣ концовъ, онъ даже потерялъ Дулатабадъ, гдѣ онъ предпринялъ большія работы, что указываетъ на его широкіе замыслы.

Феришта разсказываетъ далѣе менѣе серьезныя проявленія его причудливости и безграничнаго его желанія заставить о себѣ говорить: „по дорогѣ въ Дулатабадъ у него сильно заболѣли зубы, отъ чего онъ потерялъ одинъ зубъ. Тогда онъ приказалъ похоронить этотъ зубъ съ большой церемоніей въ Bhir. Надъ могилой этого зуба былъ воздвигнутъ великолѣпный памятникъ, который стоитъ и до сихъ поръ, указывая на его тщеславіе и безуміе“.

Въ 1337 году у него проявилась идея покорить Китай. Напрасно его приближенные указывали ему на невозможность провести армію черезъ высокія горы, раздѣляющія Тибетъ онъ Индіи. Деспотическая воля этого монарха превзошла всѣ доказательства и 100 тысячная армія, говоритъ Феришта, была послана подъ предводительствомъ сына его сестры. Часть войска дѣйствительно перевалила Гималай, но здѣсь она была легко разбита китайцами и въ конецъ уничтожена нападеніями горныхъ жителей, голодомъ, дождями,—и вернулся едва ли одинъ человѣкъ, исключая нѣсколькихъ солдатъ, оставленныхъ въ гарнизонѣ нѣкоторыхъ крѣпостей, для охраны сообщеній,—но и эти солдаты были казнены, по повелѣнію султана, по возвращеніи ихъ въ Делхи.

Тохлакъ непремѣнно желалъ быть утвержденнымъ на своемъ престолѣ Египетскимъ номинальнымъ калифомъ Aboul Abbas,—для чего и отправилъ своего посла въ Каиръ. Его посолъ вернулся съ посланнымъ, привезшимъ письмо. Тохлакъ встрѣтилъ посланнаго калифа пѣшкомъ, письмо положилъ себѣ на голову, приказалъ устроить большія празднества и вычеркнулъ изъ списка имена всѣхъ султановъ и королей, которые не были конфирмированы калифомъ. Въ числѣ дискредитированныхъ имъ государей былъ и его отецъ. Посолъ былъ награжденъ богатыми дарами, его лошади подкованы золотомъ.

Нѣкоторое время спустя Ghiyath u din, потомокъ калифа Алмонстанзира пріѣхалъ въ Индію посѣтить Тохлака. Султанъ выѣхалъ ему на встрѣчу, за предѣлы Дельхи, самъ держалъ стремя, пока гость не сѣлъ на коня, самъ саморучно угощалъ его бетелемъ, стоя ожидалъ его прихода, и приказалъ всѣмъ своимъ подчиненнымъ отдавать тѣ же самыя почести сыну Калифа, какія отдавались ему самому. Сто деревень были отчислены на его содержаніе и его осыпали самыми дорогими дарами. Батута, знавшій эту личность, говоритъ, что онъ былъ настолько скареденъ, насколько и жаденъ. Онъ описываетъ причуды и суевѣрное поклоненіе, выказанное Тохлакомъ этому пришельцу.

Ghiyath u dein, завидуя почестямъ, отдаваемымъ другому гостю, султану Gaznah, послалъ сказать Тохлаку, чтобы онъ взялъ обратно свои подарки. Услышавъ это, пишетъ Батута, государь сѣлъ на коня, не теряя ни минуты, и отправился къ сыну калифа, въ сопровожденіи 10-ти приближенныхъ. Приказавъ доложить о себѣ, Тохлакъ всталъ съ лошади за домомъ хозяина, на проѣзжей дорогѣ, гдѣ и былъ

встрѣченъ сыномъ калифа, готовымъ принять его извиненія. Тохлакъ обратился къ сыну калифа съ слѣдующими словами: „Во имя Бога, я не повѣрю, что ты удовлетворенъ мною, до тѣхъ поръ, пока ты не поставишь свою ногу мнѣ на шею". Ghigath u din возразилъ: „я бы не сдѣлалъ этого, если бы я долженъ былъ умереть". Султанъ отвѣчалъ: „клянусь головой, ты долженъ сдѣлать это". При этомъ онъ положилъ голову на землю, а одинъ изъ его знатныхъ спутниковъ, взялъ ногу сына калифа и поставилъ ее на шею султана, который послѣ этого поднялся, говоря: „Моя душа покойна, я знаю, что ты удовлетворенъ мною".

Одинъ изъ высокопоставленныхъ индусовъ утверждалъ, что султанъ приказалъ умертвить его брата, безъ всякаго законнаго повода, и заявилъ это судьѣ. Султанъ явился въ судъ пѣшкомъ и безъ оружія; отдалъ честь суду, преклонился передъ нимъ и стоялъ передъ судьей. Передъ этимъ еще онъ предупредилъ судью, не велѣвъ ему вставать передъ собой и двигаться съ мѣста, при его входѣ въ залу суда. Судъ постановилъ приговоръ, что государь виновенъ въ пролитой крови и обязанъ удовлетворить противную сторону,—и приговоръ этотъ султаномъ былъ исполненъ.

Въ другой разъ, одинъ мусульманинъ доказывалъ, что султанъ ему долженъ извѣстную сумму денегъ. Дѣло было передано суду и судъ постановилъ, что султанъ обязанъ уплатить свой денежный долгъ, султанъ повиновался и уплатилъ.

Юноша, принадлежащій къ семейству султана, т. е. одинъ изъ знатныхъ при дворѣ, обвинялъ султана въ нанесеніи ему ударовъ, безъ всякой къ тому причины, и пожаловался на это судьѣ. Судья постановилъ, что султанъ долженъ удовлетворить юношу суммой денегъ, если тотъ на это согласится; если юноша не будетъ этимъ доволенъ, то имѣетъ право на прямое удовлетвореніе. Султанъ послалъ за юношей и далъ ему палку, сказавъ: „клянусь головой, ты долженъ ударить меня также, какъ я ударилъ тебя". Юноша принялъ палку и нанесъ ею 21 ударъ султану съ такой силой, что у него слетѣлъ съ головы его головной уборъ.

У Султана былъ братъ, по имени Машудъ-ханъ. Мать его была одна изъ дочерей прежняго султана, Ala u din. „Онъ былъ", говоритъ Батута, „одинъ изъ прекраснѣйшихъ людей, которыхъ я когда-либо видѣлъ". Тохлакъ подозрѣвалъ, что этотъ братъ задумалъ устроить противъ него возмущеніе, что тотъ и призналъ подъ страхомъ пытки. „Дѣйствительно",

прибавляетъ Батута, „каждый, кто отвергалъ взводимое султаномъ подобнаго рода обвиненіе, съ цѣлью подвести обвиняемаго подъ пытку, скорѣе выбиралъ смерть, чѣмъ пытку“. Султанъ приказалъ на народной площади отсѣчь голову брату и трупъ его, по обычаю, пролежалъ три дня на мѣстѣ казни. Мать Машуда была побита камнями два года ранѣе, за прелюбодѣяніе.

Однажды Тохлакъ приказалъ двумъ ученымъ юристамъ отправиться въ одну изъ провинцій, въ сопровожденіи турка, который обязанъ былъ исполнять ихъ приказанія. Подозрѣвая, что этотъ человѣкъ былъ посылаемъ какъ ихъ шпіонъ, они отвѣчали: „Было бы лучше, если бы мы отправились какъ два свидѣтеля, мы бы показали ему правильный путь, по которому онъ могъ бы слѣдовать“. На это государь возразилъ: „Вѣроятно вы намѣрены опустошить и истребить мои владѣнія и свалить все на турка, который не имѣетъ ни о чемъ понятія“. Законники отвѣчали: „Храни насъ Богъ, отъ того, о, Владыко міра! Мы не ищемъ ничего подобнаго“. Султанъ возражалъ: „Вы ни о чемъ иномъ не думаете“: при чемъ онъ обратился къ окружающимъ и сказалъ: „отведите ихъ къ шейку Zadeh, онъ опредѣлитъ имъ наказаніе“.

Когда они были приведены къ этому страшному исполнителю казни, тотъ сказалъ: „Султанъ желаетъ вашей смерти: сознайтесь, въ чемъ онъ васъ обвиняетъ и не подвергайте себя пыткамъ“. Они отвѣчали: „мы никогда ни о чемъ иномъ не помышляли, кромѣ того, что высказали ему“. Zadeh при этомъ обратился къ своимъ палачамъ, „дайте имъ кое чего попробовать“, что значило, отведите ихъ на пытку. Тогда ихъ положили на спину, а на грудь имъ наложили до красна раскаленную желѣзную плитку, которую сняли только послѣ жестокихъ мученій и разрушенія тканей организма, при чемъ на изъязвленное мѣсто насыпали золы.

Послѣ этихъ мученій жертвы признались, что султанъ былъ правъ въ своемъ подозрѣніи, что они дѣйствительно оба преступники, которые стоятъ смерти и не имѣютъ права на жизнь: также какъ не имѣютъ права жаловаться на пролитіе ихъ крови, ни въ этой, ни въ будущей жизни. Они написали это признаніе собственноручно и подтверждали написанное ими передъ судьей. Судья узаконилъ эту бумагу и рѣшилъ, что признаніе было дано добровольно и безъ вынужденія. Еслибы они сказали: насъ заставили сдѣлать это признаніе, то подверглись еще бы болѣе тяжкимъ пыткамъ. Они рѣшили, что

Центральная рабочая ... Профессиональ... Союзов.

лучше дать перерѣзать свое горло немедленно, нежели окончить жизнь въ мукахъ пытки. Они были убиты: „Господь да помилуетъ ихъ“.

Батута говоритъ, что Тохлакъ, подозрѣвая нѣсколькихъ знатныхъ въ сочувствіи возмущенію, нѣкоторыхъ изъ нихъ арестовалъ, другихъ казнилъ. Одного судью, которому были выколоны глаза изъ за этого подозрѣнія, привели къ султану приказалъ ему поименовать всѣхъ одномышленниковъ съ казненными, живущихъ въ его городѣ. Судья продиктовалъ имена всѣхъ главныхъ лицъ дистрикта. Монархъ, увидя листъ, сказалъ: „этотъ человѣкъ желаетъ уничтоженія города“; и обращаясь къ своимъ рабамъ, приказалъ отрубить ему голову, что и было моментально исполнено. „Господь да помилуетъ его“. Дѣйствительно, слѣдовало пожалѣть народъ, находившійся подъ управленіемъ такого деспота, даже помилованіе котораго было жестоко и который не могъ простить одного, чтобы не казнить другого.

Индѣецъ, по имени, Ein-ul-Mulk, правитель Oude, внезапно возмутился и едва не свергъ владычества султана. Когда во время сраженія его взяли въ плѣнъ, то привезли его къ палаткѣ Тохлака верхомъ на быкѣ и совершенно наголо. Султанъ простилъ его и даже позволилъ его матери, сестрѣ и женѣ жить съ нимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ султанъ побѣдитель, сидя на верху башни, приказалъ 62-хъ его послѣдователей разорвать на куски, или затоптать слонами, подъ звуки трубъ и бой барабановъ; куски ихъ тѣла были бросаемы въ зачинщика возмущенія. Ein-ul-Mulk былъ совершенно помилованъ и назначенъ инспекторомъ императорскихъ садовъ.

Chihab u din былъ человѣкъ извѣстный своимъ благочестіемъ. Онъ постился по двѣ недѣли подъ рядъ. Предшественники султана очень любили и почитали его и даже пріѣзжали къ нему за благословеніемъ. Этотъ человѣкъ публично отказался принять должность, предложенную ему Тохлакомъ, который за это приказалъ одному изъ знатныхъ сановниковъ вырвать бороду Chihab'у. Когда же тотъ отказался исполнить приказаніе султана, то Тохлакъ повелѣлъ вырвать бороды обоимъ и послалъ ихъ на службу въ отдаленныя провинціи. Послѣ того, какъ Chihab u din пробылъ 7 лѣтъ въ Діагири, онъ былъ снова призванъ султаномъ, принялъ должность и опять вошелъ въ милость. Нѣкоторое время спустя, онъ удалился въ необработанную мѣстность, гдѣ поселился въ гротѣ,

сдѣланномъ по его приказанію, и два года занимался обработкою, и водоснабженіемъ окружающихъ земель. Когда черезъ два года онъ возвратился въ Дельхи, то султанъ принялъ его съ большими почестями. Спустя нѣкоторое время по его новомъ отъѣздѣ, султанъ послалъ за нимъ, но онъ отказался пріѣхать.

Тогда султанъ послалъ къ нему одного изъ своихъ главныхъ приближенныхъ, съ цѣлью склонить его пріѣхать въ Дельхи и доказать ему опасность отказа. Шейкъ возразилъ: „Я никогда небуду служить тирану“. Когда султану объявили это, онъ приказалъ привести къ себѣ Chihab u din, и спросилъ его. „Ты говоришь, что я тиранъ“? Chihab отвѣчалъ: „Да, ты тиранъ“ и указалъ на многіе изъ его поступковъ, между которыми упомянулъ опустошеніе Дельхи и повелѣніе жителямъ выселиться. Султанъ вынулъ свой палашъ и передавая его Sadr Aldjihan, сказалъ, „подтверди, что я тиранъ, и перерѣжъ мнѣ горло этимъ палашомъ“. Chihab u din возражалъ: „Тотъ кто, будетъ свидѣтельствовать это, будетъ убитъ; но ты самъ сознаешь свои преступленія“. Послѣ этого Chihab'y связали ноги и руки прикрутили къ шеѣ. Въ такомъ положеніи его продержали 14 дней, безъ пищи и питья. Ежедневно его приносили въ залу аудіенціи и шейки говорили ему, „откажись отъ своихъ словъ“. Chihab u din отвѣчалъ. „я не откажусь“ и желалъ быть внесеннымъ въ рядъ мучениковъ. На 14 день султанъ послалъ ему пищу, но шейкъ не принялъ ее и сказалъ, „мое имущество болѣе не на землѣ, отнесите пищу обратно султану“. Султанъ, услышавъ это. приказалъ заставить шейка тотчасъ-же съѣсть два фунта фекальныхъ массъ. Прислужники набрали эти отброски, распустили ихъ въ водѣ, и бросивъ шейка на спину, щипцами открыли ему ротъ и заставили проглотить это мѣсиво. На слѣдующій день шейкъ опять отказался взять свои слова назадъ и былъ обезглавленъ. Такимъ образомъ, этотъ человѣкъ былъ настолько силенъ и исполненъ негодованія за поруганіе справедливости и милосердія, что отказался быть слугой тирана. Нужно отдать честь непоколебимому шейку, осмѣлившемуся громко высказать то, что другіе произносили на счетъ тирана только шопотомъ, или хоронили въ своихъ мыслях. Онъ поставилъ себя въ рядъ мучениковъ и никакія пытки, измышляемыя султаномъ, не могли вырвать у него ни звука слабости, чтобы смягчить безумную гордость тирана. Тохлакъ понялъ, что сказанныя слова не были выдуманными словами.

Батута, котораго признавали другомъ Шихаба, былъ въ большой опасности погибнуть жертвой злобы султана. Вѣроятно, благодаря тяжелымъ впечатлѣніямъ, сопровождавшимъ его бѣгство, которое онъ признавалъ результатомъ своихъ молитвъ и покаянія, пушественникъ отказался отъ всѣхъ своихъ владѣній и сдѣлался отшельникомъ при знаменитомъ мусульманскомъ святомъ, у котораго онъ и прожилъ пять мѣсяцевъ. Къ концу этого времени Магометъ Тохлакъ призвалъ его къ себѣ и послалъ съ блестящимъ посольствомъ къ императору Китая.

Пока Тохлакъ оставался въ Дельхи, онъ, по обычаю повелителей, ѣздилъ на охоту со своимъ войскомъ. По пріѣздѣ своемъ въ Дистриктъ Бейранъ онъ прямо заявилъ своимъ приближеннымъ, что пріѣхалъ охотиться не на звѣрей, а на людей и безъ всякой на то причины началъ избивать жителей. Тохлакъ при этомъ дошелъ до такого звѣрства, что привезъ къ себѣ домой тысячи головъ этихъ жертвъ и развѣсилъ ихъ на городской стѣнѣ. Въ другой разъ онъ направился въ сторону Canouj и произвелъ избіеніе жителей этого города, также какъ и сосѣднихъ мѣстъ нѣсколько миль въ окружности; повсюду, куда бы ни обращалъ свой взоръ, онъ сѣялъ ужасъ и отчаяніе. Тысячи бѣжали въ Bengal, гдѣ Mullik Fakr u din возмущался (1339) и предпринималъ мѣры противъ тирана.

Для того чтобы онъ имѣлъ возможность раздавать такія драгоцѣнныя дары иностранцамъ и содержать армію изъ монголовъ, турокъ, персовъ и афганцевъ, пришлось слишкомъ притѣснить подданныхъ. И дѣйствительно, народъ такъ безпощадно былъ третированъ, что, въ такой плодородной мѣстности, какъ пространство между Гангесомъ и Jumna, земледѣльцы, удрученные такой жизнью, подожгли свои жилища и съ семействомъ и скотомъ ушли въ лѣса. Многіе населенные города нѣсколько лѣтъ оставались покинутыми. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сановники, сознавая невозможность выплаты требуемой суммы, сами становились предводителями возмущенія.

Если вдуматься въ ужасное положеніе, въ которомъ въ то время находился народъ Индіи, то невольно спросишь—народъ ли весь былъ помѣшанный или тиранъ, для котораго не нашлось сабли или дротика съ отточеннымъ лезвіемъ? Какъ замѣчаетъ Mountstuart Elphinstone, „обыкновенно на востокѣ требуется такъ мало заботъ, чтобы отдѣлаться отъ дурного деспота, что рѣдко подобный сильный вредъ наносится странѣ дурнымъ управленіемъ одного лица“. Мы не

слышали ни объ одномъ придворномъ комплотѣ; но возмущеній въ странѣ было много. Фериштa упоминаетъ о 15 возмущеніяхъ. Но принимая во вниманіе крайнее разнообразіе кастъ, народностей и религіи народонаселенія Индіи, трудно или даже невозможно было ожидать согласнаго противудѣйствія со стороны всего народа.

Шпіоны султана присутствовали всюду. Что говорилось ночью между мужемъ и женой и то было передаваемо во дворецъ. Султанъ жилъ болѣе среди приглашенныхъ къ двору иностранцевъ и давалъ важныя должности раболѣпнымъ прислужникамъ, выведеннымъ имъ же изъ ничтожества. Онъ былъ главой войска, большею частью составленнаго изъ чужестранцевъ, которымъ было все равно, опустошать ли Индію, или жить мирно. Революція доставляла имъ добычу и рабовъ. „Плѣнныя женщины“, пишетъ Батута, „очень мало стоятъ въ Индіи, такъ какъ онѣ грязны, и невѣжественны для городской жизни. Даже болѣе образованныя цѣнятся очень дешево, такъ какъ никто не желаетъ покупать плѣнницъ“. Батута получилъ ихъ девять отъ визиря. „Я отдалъ одну“, пишетъ онъ, „человѣку, который привезъ мнѣ ихъ; мой товарищъ взялъ себѣ трехъ изъ болѣе молодыхъ; что касается остальныхъ, я не знаю, что сталось съ ними“. „Невѣрныя“, продолжаетъ онъ, „занимаютъ мѣста, прилегающія къ землямъ мусульманъ, покорившихъ ихъ. Эти Индусы укрѣпляются въ горахъ и дикихъ мѣстахъ. Они окружаютъ себя вьющимся растеніями, которыя сильно разростаются, дѣлаются густыми и сплошными и не горятъ. Посреди этихъ плантацій они содержатъ свою скотину и зерно и собираютъ дождевую воду“. Страна была переполнена грабителями. Мы читали о чумной эпидеміи въ 1341 году, почти уничтожившій все войско въ Деканѣ. Не была ли это занесенна черная смерть, которая такъ сильно уменьшила народонаселеніе Европы нѣсколько лѣтъ позднѣе? Мы читали тоже о засухѣ и страшномъ голодѣ. Султанъ, грандіозный во всѣхъ своихъ выдумкахъ, приказалъ раздать хлѣбъ жителямъ Дельхи изъ большихъ общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, въ которыхъ былъ сдѣланъ запасъ за много лѣтъ. Онъ былъ почтителенъ къ своей матери, которая ослѣпла и которая была извѣстна своей добротой. Батута разсказываетъ, что однажды султанъ встрѣтилъ свою мать на дорогѣ, при этомъ видѣли, какъ онъ подошелъ къ ея паланкину и цѣловалъ ея ноги.

Тохлакъ былъ храбръ, дѣятеленъ, опытенъ и сообразителенъ въ военномъ дѣлѣ; онъ снова разбилъ своихъ враговъ и опустошалъ возмущенныя провинціи съ безмилосердной жестокостью; но индусскія раи Декана достигли своей независимости и Бенгалія на долго отошла отъ его династіи фактически; всѣ его завоеванія кромѣ Guzeral, были отняты у него. Фериштa разсказываетъ, что король сказалъ Ziai u din Burny, историку: народъ думаетъ, что эти мятежи возбуждаются строгими наказаніями, но они никогда не избѣгнутъ ихъ; преступленіе должно быть наказано. Ты великій историкъ и знаешь законы, въ какихъ инстанціяхъ дозволяются серьезныя наказанія"? Историкъ отвѣчалъ, „преступники семи разрядовъ достойны строгаго наказанія, но только по тремъ разрядамъ казнятся смертью, по закону Корана,—вѣроотступники, тѣ, кто проливаетъ муссульманскую кровь и прелюбодѣи". Султанъ возразилъ, все это можетъ быть и справедливо, но люди стали гораздо хуже съ тѣхъ поръ, какъ этотъ законъ былъ изданъ". Въ другой разъ Тохлакъ жаловался историку на то, что какъ въ одномъ мѣстѣ онъ подавитъ мятежъ, то онъ вспыхиваетъ въ другомъ,—и просилъ у него совѣта, какъ этому помочь. Тотъ отвѣчалъ, если ужъ ненависть пустила такіе глубокіе корни въ душѣ народа, то и нельзя ее искоренить, не измѣнивъ въ корнѣ главныя жизненныя силы государства. Онъ имѣлъ храбрость посовѣтовать монарху отказаться отъ престола въ пользу своего наслѣдника. Тохлакъ сердито возражалъ, что у него нѣтъ человѣка, которому онъ могъ бы повѣрить и что онъ рѣшился карать своихъ подданныхъ за мятежъ, какія бы изъ этого не вышли послѣдствія. Черезъ нѣсколько дней, поѣвъ съ аппетитомъ рыбы изъ Индіи, онъ умеръ близь Tatta in Sind, послѣ 27 лѣтъ царствованія. Ему наслѣдовалъ его племянникъ, Firuz Toghlak, бывшій его союзникъ и товарищъ военной жизни. Firuz былъ справедливый и добрый властелинъ. Какъ документъ тяжелыхъ воспоминаній, оставленныхъ послѣ себя Магометомъ Тохлакомъ, Фериштa дѣлаетъ выписку изъ собранія записокъ Mosque of Firozabad [1]).

Въ древности проливали кровь магометанъ за всякую бездѣлицу, а за незначительные проступки увѣчили и мучили ихъ, отрѣзая имъ руки и ноги, носъ и уши, выкалывая глаза, раздробляя кости винтомъ, сожигая, распиная, прибивая гвоздями руки и ноги, сдирая кожу съ живого, надрѣзая подколѣнныя жилки и отрѣзая по кускамъ части тѣла при жизни. Господь въ своемъ безконечномъ

[1]) Brigg's „Ferishta", vol. I, pp. 462—464.

милосердіи соблаговолилъ дать мнѣ силу и внушилъ мнѣ средства положить всему этому конецъ".

Въ другомъ мѣстѣ замѣтокъ Firûz говоритъ:

„Я также взялъ на свое попеченіе всѣхъ еще живыхъ родственниковъ, попавшихъ подъ злобу моего послѣдняго господина Магомета Тохлака; помогъ имъ и вообще заботился о нихъ, чтобы доставить имъ полное прощеніе и заставить забыть все дурное, сдѣланное султаномъ,—и все это мнѣ удалось исполнить съ помощію святыхъ и ученыхъ людей того времени, чьи подписи свидѣтельствуютъ и узаконяютъ документъ. Все это, на сколько оно въ моей власти, было добыто и уложено въ ящикъ и поставлено въ гробницу, гдѣ похороненъ Магометъ Тохлакъ".

По аналогіи Магометъ Тохлакъ въ частной жизни былъ человѣкъ надѣленный способностями, образованный и полный силы, храбрый и искусный въ физическихъ упражненіяхъ, строгій къ формалистикѣ религіозныхъ обрядовъ, признающій надъ собою Верховную власть, любознательный и любящій общество ученыхъ, но не состоятельный въ своихъ сужденіяхъ, очень любящій власть, съ громаднымъ мнѣніемъ о своей важности, но поддающійся припадкамъ гнѣва и чрезмѣрному уничтоженію. Онъ сумазбродно разбрасывалъ деньги на дары и старался выиграть болѣе нелѣпыми и химерическими спекуляціями, не обращая вниманія на свое паденіе и на безумное разореніе, причиняемое имъ другимъ. Онъ былъ несправедливъ и жестокъ къ тѣмъ, кто былъ въ его власти, поддавался преступной наклонности къ избіенію при всякомъ сопротивленіи, но былъ способенъ прощать оскорбившихъ его, послѣ того, какъ его злоба проходила. Подобный человѣкъ могъ скоро растратить свое состояніе и впасть въ порочные эксцессы, пока бы онъ не попалъ въ руки правосудія или не былъ бы запертъ въ сумашедшій домъ. Къ несчастію онъ былъ владѣтельный принцъ, стоящій во главѣ побѣдоносной арміи корыстолюбцевъ, окруженный раболѣпными куртизанами, желающими обогатиться на его счетъ, абсолютный правитель покорной расы, для которой угнетеніе не было новостью. Представитель фанатичной религіи, гордый ея монотеизмомъ и чистотой обрядовъ среди наукъ политеистовъ,—онъ представляетъ собой ужасный видъ помѣшаннаго, владѣющаго престоломъ, употребляющаго абсолютную власть для выполненія химеръ разстроеннаго разсудка, приводящаго цѣлую націю къ разоренію и нищетѣ своимъ безуміемъ; этотъ безумецъ имѣлъ цѣлую банду исполнителей, всегда готовыхъ приложить къ дѣлу формы мученія, вызванныя его разстроеннымъ воображеніемъ,—и армію, готовую совершать преступленія въ широ-

комъ смыслѣ этого слова; и все время владѣя на столько умственными способностями и разсудкомъ, чтобы оставаться господиномъ и палачемъ Индіи.

Открывъ сочиненіе Dr Ball'я [1]), мы находимъ въ главѣ маніакальнаго возбужденія описаніе симптомовъ, напоминающихъ намъ состояніе разстройства монарха Индіи. Ball принимаетъ опредѣленіе Falret, который описываетъ эту форму помѣшательства, безъ яснаго поврежденія умственныхъ способностей. Здѣсь замѣчаются скачки ихъ мыслей, которые еще не перешли въ полную непослѣдовательность; эти субъекты еще обладаютъ извѣстной степенью логики, управляющей ими и мѣшающей имъ впасть въ совершенное безуміе. Въ тоже самое время существуетъ у подобныхъ людей нравственная пертурбація, которая доводитъ ихъ до сумасбродныхъ, а иногда и до преступныхъ дѣйствій. Въ этихъ случаяхъ часто бываетъ чрезмѣрное развитіе нѣкоторыхъ интелектуальныхъ способностей, большей частью памяти. Эти субъекты пристрастны къ поэзіи и вполнѣ отдаются финансовымъ спекуляціямъ и новымъ проэктамъ.

---

[1]) Prof. Ball, Leçons sur les maladies mentales.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Исторія наслѣдственнаго невроза Испанской королевской фамиліи.

Наши разслѣдованія вліяній наслѣдственности, какъ причины умопомѣшательства, рѣдко заходятъ далѣе третьяго поколѣнія. Мало людей даже знаетъ, или заботится разузнать о своемъ прадѣдѣ или о своей прабабкѣ,—и еще меньшее число людей желаетъ запомнить существованіе пятна на своихъ предкахъ. Тѣмъ болѣе для насъ представляется интереса при изученіи родословныхъ, въ фамиліяхъ которыхъ помѣшательство является наслѣдственнымъ, такъ какъ они даютъ намъ возможность дѣлать тѣ или другіе выводы.

Изучая исторію царственныхъ домовъ, мы нерѣдко замѣчаемъ колебанія въ нихъ въ зависимости отъ проявленія помѣшательства, ведущаго къ паденію и даже къ вырожденію. Въ этомъ отношеніи нѣтъ недостатка въ матеріалѣ. Помѣшательство очень частое явленіе въ царственныхъ династіяхъ и дворянскихъ семействахъ и сильныя несчастія націй иногда указывали на умопомѣшательство ихъ правителей.

Помѣшательство Карла VI французскаго дало возможность къ военному захвату Генриха V англійскаго. Какъ побѣдитель, онъ заставилъ короля Франціи отдать за него свою дочь. Предъявленіе правъ Англіи на тронъ вызвало долгую и отчаянную войну съ Франціей. Къ несчастью, Генрихъ VI унаслѣдовалъ болѣзнь, перешедшую къ нему отъ его француженки матери; кромѣ того, Англія была ослаблена войной бѣлой и алой розы, какъ наказаніе за династическій бракъ, въ которомъ законы наслѣдственности были сомнительны.

Помѣшательство не распространилось на французскую королевскую линію; но въ силу этого законнорожденность Карла VII, считавшагося сыномъ Карла VI отъ Изабеллы Баварской, была очень сомнительна. Одно изъ наиболѣе интересныхъ наблюденій, усиленія и развитія наслѣдственнаго невроза, можно найти въ исторіи первыхъ королей Испаніи.

Неврозъ начинается, насколько мы могли прослѣдить, [1]) съ брака Іоанна II Кастильскаго съ Елизаветой Португальской, (1449) матерью королевы Изабеллы Кастильской, союзомъ которой съ Фердинандомъ Арагонскимъ (1469) образовалась Испанская династія. Около 350 лѣтъ спустя, эта прямая линія уничтожилась со смертью слабоумнаго Карла II Испанскаго. Отъ Іоанна II и до Карла II мы имѣемъ восемь поколѣній.

Мы много знаемъ о разныхъ лицахъ этого великаго дома, гдѣ и какъ они жили, съ кѣмъ вступали въ бракъ, какія у нихъ были дѣти и чѣмъ они покончили. Мы знаемъ ихъ правила и убѣжденія, ихъ успѣхи и разочарованія, ихъ надежды и опасенія. Даже ихъ сложеніе и наружность намъ извѣстны; ихъ портреты, писанные великими художниками Испаніи и Фландра, можно видѣть въ музеумѣ Мадрита, а разсказы лѣтописцевъ передаютъ намъ свѣдѣнія объ ихъ темпераментѣ, желаніяхъ и мельчайшихъ привычкахъ. Поэтому, трудно вообразить случай, гдѣ бы можно было подробнѣе прослѣдить проявленіе и усиленіе наслѣдственнаго страданія. Іоаннъ II Кастильскій, человѣкъ хотя нѣсколько образованный и любящій литературу, былъ во многихъ отношеніяхъ слабъ и глуповатъ. Онъ допускалъ своихъ фаворитовъ управлять всѣми дѣлами государства и на смертномъ одрѣ жаловался на судьбу, зачѣмъ онъ не родился механикомъ, а королемъ. Его продолжительное царствованіе, „если только это можно назвать царствованіемъ, такъ какъ оно являлось скорѣе продленіемъ несовершеннолѣтія“ было самое разрушительное для Кастиліи.

Онъ женился вторично на Изабеллѣ Португальской. Эта принцесса послѣдніе годы своей жизни была также помѣшанная. Она была мать королевы Изабеллы, которая, послѣ преждевременной смерти своего брата Альфонса, сдѣлалась наслѣдницей Кастиліи и, бракомъ съ Фердинандомъ Арагонскимъ, соединила оба королевства. Ни Фердинандъ, ни Изабелла, не выказывали признаковъ помѣшательства; оба они были сильны какъ физически, такъ и умственно. Характеры ихъ рас-

---

[1]) Might we carry the neurosis back to Pedro 1. of Portugal (1357—1367)? He was so whimsical, inconsistent, aud cruel, that it isdifficult to say whether he was „the incarnation of a demon“ or insane. His son, Fernando, was a deplorably weak prince. Fernando was sacceded by John I, a bastard son of Pedro. John married Phillippa, daugther of John of Gaunt, by whom he had, amongst otherchildren, a daughter, Jsabella. This princess was wedded to Philip the Good of Burgundy, und became the mother of Charles the Bold.

ходились: Фердинандъ хитеръ и безсердеченъ,—Изабелла—добра и любезна; но оба они трудились надъ уничтоженіемъ свободной конституціи своей страны, не воображая, что великая династія, созданная ими, покончится рядомъ слабоумныхъ принцевъ, рожденныхъ быть игрушкой въ рукахъ другихъ. У нихъ было 4 дѣтей, изъ которыхъ Іоаннъ умеръ молодымъ (1497), Марія, королева Португаліи, умерла 1498 году, а ея сынъ Инфантъ въ 1499 г., оставляя такимъ образомъ родительскій тронъ свободнымъ для Іоанны. Младшая сестра, Катерина, вышла за Генриха VIII Англійскаго. Историки обыкновенно говорятъ, что Іоанна помѣшалась послѣ смерти своего мужа, эрцгерцога Филиппа, оцепенѣвъ надъ его трупомъ въ ожиданіи, что онъ еще оживетъ. Подъ вліяніемъ своей ревности, она не впускала къ нему ни одной женщины; во время своей жизни онъ далъ ей слишкомъ много причинъ для ея ревности. Генрихъ VII Англійскій желалъ вступить въ бракъ съ Іоанной безразлично—здравой или помѣшанной, тѣмъ болѣе, что на ее болѣзнь смотрѣли, какъ на непрепятствующую ей производить насвѣтъ дѣтей [1]). Ее удалили отъ правленія Испаніей и заключили почти на 50 лѣтъ въ замокъ Tordesillas; но имя ея вездѣ въ документахъ присоединялось къ имени ея сына Карла, пока она не скончалась за нѣсколько мѣсяцевъ до его самовольнаго отреченія отъ престола.

По мнѣнію Bergenroth'a [2]), изучавшаго Испанскіе архивы и давшаго спеціальную статью о помѣшательствѣ несчастной королевы—помѣшательство ея было вымышленно и умышленно поддерживалось ея матерью, отцемъ, мужемъ и въ концѣ ея сыномъ. Онъ утверждаетъ, что ея заключеніе было устроено ея отцомъ Фердинандомъ и сыномъ Карломъ, съ цѣлью овладѣть государствомъ, тронъ котораго переходилъ, по правамъ наслѣдства, къ ней; такъ какъ, она послѣ смерти сво-

---

[1]) De Puebla wrote about this proposed marriage: — „There is no king in the world who would make so good a hus band to the Queen of Castile as the king of England, whether she be sane or insane.... Jfthe insanity of the queen should prove incurable, it would perhaps not be inconvenient that she should live in England. The English seem little to mind her insanity, especially since he has assured them that her derangement of mind would not prevent her from bearing children". — „Simancas Records of the Reign of Henry VII„. Edinburgh Review, 117, 1863, p. 404.

[2]) „Gustave Bergenroth: a Memorial Sketch" by W. C. Cartwright, 1870.

ей матери, королевы Изабеллы, и отца, являлась наслѣдницей престола Кастиліи и въ Арагонѣ. Bergenroth доказываетъ, что все время ея заключенія въ Tordesillas, повсюду распускали молву объ ея помѣшательствѣ и что когда она была освобождена изъ заключенія возстаніемъ коммунаровъ (1520), то все ее помѣшательство заключалось только въ томъ, что она не въ урочный часъ принимала пищу и ложилась спать.

Но нужно дополнить, что, кажется, на консиліумъ приглашались медики,—и если бы она была совершенно здорова, то трудно себѣ представить, почему она не присоединилась къ своимъ освободителямъ и не приняла власти, которую они такъ добивались передать ей.

Robertson [1]), говоритъ, что, еще задолго до заключенія Іоанны, у ней замѣчалась „глубокая и молчаливая меланхолія“; Prescott [2]) замѣчаетъ по извѣстіямъ, полученнымъ отъ очевидцевъ того времени, о раннемъ проявленіи ея умственной неустойчивости, которая выказалась въ 1503 г., 7 мѣсяцевъ спустя послѣ рожденія своего второго сына, Фердинанда.

„Сильно желая соединиться съ своимъ мужемъ, она однажды вечеромъ отправилась изъ Мединскаго замка del Campo, не заявивъ о своемъ отъѣздѣ никому изъ своихъ приближенныхъ. Однако ее догнали и употребили всѣ мѣры уговорить возвратиться, хотя бы на время ночи,—но все было напрасно, пока епископъ Бургоса, который наблюдалъ за нею, находя всѣ другія мѣры недѣйствительными, приказалъ запереть ворота замка, чтобы предотвратить ея отъѣздъ. Королева, видя неудачу своего предпріятія, предалась страшному негодованію. Она грозила смертью, приближеннымъ за ихъ непослушаніе, и, ставши у входа, не желала переступить порогъ замка. Дрожа отъ холоду, она не сходила съ мѣста и не захотѣла одѣться всю ночь.

Добрый епископъ находился въ страшномъ затрудненіи предъ непріятной дилемой: оскорбить королеву Изабеллу доносомъ на поведеніе принцессы, или оскорбить принцессу противодѣйствіемъ ея поступкамъ; поэтому онъ послалъ нарочнаго къ Изабеллѣ, объясняя ей все это дѣло и прося инструкцій ея на будущее время. Королева, жившая въ Segovia, въ разстояніи приблизительно около 40 миль, огорченная этими вѣстями, послала тотчасъ-же кузена короля, адмирала Henriquez, вмѣстѣ съ архіепископомъ Толедскимъ въ Медину и приготовилась сама ѣхать, какъ скоро ея слабое здоровье ей это позволитъ. Старанія этихъ важныхъ особъ не были много успѣшнѣе стараній епископа. Они только могли добиться отъ Іоанны, чтобы она на ночь укрылась въ сосѣднюю кухню, но какъ только показался свѣтъ, она требовала своего выхода къ воротамъ, гдѣ и простояла неподвижна какъ статуя весь день. Въ

[1]) Robertson's „Charles V“, London, 1857, vol. I, p. 173.

[2]) William Prescott, „History of the Reign of Ferdinand and Jsabella the Catholic of Spain.“ vol. II, pp. 271, 272.

этомъ состояніи нашла ее королева въ минуту своего пріѣзда и не малаго труда стоило королевѣ уговорить свою дочь возвратиться въ замокъ. Это были первые признаки наслѣдственнаго помѣшательства, омрачившіе послѣдніе дни матери Изабеллы и которые, съ небольшими промежутками, должны были сильнѣе обрушиться на долгую жизнь ея несчастной дочери.

Неясность этого вопроса [1]) вѣроятно зависѣла отъ крайняго нежеланія кастильцевъ сдѣлать гласнымъ помѣшательство королевы. Если мы должны вѣрить, что Іоанна была жертвой звѣрски ужаснаго комплота, то нужно предположить участниками этого дѣла кардинала и младшую дочь Іоанны Катерину, которая раздѣляла съ ней ея заключеніе; но нелегко будетъ доказать, почему ея претензіи не пошли далѣе, послѣ смерти ея мужа. Приверженцы этого принца были серьезно огорчены предположеніемъ, что Фердинандъ снова будетъ управлять Кастиліей и если-бы Іоанна была въ состояніи управлять, то они конечно не призвали на помощь отца Филиппа, Императора Максимиліана.

Поэтому многое, высказанное Bergenroth'омъ, можно объяснить предположеніемъ, что были времена, когда умъ Іоанны былъ совершенно ясенъ, что и дѣйствительно и всѣми подтверждается. Даже болѣе, онъ долженъ признать, что къ концу своей жизни, бѣдная королева перешла въ состояніе слабоумія.

„Она провела, онъ пишитъ, 35 лѣтъ въ своемъ вторичномъ заключеніи. Неудивительно послѣ этого, что постепенно ея разумъ слабѣлъ. Въ послѣдніе годы своей жизни она вѣрила, что въ нее вселился злой духъ, который и недозволялъ ей ни быть доброй, ни любить своихъ дѣтей, ни исполнять обряды Римской церкви. Ей казалось, что она видѣла, какъ большой котъ раздиралъ на части сердца ея отца и ея мужа. Но эти дикія видѣнія, нерѣдко прерывались періодами спокойнаго и здраваго сужденія. Физически она дошла почти до животнаго состоянія. Недѣлями и мѣсяцами она не вставала съ кровати, въ которой производились всѣ отправленія ея тѣла, при чемъ постель ея ни разу не очищалась. Двѣ вещи она не любила до конца жизни: ей было тяжело принимать пощи сѣщеніе кого либо изъ ея семьи, и, второе, ее тревожили религіозными церемоніями.

Ея сынъ, Императоръ Карлъ V, который занималъ тронъ вмѣсто своей матери, былъ одинъ изъ величайшихъ монарховъ Европы. Его жизнь доказываетъ справедливость изрѣченія, что помѣшательство и геніальность близнецы между собою. Въ юности онъ былъ человѣкомъ съ большой физической силой, очень дѣятеленъ, чрезвычайно проницателенъ, нравственно

---

[1]) Bergenroth's theory is carefully examined and rejected in an able artie in the Edinburgh Review, № 268, April, 1870.

силенъ и измѣнчиваго, непостояннаго интеллекта. Почти поптоянно занятый войнами и великими предпріятіями, онъ испыталъ въ жизни много хорошаго и дурного.

Иногда только онъ прорывался низостью и недобросовѣстностью, какъ по временамъ былъ подверженъ припадкамъ меланхоліи и глубокой религіозности. У него были дурные зубы [1]); его нижняя челюсть была длиннѣе верхней, почему верхніе и нижніе зубы не встрѣчались, что затрудняло жеваніе пищи и дѣлало его голосъ неяснымъ, къ концу фразы. Извѣстно, что у него было нѣсколько припадковъ эпилепсіи. Говорятъ, что эти припадки прекратились послѣ его женитьбы; но онъ все-таки сильно страдалъ головными болями, что и заставило его обрѣзать свои длинные волосы въ 1529 году. Онъ любилъ хорошо покушать, пилъ много вина и въ 30 лѣтъ получилъ подагру, отъ которой онъ сильно страдалъ. Его добровольное удаленіе хотя и необыкновенный поступокъ, но, конечно, весьма разумный. Причиною тому было его дурное здоровье. Отецъ Карла, эрцгерцогъ Филиппъ, былъ сынъ Максимиліана Австрійскаго и Маріи Бургундской, дочери Карла Смѣлаго. Марія Бургундская умерла 23 лѣтъ. Указанія поверхностнаго французскаго исторіографа на то, что помѣшательство было частымъ проявленіемъ Бургундскаго дома задало мнѣ много работы для изслѣдованія. Единственный добытый въ этой области признакъ умственнаго разстройства, состоялъ въ подозрѣніи, что разсудокъ Карла Смѣлаго былъ ненормальнымъ вслѣдствіе жестокаго пораженія его Швейцарцами, на которыхъ онъ такъ несправедливо нападалъ. Императоръ Карлъ имѣлъ одного брата, Фердинанда, который наслѣдовалъ ему, какъ императоръ, и четыре сестры: Элеонора, которая сперва была королевой Португаліи, а потомъ Франціи; Изабелла, сдѣлавшаяся королевой Даніи; Марія, королева Венгріи и Катерина, королева Португаліи.

Фердинандъ былъ основателемъ Германской вѣтви Австрійскаго дома. Его сынъ, Максимиліанъ, женился на своей кузинѣ Маріи, дочери Карла V. У двухъ, изъ шестнадцати, ихъ дѣтей, проявлялась наклонность къ неврозу. У Рудольфа II, эксцентричность и ипохондрія доходили до степени помѣшательства. Небрежный къ государственнымъ дѣламъ, онъ боль-

---

[1]) This description of the appearance and bodily condition of the emperor is taken from the workvof M. Mignet, „Carles Quint, son abdication, son séjour, et sa mort au monastèrè de Juste“. Paris, 1857.

ше занимался наукой и, наконецъ, былъ смѣщонъ своимъ братомъ Маттіасомъ. Case, историкъ Австрійскаго дома, говоритъ, что второй сынъ Максимиліана, Эрнестъ, былъ холоденъ и сдержанъ и до того сильный меланхоликъ, что его едва ли видѣли когда нибудь улыбающимся. Это все, что я знаю о наслѣдственномъ неврозѣ, преслѣдующемъ Австрійскій домъ, члены котораго такъ часто вступали въ бракъ съ Испанскимъ домомъ. Незаконный сынъ императора Карла V, Іоаннъ Австрійскій, отъ Варвары Бломбергъ, умеръ 29 лѣтъ, достигнувъ большихъ военныхъ почестей. Отъ фламандки Маргариты Вангестъ, Карлъ имѣлъ дочь, Маргариту Австрійскую, которая сдѣлалась регентшей Нижнихъ Провинцій. Она имѣла мужской характеръ и наслѣдовала отъ императора его любовь къ власти и подагрическій діатезъ. Первымъ бракомъ она была за Александромъ де Медичи, вторымъ за Октавіемъ Фарнезе, отъ котораго и сдѣлалась матерью знаменитаго Александра Пармскаго, удивительнаго, но эксцентрическаго генія и, безъ сомнѣнія, величайшаго генерала своего времени.

Таланты императора не перешли къ его законнымъ потомкамъ. Онъ женился на своей кузинѣ, Изабеллѣ, дочери Эммануила Великаго, короля Португаліи, отъ инфанты Маріи, дочери Фердинанда и Изабеллы. Онъ имѣлъ трехъ сыновей и двухъ дочерей, никто изъ нихъ не былъ помѣшанъ. Его старшій сынъ, Филиппъ II, человѣкъ слабаго сложенія и мрачнаго, упрямаго и подозрительнаго характера, былъ четыре раза женатъ. Его первая жена была его же кузина, Марія, дочь Іоанна, короля Португаліи и Катерины, младшей дочери несчастной королевы Іоанны, которая дѣйствительно воспиталась въ замкѣ Tardesillas, при своей матери. Наслѣдникъ этой блистательной, но несчастной родословной былъ Донъ Карлосъ, для котораго геній Otway и Шиллера сдѣлалъ такъ много, наградивъ его знаменитыми дарами и добродѣтелями, которыхъ онъ никогда не имѣлъ. Императоръ Карлъ, по дорогѣ къ своему мѣсту уединенія, монастырю Juste, видѣлъ Донъ Карлоса въ Валлодолидѣ, одинадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Карлъ сказалъ его сестрамъ: „Мнѣ кажется, онъ очень раздражителенъ, его манеры и наклонности не нравятся мнѣ и я не знаю, что изъ него будетъ со временемъ“ [1]). Намъ извѣстно отъ многихъ наблюдателей, что онъ былъ порывистаго и безпокойнаго характера, слабаго и неравномѣрнаго разума.

---

[1]) „Mignet“, p. 152.

Пяти лѣтъ онъ произнесъ первое слово. Различные послы описываютъ его такъ, что онъ былъ малаго роста, одна нога короче другой и одно плечо ниже другого; на спинѣ у него былъ небольшой горбъ, лобъ низкій, длинный выдающійся подбородокъ, своего дѣда, императора Карла, какъ это видно на его портретѣ. Онъ произносилъ слова съ трудомъ, особенно буквы l и r; борода его рѣдка и онъ былъ недостаточно мужественъ. Онъ жарилъ живыми зайцевъ и другихъ животныхъ, пойманныхъ на охотѣ. Его воспитатель, говоритъ Sir W. Stirling-Maxwell [1]).

„долженъ былъ признаться, что онъ никакимъ образомъ не могъ вселить въ него ни малѣйшей любви къ наукѣ, въ которой онъ весьма мало успѣвалъ; что онъ не только ненавидѣлъ свои книги, но не высказывалъ наклонности къ игрѣ въ палки или еще болѣе необходимой принадлежности юноши — фехтованію, наконецъ онъ такъ былъ неосторожень и неловокъ въ сѣдлѣ, что боялись позволять ему ѣздить верхомъ, чтобы онъ не упалъ. Императору, который такъ любилъ упражняться во всѣхъ мужскихъ забавахъ съ увлеченіемъ и искусствомъ, достойными настоящаго Бургундта, было непріятно убѣдиться, что доблесть герцога Карла и короля Максимиліана къ несчастію уменьшилась въ его сынѣ Филиппѣ и совершенно исчезнетъ въ слѣдующемъ поколѣніи“.

Въ 16 лѣтъ Донъ Карлосъ былъ отправленъ въ университетъ Alcala, гдѣ онъ сильно разбилъ себѣ голову. Это паденіе повело за собой рожу на головѣ; доктора предполагали переломъ и трепанировали черепъ. Нѣсколько дней онъ былъ при смерти; вмѣстѣ съ другими симптомами былъ бредъ и параличъ правой ноги.

Не удивительно, что нѣкоторые историки [1]) приписываютъ его послѣдующія странности разстройству интеллекта. Очень возможно, что это поврежденіе прибавило новое разстройство и безъ того уже нездоровому мозгу, хотя его юность была естественнымъ продолженіемъ его дѣтства и отрочества. Онъ рѣзко и безсмысленно нападалъ на духовенство и придворныхъ вельможъ, и совсѣмъ неприличнымъ обращеніемъ оскорблялъ женщинъ.

Prescott разсказываетъ, какъ онъ однажды заказалъ сапожнику пару сапогъ, приказавъ ихъ сдѣлать шире обыкновен-

[1]) „The Cloister Life of the Emperor Charles the Fifth“, by William Stirling, 1853, p. 145.

[1]) Coxe's „House of Austria“, vol. I. London, 1847, p. 487. „History of the Reign of Philip II, King of Spain“, by William H. Prescott, London, 1860. vol. II, pp. 470, 471. A very full biography of this prince will le found in the work of. M. Gachard „Don Carlos et Philippe II. Bruselles, 1863.

наго, чтобы вкладывать въ нихъ пару маленькихъ пистолетовъ; но отецъ его, узнавъ объ этомъ, запретилъ сапожнику исполнить приказаніе сына. Донъ Карлосъ, увидя, что его приказаніе не исполнили, страшно возмутился, прибилъ сапожника и приказалъ сапоги разрѣзать на куски, а кожу выварить и заставилъ сапожника съѣсть ее. Другой разъ, человѣкъ, занимающій деньги, съ обычною кастильянцамъ напыщенностью, объявилъ, что все, что онъ имѣетъ, предоставляетъ въ распоряженіе Донъ Карлоса. Карлосъ поймалъ его на словѣ и заставилъ заплатить себѣ 50,000 дукатовъ, которые и растратилъ.

Отецъ говорилъ о немъ, какъ о помѣшанномъ и обращался съ нимъ, какъ съ преступникомъ. Сумасбродства принца по отношенію къ другимъ онъ объяснялъ помѣшательствомъ, неповиновеніе же и проступки противъ себя онъ называлъ преступленіями. Донъ Карлосъ былъ по приказанію своего суроваго отца содержимъ въ строгомъ заключеніи; онъ нѣсколько разъ покушался на самоубійство, морилъ себя голодомъ и умеръ въ заточеніи 23 лѣтъ.

Отъ своей второй жены, Маріи, королевы Англійской, кузины его, Филиппъ не имѣлъ дѣтей. Есть вѣроятіе, что Марія Тюдоръ въ концѣ своей жизни страдала истерическимъ помѣшательствомъ. Отъ своей третьей жены, Елизаветы Французской, онъ имѣлъ двухъ дочерей, которыя сочетались бракомъ съ Австрійскимъ и Савойскимъ домами. Его четвертая жена была и его племянница, дочь Максимиліана II и Маріи, дочери Карла V. Папа, давшій разрѣшеніе на этотъ бракъ, не въ силахъ былъ спасти потомство отъ послѣдствій. Отъ этого брака, съ Анной Австрійской, Филиппъ имѣлъ трехъ сыновей и одну дочь, всѣ они умерли рано,—и одного сына, который и наслѣдовалъ послѣ него Испанскій престолъ, подъ именемъ Филиппа III. Въ царствованіе Филиппа II Испанія жестоко пала. Подъ властью королей, не могшихъ управлять королевствомъ, народъ дошелъ до рабской зависимости и не имѣлъ голоса въ своихъ собственныхъ дѣлахъ. Могущество Испаніи падало такъ же быстро, какъ оно и наступило. Филиппъ III самъ по себѣ былъ человѣкъ слабый и лѣнивый и находился въ рукахъ недостойныхъ фаворитовъ. Послѣ него вступилъ на престолъ Филиппъ IV, царствованіе котораго было періодомъ великихъ бѣдствій. Онъ былъ лѣнивъ и сластолюбивъ, но отъ природы довольно способенъ. Онъ имѣлъ понятіе въ изящныхъ искусствахъ и, го-

ворятъ, даже самъ написалъ трагедію. Его сынъ, Просперъ, скоро послѣ рожденія обнаружилъ конвульсивные припадки и скоро умеръ. Филиппу IV наслѣдовалъ его младшій сынъ Карлъ II. Объ этомъ несчастномъ принцѣ Лордъ Маколей, даетъ слѣдующее описаніе:

„Съ самаго рожденія его душа и тѣло были покрыты чешуей. Съ трудомъ едва замѣтная въ немъ искра жизни была раздута въ тусклое, мерцающее пламя. Его дѣтство, исключая то время, когда его въ теченіи сна укачивали напѣвая, было одно жалкое прозябаніе. До десятилѣтняго возраста онъ все время проводилъ сидя на колѣняхъ у женщинъ и не одного раза не былъ допущенъ встать на свои рахитическія ноги. Всякій городской мальчикъ, одѣтый въ тряпье, снятое съ пугала, и которыхъ такъ любилъ рисовать знаменитый Мурильо просящими милостыню или валяющимися въ пескѣ, — ни одинъ изъ этихъ бродяжекъ не былъ менѣе воспитанъ, чѣмъ нашъ властелинъ и повелитель тридцати милліоновъ подданныхъ. Самыя важныя происшествія въ исторіи его собственнаго королевства, самыя названія провинцій и городовъ, составлявшія его цѣнныя владѣнія, были ему неизвѣстны. Можно сомнѣваться зналъ ли онъ, что Сицилія островъ, что Христофъ Колумбъ открылъ Америку, или что Англичане не магометане. Въ молодости, хотя онъ и былъ слишкомъ глупъ для обученія или для занятій, онъ не уклонялся забавъ. Онъ стрѣлялъ, пускалъ соколовъ, ѣздилъ на охоту. Онъ, какъ истый Испанецъ, наслаждался двумя зрѣлищами: лошадьми, съ выпущенными наружу внутренностями и евреями, корчившимся въ огнѣ. Надѣялись, что въ періодъ наступленія болѣе серьезныхъ инстинктовъ, у него явится тяготѣніе къ женщинамъ и онъ оставитъ послѣ себя потомка. Его женили на принцессѣ изъ французской королевской фамиліи. Красота и грація его жены доставила ему только ничтожное наслажденіе: онъ любилъ украшать свою жену драгоцѣнными камнями, любилъ видѣть ее танцующею и разсказывать ей свои забавы съ своими собаками и соколами. Но скоро родилось подозрѣніе, что онъ былъ только номинально ея мужемъ. Она умерла и ея мѣсто заняла Германская принцесса, близкая родня императорскаго дома. Но второй бракъ, какъ и первый, былъ безплоденъ; и еще въ молодые годы короля всѣ политики Европы были увѣрены, что онъ будетъ послѣднимъ потомкомъ мужской линіи дома Карла V. Въ это время у него появилась стойкая и упорная меланхолія. Развлеченія, серьезно занимавшія его въ молодости, сдѣлались ему отвратительны. Онъ не находилъ болѣе удовольствія въ своихъ тенетахъ и рогатинахъ въ охотѣ на кабановъ, въ испанскомъ танцѣ, фанданго и въ боѣ быковъ. По временамъ онъ запирался въ своей комнатѣ отъ своихъ куртизановъ или бродилъ одиноко съ утра до вечера по глухимъ мѣстамъ, окружающимъ Эскуріаль. Время его небрежной лѣни дѣлилось между дѣтскими забавами и легкомысленной набожностью. Онъ наслаждался забавою съ рѣдкими животными и карликами. Когда ни рѣдкіе звѣри, ни карлики не были въ состояніи разсѣять его мрачное настроеніе, то онъ повторялъ слова молитвъ и догматы вѣры и ходилъ въ процессіяхъ. По временамъ морилъ себя голодомъ; иногда отдавался лѣченію. Въ даль-

нѣйшемъ теченіи болѣзни явилось осложненіе въ концѣ концовъ разстроившее его умственныя способности. Ему отказался работать желудокъ. Это и не удивительно, такъ какъ въ этомъ семействѣ было фамильное неправильное образованіе нижней челюсти, которое мѣшало жевать пищу и ее приходилось глотать цѣликомъ. Онъ былъ эпилептикъ и въ 35 лѣтъ потерялъ волосы и брови".

Этотъ монархъ, умершій въ 1700 году, оставилъ послѣ себя завѣщаніе, въ которомъ онъ уговариваетъ милліоны, находившіеся подъ его властью, въ пользу внука Людовика XIV французскаго. Соперничество за наслѣдство престоломъ другой линіи повело къ продолжительной войнѣ, окончившейся побѣдой Бурбонской династіи. На престолъ вступилъ Филиппъ V [1]).

Въ этомъ очеркѣ мы представили теченіе наслѣдственнаго невроза, преслѣдующаго Испанскую королевскую фамилію въ теченіи 350 лѣтъ. Иногда эта патологическая наслѣдственность дѣлала скачки и щадила отдѣльныхъ членовъ семейства, въ другой разъ она являлась болѣе легкой интенсивности. Вообще же она выражалась очень разнообразно въ формѣ эпилепсіи, ипохондріи, меланхоліи, маніи и тупоумія, пока, наконецъ, вся королевская Испанская линія совершенно не вымерла.

Пагубное дѣйствіе патологической наслѣдственности было усиливаемо браками между ближними родственниками, той же вѣтви родословнаго дерева. Достойно вниманія, что Австрійскій домъ, съ которымъ Испанскій домъ такъ часто и тѣсно сближался взаимными браками между своими членами, имѣлъ мало помѣшанныхъ и совершенно избавился отъ наслѣдственнаго вырожденія. Вся сила и храбрость первыхъ Испанскихъ королей передалась ихъ незаконнымъ наслѣдникамъ, законные же наслѣдовали только ихъ болѣзни. Не смотря на наслѣдственное страданіе королей, союзомъ съ Испаніей дорожили всѣ Европейскіе дворы; какъ примѣръ этому, мы вспомнимъ безумное стремленіе, высказанное Іаковомъ I Англійскимъ, женить своего сына Карла на инфантѣ Маріѣ. Кто вним-

---

1) It is not certaiu whether the neurosis ended with the Spanish House of Kings. Philip V. was the son of Louis the Dauphin, whose mother was Maria Theresa. daughter of Philip IV. of Spain, and wife of Louis XIV. She was estremely stupid. Philip resigned the crown of Spain twice through wenkness and indolence. His son and successor, Ferdinand VI, became insane. His brother, by another mother, Charles III. was a very able prince; but he had a son who was imbecile and declared incapable of reigning.

тельно относится къ фактамъ исторіи, тотъ знаетъ, что очень многое зависитъ отъ рожденія, но не отъ номинальнаго, покрываемаго закономъ и геральдикой. Человѣкъ хорошо сложенный, сильный, разумный, способный и устойчивый въ жизни, de facto представляетъ собою индивидъ хорошаго рода; напротивъ, семейство, подверженное эпилепсіи, помѣшательству, золотухѣ и проч., какое бы ни было его внѣшнее положеніе, представляетъ собою родъ низкаго разряда и на дѣлѣ не стоитъ продолженія. Королевскія фамиліи Европы захотѣли было не подчиниться этому положенію, какъ будто обладаніе политической властью можетъ ихъ оградить и давать особыя ограниченія и преимущества. Въ заключеніе и вышло то, что морганитическіе браки послужили къ подкрѣпленію и усиленію царствующихъ династій. Если бы народъ, управляемый ими и очень заинтересованный ихъ положеніемъ, имѣлъ право вліять на браки династій, то онъ запретилъ бы имъ вступать въ брачный союзъ съ династіями, имѣющими наклонность къ помѣшательству и вырожденію, такъ какъ этимъ обусловливается не только несчастье семьи, но и управляемой націи отъ безумства грядущихъ наслѣдниковъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Святой Францискъ Ксавье, апостолъ Индіи.

Португальцы, какъ извѣстно, первые подняли свой флагъ въ Индѣйскихъ водахъ. Въ 1497 году Васко де Гамма обогнулъ бурный Мысъ и высадился въ Каликутѣ на Малобарскомъ берегу. Усовершенствованіе кораблестроенія и ловкость управленія кораблемъ, позволившія достигнуть до этого пункта, помогли имъ пуститься и далѣе въ море. Ихъ неуклюжіе корабли вооруженные немногими грубыми артиллерійскими снарядами, разбили однако легкія лодки скромныхъ мореплавателей Индѣйскаго океана также легко, какъ Англійскіе и Голландскіе матросы разбивали пиратскіе пороги въ острововъ Зундскаго пролива. Португальцы были тираны морей и ужасъ пилигримовъ Мекки. Они завладѣли нѣсколькими морскими станціями, между прочими Ormuz Diu, Malacca и нѣсколько изъ Moluccus, откуда они могли господствовать надъ дорогой на востокъ. Два раза они пытались взять Aclen, но безъуспѣшно. Goa была ихъ столицей; изъ нея они управляли почти всѣми городами на Малобарскомъ берегу. Но мелкіе владѣтели, раздѣлявшіе между собой югъ Индѣйскаго полуострова, не поколерились безъ сопротивленія господству Португальцевъ, чью жестокость и обманъ, они скоро возненавидѣли. Непрерывная серія мелкихъ войнъ, хотя всегда кончавшихся въ пользу Португальцевъ, была слишкомъ тяжела для страны, народонаселеніе которой затѣяло столько широкихъ внѣшнихъ предпріятій въ Индіи, Африкѣ и Америкѣ. Возрастающее могущество Испаніи печалило ихъ дома, а соперничество Испанцевъ на морѣ привело ихъ въ отчаяніе въ колоніяхъ тѣмъ паче, что Португальцы все болѣе и болѣе запутывались въ враждебныхъ отношеніяхъ съ націями сѣвернаго берега Африки. Поэтому Португальцы заботились, чтобы ихъ владѣнія въ Индіи стали въ болѣе прочное и мирное положеніе, которое могло бы спасти половину большого гарнизона, необходимаго для поддержанія покоя, въ столькихъ разбросанныхъ постахъ, на берегу постоянно враждебныхъ племенъ.

„Послѣ многихъ разсужденій въ Португальскомъ Совѣтѣ, дабы изыскать какія либо мѣры, которыя бы въ будущемъ примирили Индѣйцевъ, рѣшено было прибѣгнуть къ помощи религіи, беря во вниманіе полученныя отъ этой мѣры плоды въ королевствѣ Канго“ [1]). Это было очень понутру королю, Джону III, и его брату кардиналу Генриху, который благопріятствовалъ новому ордену Лойолы и ввелъ въ Португалію инквизицію (1533); черезъ Португальскаго посланника въ Римѣ было предложено папѣ, послать нѣсколькихъ отцевъ іезуитовъ миссіонерами въ Индію. Были посланы Франциск Ксавье и Симонъ Родригецъ.

Франциск Ксавье родился 7-го апрѣля 1506 года [2]) въ дворянской семьѣ въ Наваррѣ. Его братъ избралъ военное поприще, а сестра Магдалина сдѣлалась игуменьей въ монастырѣ. Дядя его по матери былъ знаменитый профессоръ теологіи въ университетѣ въ Coimbra. Франциск, младшій въ семьѣ, отправился учиться въ Парижъ. Въ это время ученіе Лютера поглотило все вниманіе передовыхъ людей Европы, но оно не имѣло никакого вліянія на религіозные взгляды Ксавье. Во время его обученія въ коллегіи Св. Варвары въ Парижѣ, онъ привлекъ вниманіе искуснѣйшихъ оппонентовъ реформаціи. Говорятъ, что гордый, молодой схоластикъ, вначалѣ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на скромнаго и неученаго Игнатія Лойола; но Игнатій настойчиво искалъ съ нимъ знакомства и наконецъ достигъ того, что привлекъ его къ своему новому ордену. Онъ неустанно нашептывалъ Ксавье изрѣченія писанія: „какая польза человѣку, аще міръ весь обрящетъ, душу же свою отщенитъ“.

Въ день Успѣнія Пресвятой Богородицы, 1534 г. Игнатій Лойола, Франциск Ксавье, Петръ Лефевръ съ тремя испанцами и однимъ португальцемъ отправились въ подземную часовню въ Mont Martre, гдѣ они принесли четыре клятвенныхъ обѣта: нищенства, дѣвственности, путешествія въ святую землю и обѣщаніе посвятить себя обращенію невѣрныхъ.

---

[1]) Osorius, „Histoire de Portugal, Contenant les Gestes Memorables des Portugallois dans les Indes“, Liv. xx. Paris, 1588.

[2]) I have given the date accepted by most of his biographers. Lucena says that he was born in 1497, that is nine years earlier. See „Historia da Vida do Padre S. Francisco de Xavier, Composta pelo Padre Joam de Lucena, da Mesma Companhia de Jesu“. Tomo i., p. 13. Lisbon, 1788. The younger age seems to me to agree better with some allusions in Xavier's own letters.

Таковы были основы іезуитизма, долженствовавшаго получить репутацію совершенно противуположную христіанству. Хорошо знакомый съ человѣческой натурой въ ея созерцательныхъ и религіозныхъ взглядахъ, Игнатій Лойола зналъ, какъ дѣйствовать на души своихъ послѣдователей. Предстоящія духовныя и религіозныя упражненія были направлены къ установленію новыхъ законовъ для тѣхъ, кто обыкновенно болѣе другихъ вліяетъ на воображеніе людей, и такимъ образомъ придать жизни совершенно новую цѣль. Поэтому Францискъ Ксавье, уподобляясь въ этомъ случаѣ болѣе Игнатію, чѣмъ самому себѣ (jam Ignatii quam sui similior), предложилъ ввести въ жизнь практическое положеніе, такъ выраженное въ „ученіи" основателя іезуитскаго ордена" [1]).

„Необходимо быть совершенно равнодушнымъ ко всему мірскому, насколько это допускаетъ и не воспрещаетъ наша свободная воля. Такъ мы не должны желать болѣе здоровья, чѣмъ болѣзни, богатства, нежели бѣдности, почестей болѣе, чѣмъ униженія, долгую жизнь болѣе, нежели краткую; такъ и всего другого; мы должны желать и выбирать жизнь такую, которая привела бы насъ къ концу, для котораго мы созданы".

Подобное ученіе, хотя и не подъ силу обыкновеннымъ людямъ, нѣкоторыми было воспринято почти цѣликомъ; между этими послѣдними мы можемъ назвать нѣсколькихъ первыхъ отцовъ—послѣдователей ордена Іисуса.

Вскорѣ послѣ собранія въ Mont Martre, Францискъ Ксавье отправился въ Венецію, гдѣ онъ ухаживалъ за страждущими, въ госпиталѣ для неизлѣчимыхъ больныхъ. Онъ велъ очень строгую жизнь. Люцена говоритъ, что онъ по четыре дня сряду не принималъ пищи.

Ксавье получилъ миссію въ Португалію по просьбѣ самого короля, обращонной къ папѣ; миссія эта вполнѣ соотвѣтствовала силѣ и призванію его.

Когда Францискъ Ксавье и Симонъ Родригецъ пріѣхали въ Лиссабонъ, строгость ихъ жизни такъ сильно повліяла на Португальскій дворъ, что король задумался, не оставить ли ихъ при себѣ. Было рѣшено, что Францискъ Ксавье съ двумя помощниками отправится на мѣсто назначенія, а Симонъ Родригецъ останется въ Португаліи. Симонъ Родригецъ основалъ іезуитскую коллегію въ Coimbra и, бывши духовникомъ короля, онъ съумѣлъ быть полезнымъ миссіи.

---

[1]) „Exercitia Spiritualia S. P. Ignatii de Loyola". Romae, 1861, p. 27. См. Lucena. Tomo i., liv. i., cap. iii.

Ксавье отправился въ Индію на томъ же кораблѣ, на которомъ ѣхалъ вице-король Мартинъ Альфонсъ де Суза. Когда онъ оставилъ Лиссабонъ, ему было 35 лѣтъ отъ роду, изъ которыхъ 7 лѣтъ онъ уже служитъ ордену Лойолы, систему, правила и политику котораго онъ вполнѣ изучилъ. Онъ высадился въ Гоа 6-го мая 1542 года, послѣ 13-ти мѣсячнаго путешествія.

Сравнивая дѣйствія англичанъ въ первые дни ихъ индійской компаніи съ положеніемъ нравственности, посѣянной тамъ португальцами до проповѣди Ксавье, первая покажется далеко лучшею. Его біографъ утверждаетъ, что „каждый португалецъ имѣлъ у себя нѣсколько наложницъ изъ туземокъ. Убійство было обыкновеннымъ дѣломъ. Правосудіе продавалось въ судахъ и самыя ужасныя преступленія наказывались только тогда, когда преступники ничего не имѣли, чтобы подкупить своихъ судей... Преступленія, доказанныя судомъ, были только мѣриломъ величины взятки судей“.

Португальцы были страшно богаты; единственный рынокъ дорогихъ товаровъ востока былъ „Casa da India“ въ Лиссабонѣ. Религія была позабыта и даже ханженство, характеристичная черта Испанскаго полуострова, казалось заснувшимъ. Францисканцы сдѣлали нѣсколько попытокъ религіознаго обращенія между туземцами и рабами португальцевъ, но безъ желаемаго успѣха. Первымъ послѣдствіемъ проповѣди Ксавье было появленіе признаковъ нравственнаго возрожденія среди самыхъ португальцевъ, которые, казалось, послѣдовали его внушеніямъ. Лицамъ, знакомымъ съ тѣмъ, какъ трудно достигаютъ успѣха наши миссіонеры и какого длительнаго на это требуется времени, успѣхъ проповѣди Ксавье покажется чѣмъ то изумительнымъ. Это вытекаетъ изъ двухъ особенностей, одна изъ которыхъ заключается въ самомъ проповѣдникѣ, другая внѣ его.

Францискъ Ксавье былъ высокаго роста, скорѣе сухощавый, но пропорціонально сложенный, съ черными волосами, красивый, съ голубыми глазами. Выраженіе его лица было живое и веселое; его разговоръ пріятенъ и любезенъ для всѣхъ. Смѣсь интеллектуальной энергіи и мужественной силы съ храбростью, которая ни передъ чѣмъ не остановится и полное отреченіе своего я сдѣлали изъ Ксавье одну изъ тѣхъ личностей, которыя вездѣ и надъ всѣми господствуютъ. Вѣроятно Кастеляръ думалъ о немъ, когда сравнивалъ генерала

Гордона съ первымъ іезуитскимъ миссіонеромъ[1]). Народы Индіи легко поддаются крайностямъ. Они отличаются нѣкоторою неустойчивостью и несоразмѣрностью какъ въ религіи, такъ и въ литературѣ. Поэтому громадная энергія и аскетизмъ жизни новаго апостола ихъ особенно сильно поразили. Извѣстно, что у браминовъ было древнее правило: даже самый дурной человѣкъ могъ помощью ужасныхъ испытаній возвыситься до того, чтобы господствовать надъ богами; ихъ священныя книги полны примѣрами длительныхъ постовъ и самоистязанія, повидимоту, выше человѣческихъ силъ, которыя должны были выполнять желающіе достичь святости. У магометанъ были тѣже правила. Исторія ислама указываетъ на многіе примѣры святыхъ, посвящающихся свою жизнь самому строгому умерщвленію своей плоти; и лѣтописи тѣхъ временъ[2]) указываютъ, какимъ громаднымъ почетомъ и религіознымъ обожаніемъ пользовались эти аскеты. Между тѣмъ Францискъ Ксавье былъ настолько строгъ и созерцателенъ, какъ едва ли какой-нибудь изъ факировъ. Онъ сдѣлалъ себѣ одну одежду, служившую ему и сюртукомъ и верхнимъ платьемъ, питался однимъ кускомъ хлѣба, при чомъ и тотъ добывалъ се-

---

[1]) The following passage lately appeared in a newspaper. In an article in the Dia, Senor Castelar says: „Gordon, the Chinese, the Egyptian, the Nubian, the Abyssinian, the merchant, the warrior, the visionary, the clairvoyant, the strange being admired and marvelled at for his great abilities and his extraordinary exploits, is the greatest type of originality among the Saxon races. Casting my eyes back over the heroes of Spain, I find men with whom I would rather compare him than with any hero of our modern times. I do not compare him to our first discoverers of the New World, in whom the character of the warrior predominates over any other character; I would rather compare him to the first Jesuit missionaries, and among them to the first explorers of India and China. The missionary and the explorer are with great felicity united in the Pacha and the Briton, as they were united in the Jesuit — an incomprehensible mixture of asceticism and worldliness, vehement and clever, with prophetic prevision and mathematical calculation, an informal combination of individual sacrifice and mercantile egotism..... Pure morals, firm faith, and a practical mind these are the qualities recognised in the history of the Asiatic apostles; and such are the prominent characteristics of General Gordon".

[2]) There are some remarkable instances of the political influence of fakirs and dervisches in the first volume of Erskine's „Babei and Hamaion". См. также: „Purchas his Pilgrimes", Lib. iv., chap. iv., § 7; and the autobiography of Jehangir. On the wonderful penances demanded from Hindu devotees, see the „Ayeen Akhery", vol. ii.

бѣ чаще всего милостиней. Рѣдко онъ спалъ болѣе 4 часовъ въ сутки и его сонъ часто прерывался видѣніями и религіозными восклицаніями. Онъ ходилъ босой подъ палящимъ солнцемъ Индіи, съ колоколомъ въ рукахъ, призывая народъ слушать себя. Все свое время онъ проводилъ проповѣдуя или научая своихъ подчиненныхъ; онъ дѣлалъ все, что могъ, чтобъ пренебречь мірскія почести, хотя онъ не отвергалъ мірскаго вліянія. Не только индусы, но даже и муссульмане были поражены его аскетизмомъ жизни и тѣмъ не менѣе, не смотря на могущій явиться у муссульманъ взглядъ на Ксавье, какъ на пророка среди своего народа, не смотря на признаніе за нимъ нѣкоторой частицы чудесной власти, которою они такъ щедро отпускали своимъ собственнымъ святымъ, — все-таки, даже все это вмѣстѣ взятое не побудило бы ихъ оставить свою собственную религію и касту. Францискъ Ксавье, былъ краснорѣчивый и убѣдительный проповѣдникъ, его письма доказываютъ, что онъ обладалъ силою и ясностью выраженій съ глубокимъ знаніемъ искуства покорить своихъ слушателей. Но это въ настоящее время приносило ему мало пользы, онъ до сихъ поръ еще не зналъ тамильскаго нарѣчія. Его первыя проповѣди заключали въ себѣ повтореніе главныхъ основъ католическаго вѣроисповѣданія, съ коротким въ введеніемъ къ своимъ слушателямъ, дабы они восприняли его ученіе. Хотя впослѣдствіи онъ имъ былъ въ состояніи говорить по тамильски, онъ все-же не достигъ того, что бы свободно могъ излагать публичную рѣчь на этомъ нарѣчіи.

Другія причины успѣха его пропоганды имѣли мірской характеръ. Съ самаго начала Ксавье была обѣщана Португальскимъ правительствомъ поддержка и помощь,—и онъ никогда не отказывался просить или признавать преимущества, получаемаго изъ этого обѣщанія. Сначала онъ старался уничтожить идолопоклонство въ Гоа, потомъ проповѣдывалъ, среди ловцовъ жемчуга южнаго берега Индіи, многіе изъ которыхъ тотчасъ же согласились креститься подъ обѣщаніемъ, что ихъ будутъ защищать отъ нападенія магометанъ.

„Иногда случается“, онъ пишетъ, „что я крещу цѣлый городъ въ одинъ день; этому много способствуетъ покровитель Индіи, отчасти потому, что онъ другъ и покровитель нашего общества, а также и потому, что онъ не терпитъ никакихъ убытковъ, покровительствуя пропагандѣ вѣры. При его помощи, мы имѣемъ на этомъ берегу тридцать христіанскихъ городовъ“.

Ксавье обращалъ въ свою вѣру самымъ простымъ образомъ: онъ добылъ переводъ на малобарскій языкъ правилъ исповѣданія вѣры и различныхъ частей катихизиса, выучилъ ихъ наизустъ и повторялъ ихъ народу, который, при довѣріи къ тому, что слышали, тотчасъ же крестился. Немного позднѣе, не довольствуясь энергіей или содѣйствіемъ португальскаго начальства, Ксавье отправилъ посла къ королю Португаліи, чтобы получить болѣе широкія инквизиторскія права. Новый вице-король былъ присланъ съ инструкціями, желаемыми Ксавье [1]). Таковы были постановленія инквизиціи въ Гоа и на островѣ Сальсетта: всѣ идолы должны были быть разбиты; всѣ тайные идолопоклонники наказывались; никто не смѣлъ принять въ свой домъ брамина; всѣ доходы мечети отбирались и дѣлились между христіанами; никакая публичная служба язычникамъ не позволялась; Cochin'скій король долженъ былъ защищать крещенныхъ Индусовъ отъ преслѣдованія; было запрещено продавать рабовъ язычникамъ и ловля жемчуга вполнѣ отдавалась въ руки христіанъ, если это найдетъ нужнымъ Ксавье. Его письма достаточно указываютъ, что онъ не задумывался употреблять въ дѣло данную ему широкую власть. Онъ вѣрилъ, что господство Португаліи надъ Индіей было наградой про-

---

[1]) Jarric, „Histoire des Choses plus mémorables advenues tant ez Indes Orientales que autres Pais de la descouverte des Portugais en l'establissement et progrez de la foy". Bourdeaux, 1608. Liv. ii., pp. 309-13. Mr. Venn, who has written the life of Xavier from a Protestant and critical point of view, accuses him of inconsistency in clinging to temporal aid. См. „The Missionary Life and Labours of Francis Xavier", by Henry Venn, London, 1862.

In an able and not entirely undeserved criticism of this work in the Dublin Review, July, 1864, the reviewer denies that Francis Xavier used the assistance of the secular power of the Portuguese to help out his conversions. There is no space here to quote from authorities. Let the reader who wishes to find proof for himself compare pp. 38-42 of the article in the Dublin Review with the original letter of Xavier there cited, and with Lucena, „Vida do Padre S. Francisco de Xavier", tomo i., livro i., cap. xxii.: and with „La Vie de Saint-François Xavier", par D. Bouhours, Paris. 1783, liv. iii., pp. 133-6; and L'Histoire des Choses plus mémorables ez Indes orientales", &c., par Jarric, liv. ii. chap. ii.

In the „Epistolæ Indicæ", pp. 261-288, and in the work of Jarric (см. liv. ii. chap iii. and iv., and also liv. v.), there are accounts written by the Jesuits themselves of the violent and reckless manner in which the inhabitants of the islands round about Goa, as well as those of the mainland of Salsette, were forced to become Christians by Xavier's immediate successors at the College of the Holy Faith.

видѣнія за пропаганду христіанской вѣры. Безъ сомнѣнія сила законно и систематически примѣненная и поддержанная проявляла во многихъ случаяхъ свое дѣйствіе на перемѣну религіи невѣжественнаго народа, но позволительно спросить—законно-ли такое ея примѣненіе, чтобы грѣховное созданіе получило право водворять свои собственныя религіозныя убѣжденія въ народѣ преслѣдованіемъ и кровопролитіемъ.

Въ то время это едва-ли вызывало малѣйшее сомнѣніе въ какой-либо Европейской странѣ. Цвингли, Кальвинъ и Кноксъ были вполнѣ готовы употребить оружіе современной власти, противъ католиковъ также точно, какъ Ксавье противъ язычниковъ. Ксавье высказывалъ самое скромное о себѣ мнѣніе, но церковь была безгрѣшна и тѣхъ, кто умиралъ внѣ ея лона ждали вѣчныя муки. Что было дурного нанести легкую временную непріятность ослѣпленному идолопоклоннику, если была надежда спасти его въ будущемъ отъ вѣчныхъ мученій? Можно-ли укорять вѣрующаго, что ребенокъ можетъ быть спасенъ отъ проклятія, если онъ былъ окропленъ водой въ сопровожденіи нѣсколькихъ латинскихъ словъ, произнесенныхъ надъ нимъ и если онъ умретъ ранѣе, чѣмъ произведено было надъ нимъ крещеніе,—при такихъ условіяхъ кто обвинитъ его за вырываніе ребенка изъ рукъ матери и произведеніе надъ нимъ необходимой церемоніи? Ксавье чувствовалъ большое наслажденіе, думая, что помощью обряда крещенія, онъ спасъ души тысячи младенцевъ; онъ надѣялся, что они на небѣ будутъ его посредниками у Бога въ молитвѣ за успѣхъ его миссіи.

Послѣ трехъ лѣтъ проповѣди на берегахъ Индіи, Ксавье отправился въ Малаку, откуда онъ сдѣлалъ нѣсколько опасныхъ путешествій среди Малакскихъ жителей и по окружнымъ островамъ. Португальцы только что сдѣлали нѣсколько покореній на востокѣ индѣйскаго океана, чтобы сдѣлать болѣе безопаснымъ путь для богатаго сбыта пряностей. Въ это время магометанство было распространялось на нѣкоторыхъ островахъ частью добровольными обращеніями, частью оружіемъ, и потому многіе изъ предводителей пожелали лучше быть крещенными, чѣмъ подчиниться закону ислама. Соединяя въ себѣ изслѣдователя, путешественника, политическаго агента и миссіонера, Ксавье прислалъ въ страну нѣсколько интересныхъ описаній этихъ ново-открытыхъ острововъ. Не смотря на помощь Португаліи, онъ перенесъ много опасностей, утомленія и приключеній, чтобы составить репутацію путешественника нашего времени. По возвращеніи къ своимъ старымъ обращеннымъ

Индусамъ, послѣ почти двухлѣтняго отсутствія, онъ былъ пораженъ не встрѣтивъ въ нихъ никого чувства благодарности, или пріязни. „Туземцы“, онъ пишетъ, „имѣютъ такую ненависть къ христіанству, что даже обидно говорить объ этомъ. Предложеніе сдѣлаться христіаниномъ, тоже что предложеніе смерти“. Въ другомъ письмѣ онъ сознается, что „больше можно надѣяться сдѣлать съ этимъ народомъ помощью любви, чѣмъ помощью ужаса“.

Должно добавить, что индійскіе апостолы пользовались поддержкой не только іезуитовъ [1]), но также миссіонеровъ и другихъ орденовъ, точно также какъ и туземными проповѣдниками и законоучителями. Ксавье оставилъ за собой тяжелое путешествіе въ мѣста, которыя еще до сихъ поръ не посѣщалъ ни одинъ проповѣдникъ христіанства, и его смѣлое и нетерпѣливое воображеніе унеслось на далекій востокъ, внося уже и туда Крестъ Господній.

Острова Японіи, только что сдѣлавшіеся извѣстными Европѣ послѣ путешествія Марко Поло, были извѣстны португальцамъ только 8 лѣтъ ранѣе и Ксавье, во время пребыванія своего въ Малакѣ, разговаривалъ съ мореплавателями и купцами, бывшими на ихъ берегахъ. Японецъ по имени Анжееро (Hansiro), преслѣдуемый за смертоубійство, бѣжалъ въ Малаку на португальскомъ кораблѣ; имъ овладѣло настоящее или поддѣльное желаніе быть крещеннымъ; въ Малакѣ его провели къ Ксавье, который отослалъ его въ Гоа. Тутъ онъ быстро научился португальскому языку и крестился подъ именемъ Павла. Въ одномъ изъ болѣе курьезныхъ документовъ въ „Epistolae Indicae“ 2) есть краткій отчетъ объ Японіи, писанный по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ этимъ человѣкомъ.

Миссіонеры, казалось, были поражены въ первое время внѣшнимъ сходствомъ [3]) между буддизмомъ и католицизмомъ: авторъ

---

[1]) In a letter, dated Cochin, 14th January, 1549, Xavier enumerates twenty Jesuit missionaries already in the Indies, four of whom were at the Moluccas, two at Malacca, and four at Socotra.

[2]) „Epistolæ Indicæ“, Louvani, 1566, pp. 175-198.

[3]) The resemblance between the Buddhist and Roman Catholic ritual was noticed by Xavier, though it does not appear to have struck him so forcibly as we might expect. См. his letter, Kagosima, 3rd Nov. 1549, and the note in the French translation, Brussels, 1838, vol. ii. p. 160. It is noticed by Bouhours, „Vie de Saint-François Xavier“, in his chapter on Japan, and by Bartoli, „De Vita et Gestis Sancti Francisi Xaverii“, Lyons, 1666, a translation from the original Italian, lib. iii. cap. vi. See also Alcock's „Japan“, vol. i.

находитъ въ Японіи большее количество доктринъ непогрѣшимой церкви: одного Бога, чудесное зачатіе, Тройцу, адъ, чистилище, рай, ангеловъ, поклоненіе святымъ и существованіе одной живущей верховной главы церкви. Доктрины Ксагуа (Xagua) были по его словамъ вывезены чрезъ Китай въ Японію за 500 лѣтъ изъ королевства къ западу отъ Китая, называвшагося Cegnico, которое онъ, повидимому, принимаетъ за святую землю, мало помышляя о томъ, что это именно была та страна, гдѣ онъ находился. Христіанство, какъ только что узналъ авторъ отъ епископа армянской церкви, уже было однажды проповѣдуемо въ Китаѣ. Оно могло, какъ онъ полагаетъ, быть измѣнено и извращено какимъ нибудь лжеучителемъ, подобнымъ магомету, а потому Ксавье, долженъ будетъ только возстановить настоящую вѣру въ ея естественной чистотѣ. Нѣкоторые изъ аналогичныхъ пунктовъ, упомянутыхъ въ краткомъ очеркѣ, были вполнѣ фантазіей, хотя двѣ религіи, независимыя по происхожденію, не могутъ болѣе походить одна на другую по внѣшности обрядовъ и въ тоже самое время болѣе расходиться въ существѣ, какъ религія буддистовъ и римско-католическая. Всякій, кто когда-либо былъ въ храмѣ буддистовъ, не могъ не замѣтить сходства этого храма съ католической капеллой: живопись, употребленіе колоколовъ и четокъ, точно такое же поклоненіе мощамъ, бритыя головы, холостые священно-служители въ ихъ длинныхъ платьяхъ (рясахъ съ широкими рукавами, произнесеніе молитвъ на мертвомъ языкѣ, мѣрное пѣніе, сожиганіе ладона, монашескіе ордена, монахини, анахореты и другіе обряды, характеристичные обоимъ религіямъ, цѣлыми вѣками соблазняли католическихъ миссіонеровъ придавать буддизму названіе діавольской имитаціи (подражанія) христіанства и заставили ученыхъ заключить, что обряды одной религіи заимствованы изъ другой, хотя не было рѣшено, которая изъ нихъ была подражательницей.

Заботливо устроивъ дѣла въ семинаріи святой вѣры и миссіи въ Гоа, Францискъ Ксавье отправился изъ Малаку 14-го апрѣля 1549 года. Іюня 24-го онъ отправился въ Японію съ Анжеро и его двумя спутниками въ китайской пирогѣ, принадлежавшей знаменитому пирату, союзнику португаль-

---

p. 336, vol. ii. p. 309. The Catholic ritual has in like manner been mistaken for that of Buddhism. Jerome Xavier (Francis' nephew), while residing at the court of the great Akber, was informed by a traveller that the people of Cathay were Christians, which induced the father to send a missionary to China through Thibet.

цевъ, оставившему въ ихъ рукахъ залогъ за безопасность путешествія апостола [1]).

Добрые отцы были достойно скандализированы совмѣстнымъ поклоненіемъ маленькой иконѣ, которую онъ поставилъ на кормѣ своей пироги и совѣщаніемъ съ діаволомъ объ ихъ судьбѣ. Это путешествіе, опасное даже въ наше время, тѣмъ болѣе было опасно въ то время, когда изъ 3-хъ португальскихъ судовъ, пускающихся въ этотъ путь, два погибали. Самъ Ксавье въ письмѣ, писанномъ имъ изъ Гоа, поименовываетъ всѣ опасности: скалы, рифы, проливы, запруженныя пиратами,—но прибавляетъ: „Господь не держитъ-ли бурю въ своихъ рукахъ“?

Ксавье и его спутники вышли на берегъ въ Когозима, мѣсто родины Анжеро, гдѣ Ксавье гостепріимно былъ принятъ губернаторомъ, должностными лицами и другими высшими особами города. Апостолъ не былъ въ состояніи начать свою миссію тотчасъ же, хотя его біографы и увѣряютъ, что онъ въ то время уже зналъ языки.

„Мы здѣсь“, пишетъ онъ, „какъ статуи: они говорятъ намъ, дѣлаютъ намъ знаки, а мы стоимъ молча. Мы снова превратились въ дѣтей и все наше настоящее занятіе состоитъ въ изученіи правилъ японской грамматики“.

Его первыя впечатлѣнія объ Японіи были пріятны и напоминаютъ намъ воспоминанія нашего посланника Лорда Эльджина, когда послѣ продолжительнаго промежутка времени эти острова были снова открыты для Европейской коммерціи. Японія тогда была подъ номинальнымъ правленіемъ Даири или Микадо, жившаго въ Meaco (kioto); новая его власть была сведена къ привилегіи роздавать титулы. Авторитетъ Сиво или Siogun былъ ослабленъ и острова были раздѣлены между 14-ю королями [2]), они же замѣстили туда начальниками своихъ подчиненныхъ, а эти въ свою очередь претендовали на большую или меньшую степень независимости, сообразно ихъ силѣ и дѣятельности. Ихъ сила заключалась въ количествѣ вооруженныхъ слугъ, заслуги которыхъ они награждали по-

---

[1]) Tursellinus, „De Vita Francisci Xaverii“, 1596, lib. iii. cap. xix.; Lucena, „Vida“, livro vi. capitulo xiv. p. 413.

[2]) Solier, „Histoire ecclésiastique dəs Isles et Royaumes du Japon“, Paris, 1627, enumerates sixty-six independent kings, over whom the Dayri was nominally paramount. But what extensive knowledge would it demand to prove such a proposition? We have taken the number given by Angero in „Epistolis Indicis“, ut cit.

дарками земель. Купцовъ было мало, а о развитіи земледѣльческаго класса мало заботились. Въ то время Японія славилась своимъ золотомъ и жемчугомъ, но, вслѣдствіе незначительной торговли, страна оставалась бѣдной. Искусства въ Японіи прогрессировали на столько же, какъ и въ Европѣ. Ксавье повидимому смотритъ на японцевъ, какъ на націю, не отставшую отъ Европейской цивилизаціи и говоритъ о Меасо, какъ о городѣ, большемъ Лиссабона. Онъ упоминаетъ о тѣхъ-же странныхъ обычаяхъ, о которыхъ разсказываютъ и новѣйшіе путешественники. Изъ нихъ особенно выдается Hara-Kiri или самоубійства, встрѣчаемые и теперь очень часто.

500 лѣтъ ранѣе религія Будды была введена въ Китай и древніе идолы были разбиты. Эта примитивная форма религіи, которую буддизмъ до сихъ поръ совершенно еще не замѣстилъ, кажется состоитъ въ оботвореніи силъ природы и апоѳеоза великихъ королей и героевъ [1]).

Мы знаемъ отъ нѣкоторыхъ послѣдователей Ксавье, что Буддизмъ былъ раздѣленъ на двѣ большія секты, большая по количеству называлась Xodoxins и преклонялись, какъ божеству, Amida; вторая называлась Foqueus, отъ книги Foque, содержащей въ себѣ ихъ откровеніе, писанное на иностранномъ языкѣ,—и поклонялась Хаса или Xagua (Sankya). Диксонъ полагаетъ, что бонзы, буддійскіе священнослужители, тогда были въ полной силѣ своей власти [2]); иного мнѣнія объ этомъ отцы іезуиты того времени,—по ихъ мнѣнію бонзы въ то время много потеряли и въ своемъ вліяніи и въ доходахъ. Теперь они существовали главнымъ образомъ подаяніями и заработковъ съ церковной службы. По словамъ Ксавье, наибольшее число училищъ страны и воспитаніе юношества было до сихъ поръ въ ихъ рукахъ.

Въ Японіи, какъ въ Индіи и Китаѣ, существовала матеріалистическая школа философіи. Она принадлежала только высшему классу и держалась въ тайнѣ. Японцы, пишетъ Ксавье, превосходятъ всѣхъ народовъ, которыхъ онъ встрѣчалъ, въ честности. Они чистосердечны, откровенны, довѣр-

---

[1]) See an interesting article of Father Mounicou, a Catholic missionary, in Japan, on „Mythologie Japonaise“, Revue de l'Orient, Feb. 1863; also the Introduction of M. Klaproth to the „Annales des Empereurs du Japon“, traduites par M. Isaac Titsingh, Paris, 1834; and „Japan Travels and Researches“, by J. J. Rein, translated from the German. London, 1881, p. 443.

[2]) „Japan“, by Walter Dickson. Edinburgh, 1869.

чивы, любятъ почетъ и славу. У нихъ страсть носить оружіе, они бѣдны, питаются рисомъ и спиртной жидкостью, получаемой изъ него; но они довольствуются этимъ и высшій классъ пренебрегаетъ богатствомъ плебея. Далѣе, онъ говоритъ съ восхищеніемъ о томъ, что почти каждый японецъ читаетъ и что ихъ способъ изложенія идей письмомъ поражаетъ его болѣе чѣмъ наши голосовые символы, такъ какъ народъ, говорящій на различныхъ нарѣчіяхъ, по китайски и по японски, равно сильно способенъ понимать тѣже знаки. Далѣе, Ксавье замѣчаетъ, что народъ любознателенъ, скроменъ, и готовъ подчиниться силѣ доказательства. Какъ только Ксавье научился достаточно ихъ языку, чтобы быть въ состояніи говорить на немъ, онъ принялся за свою миссію. Анжеро, только что, обратилъ нѣсколькихъ невѣрныхъ, среди родственниковъ и друзей своихъ домашнихъ, но эти попытки повидимому не вызвали большой оппозиціи и даже первыя проповѣди Ксавье возбудили болѣе вниманія, чѣмъ противорѣчія. Въ первый разъ въ Японіи онъ проповѣдывалъ Бога, названіе св. Троицы, создателя Вселенной и указалъ на матеріалистическую тенденцію будизма. Его прежнія лекція въ коллегіи St. Barbe (въ Варвары) въ Парижѣ принесли ему, безъ сомнѣнія, много пользы. Вскорѣ Ксавье имѣлъ свиданіе съ Satsum'скимъ королемъ, простившимъ проступокъ Анжеро и снабдившимъ Ксавье указомъ, позволявшимъ его подданнымъ свободно переходить въ христіанство. 13-го ноября 1549 года Ксавье выписываетъ трехъ лучшихъ миссіонеровъ къ себѣ, находя что расположеніе японцевъ благопріятно къ воспринятію Евангелія. Онъ также упоминаетъ, что два бонза намѣрены отправиться въ Гоа, учиться въ коллегію святой вѣры. Второе его письмо получено почти на годъ позже; онъ провелъ это время изучая японскій языкъ, на который онъ перевелъ главные принципы вѣроисповѣданія и короткое объясненіе созданія міра. Онъ обратилъ въ христіанство около 100 человѣкъ, но король Satsum'ской началъ коситься на Ксавье и его товарищей, потому что португальскіе корабли, которые прежде приходили всегда въ Kagosima, теперь пошли къ Firando[1]), обогащая тѣмъ его врага. По словамъ Mr Dickson'a, Kagosima неудобное мѣсто для большой торговли, выдаваясь слишкомъ далеко въ море, и перерѣзанно рядомъ высокихъ хол-

[1]) Solier, liv. ii. chap. iv.

мовъ съ внутренней стороны. Тѣмъ не менѣе этотъ случай расположилъ короля въ пользу бонзъ, указавшихъ ему всю опасность отказа народа отъ религіи своихъ предковъ, и онъ приказалъ казнить смертью всѣхъ, кто приметъ христіанство. Этотъ невозможный указъ заставилъ Ксавье съ товарищами переселиться изъ Kagosima въ Firando, но такъ какъ они еще не совсѣмъ хорошо говорили на ихъ нарѣчіи, то не могли обратить въ христіанство болѣе 100 человѣкъ. Тогда они отправились въ Amanguchi резиденцію могучаго туземнаго принца. Но проповѣди Ксавье, въ началѣ слушавшіяся съ любопытствомъ, теперь встрѣчались насмѣшливо. Тогда онъ отправился съ однимъ изъ своихъ товарищей ордена Джономъ Фернандецомъ и крещенымъ японцомъ въ городъ Meaco (Kioto), о громадности народонаселенія, университетѣ, съ его сотнею коллегій, онъ такъ много слышалъ. Такъ какъ страна находилась въ состояніи военныхъ тревогъ, то онъ, для безопасности пути, нанялся въ служители къ сановнику, съ которымъ, послѣ двухмѣсячнаго путешествія, достигли наконецъ Meaco. По показанію его біографовъ, его проповѣди были встрѣчены насмѣшками, на улицахъ его провожали свистками, большая же часть людей считала его помѣшаннымъ. Городъ оказался полуразрушеннымъ съ очень уменьшеннымъ народонаселеніемъ, вмѣсто 180,000 только 100,000. Ксавье былъ въ отчаяніи, узнавъ, что Микадо не могъ оказать содѣйствія въ проповѣданіи Евангелія въ своихъ владѣніяхъ; такъ какъ іезуиты всегда старались болѣе вліять на великихъ міра сего, не потому что, какъ они заботливо замѣчали, души великихъ міра были дороже имъ, но потому что ихъ вліяніе могло полезно дѣйствовать на души остальныхъ Ксавье не добился аудіенціи Микадо. Онъ оставилъ городъ черезъ 15 дней, признавъ за ошибку то, что онъ явился къ совершенно чужимъ ему людямъ въ томъ скромномъ одѣяніи, которое онъ до сихъ поръ продолжалъ носить. Нищета, смиреніе и самоотрѣченіе были въ такомъ же пренебреженіи въ Японіи тогда, въ какомъ они теперь въ Англіи. Сообразуясь съ этимъ онъ надѣлъ богатое одѣяніе эклезіаста, его ронго и явился во дворецъ короля Amanguchi'нскаго, сопутствуемый слугами несущими дары и съ вѣрительными граматами посла отъ отъ вице-короля Индіи и епископа изъ Гоа. Отказавшись отъ взаимныхъ подарковъ, онъ удовольствовался заполучивъ указъ, позволяющій ему проповѣдывать Евангеліе въ границахъ королевства. Король отдалъ

въ его распоряженіе незанятый монастырь; здѣсь Ксавье два раза въ день читалъ поученіе о японской религіи. Его чтенія бывали многолюдны, ихъ посѣщали бонзы, высшій классъ и простолюдины. Въ концѣ каждаго чтенія, онъ отвѣчалъ на замѣчанія, дѣлаемыя ему, и, по его словамъ, съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Онъ замѣчаетъ, что лица, болѣе рѣзко оппонировавшія ему, были изъ первыхъ, перешедшихъ въ христіанство, сдѣлались его лучшими друзьями и открыли ему особенности ученія различныхъ религіозныхъ сектъ. День и ночь его окружала толпа неотступныхъ вопрошателей, а высшій классъ призывалъ къ себѣ, ради удовлетворенія своего любопытства. Результатъ двухъмѣсячныхъ побѣдъ заключался въ обращеніи въ христіанство или по крайней мѣрѣ въ крещеніи пяти сотъ человѣкъ.

Въ длинномъ описаніи этихъ острововъ Ксавье говоритъ, что японцы не могли переварить ученія, что люди шли въ адъ безъ надежды когда нибудь оттуда выйти или смягчить Бога. Въ этомъ отношеніи они находили, что ихъ религія лучше понимала Божество. Обращенные имъ Amanguchi, были опечалены ужаснымъ сомнѣніемъ. „Они не понимали, какъ Богъ, будучи Благимъ и Милосерднымъ, никогда до сихъ поръ не заявилъ о своемъ пришествіи народу Японіи, тѣмъ болѣе, что всѣ, кто не поклонялся Ему, какъ истинному Богу, по словамъ проповѣди, должны были безконечно страдать въ мукахъ ада. Такимъ образомъ ихъ предки, были введены въ заблужденіе отъ незнанія истины и теперь страдали въ вѣчныхъ мукахъ“. Новообращенные христіане съ слезами на глазахъ спрашивали, неужели болѣе нѣтъ никакой надежды спасти ихъ умершихъ отцовъ? Ксавье, не сомнѣвающійся въ этомъ, не имѣлъ возможности ихъ утѣшить. Онъ еле удерживался отъ слезъ, хотя, по его словамъ, онъ былъ въ состояніи дать имъ достаточно благопріятный отвѣтъ на ихъ замѣчанія.

Обольщеніе, вносимое Ксавье этому народу, очень походитъ на обольщеніе, существовавшее въ это время среди римско-католическаго духовенства. Скандальная жизнь бонзъ, ихъ частое нарушеніе клятвы безбрачія, зависть между различными орденами, продажа отпущенія грѣховъ, напоминаютъ тезисы Лютера и Тетцеля. Ксавье обвиняетъ бонзъ въ ужасныхъ порокахъ, въ которыхъ они можетъ быть и не во всѣхъ были виновны. Апостолъ изучалъ религіозные догматы своихъ оппонентовъ для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, иначе его

ученіе не могло бы быть вполнѣ успѣшно. Ксавье былъ настолько мало знакомъ съ ученіемъ браминовъ, что, послѣ болѣе годоваго пребыванія въ Индіи, онъ воображалъ, что индусы не вѣрили въ безсмертіе души. Онъ оставилъ Японію 20-го ноября 1551 года, послѣ 28-го мѣсячнаго своего пребыванія въ этой странѣ.

При возвращеніи своемъ въ Гоа, Ксавье нашелъ тамъ полное смятеніе. Лица, которыхъ онъ оставилъ вмѣсто себя главами миссіи, пересорились; подчиненные ихъ не повиновались имъ, финансы были въ дурномъ состояніи и одинъ изъ лучшихъ его товарищей миссіонерства былъ убитъ туземцами. Ксавье ради самаго себя не любилъ власти; онъ предпочиталъ быть странствующимъ миссіонеромъ въ Японіи господству надъ священнослужителями и надъ обращенными въ христіанство индусами въ Гоа. „Мои волосы“, пишетъ онъ, „почти всѣ сѣдые; тѣмъ не менѣе я никогда еще не былъ такъ здоровъ и силенъ“. Ему теперь было 45 лѣтъ отъ роду.

Такъ какъ всѣ авторы, которыхъ мнѣ приходилось до сихъ поръ читать, ложно понимали и ложно передавали всѣ послѣдующія событія, то будетъ не лишне на этомъ мѣстѣ его исторіи остановиться и болѣе подробно разобрать ее. Ксавье, въ своихъ разсужденіяхъ съ японцами, постоянно встрѣчался съ вопросомъ: какъ можетъ быть священная исторія истинной, если она могла быть неизвѣстна ученымъ Китая; тогда какъ китайскіе миссіонеры обратили Японію въ буддизмъ и учили народъ философіи и исторіи. Тогда Ксавье рѣшился ѣхать въ Китай и тамъ нанести ударъ въ самое сердце этого могучаго предразсудка. Устроивъ дѣла миссіи, насколько могъ лучше, Ксавье оставилъ Гоа 14 апрѣля 1552 года и направился въ Малаку съ однимъ купцомъ Джаксомъ Перейра, котораго вице-король Индіи назначилъ посланникомъ и который не пожалѣлъ своего состоянія, чтобы набрать съ собой достодолжные подарки и вооруженія. Кромѣ Перейра, апостолъ имѣлъ съ собой еще трехъ спутниковъ и китайскаго переводчика. Въ Малаккѣ Ксавье задержался не надолго изъ за Перейра, который отправился на Зундскія острова, чтобы забрать тамъ перецъ и другія спеціи, для перевоза въ Китай. По возвращеніи Перейры, губернаторъ, Don Alvaro Atayde, вслѣдствіе отказа со стороны Перейры въ деньгахъ (Lucena), отнесся къ нему враждебно, снялъ съ корабля руль и запретилъ его миссію. Ксавье, послѣ тщетныхъ стараній побѣдить упрямство губернатора, ходатайствомъ генеральнаго викарія,

показалъ указъ папы, назначающій его нунціемъ всей Индіи. Эту бумагу онъ десять лѣтъ скрывалъ отъ всѣхъ, какъ саблю въ ножнахъ. Но все было напрасно, запрещеніе съ Перейра не было снято. Тѣмъ не менѣе Ксавье поѣхалъ на кораблѣ Перейра. Часть товаровъ Перейры перешли къ Ксавье. Законы Китая были такъ строги по отношенію къ чужестранцамъ, что Ксавье по пріѣздѣ на островъ San-cian, предлагалъ на 300 золотыхъ монетъ перцу за то, чтобы кто-нибудь сталъ его проводникомъ по Китаю и никто не согласился. Не смотря на разстояніе полудневнаго плаванія отъ Sancian'a отъ Кантона, Ксавье не могъ проникнуть туда въ теченіе мѣсяца, не смотря на искреннее желаніе къ тому. Въ это время онъ жаловался португальскому королю и получилъ папскую граммоту, отлучающую отъ церкви малаккскаго губернатора.

Если бы Ксавье удалось попасть въ Китай, онъ рѣшился на отчаянный шагъ: идти прямо къ главному мандарину Кантона, передать ему письмо епископа Гоаскаго и объяснить ему, что онъ пришелъ научить императора закону Божію. „Я зналъ грозившую мнѣ опасность, но что можетъ сравниться съ опасностью прогнѣвить моего Господа, по повелѣнію Котораго я принялъ на себя это дѣло".

San-cian было мѣсто встрѣчи китайскихъ и португальскихъ купцовъ. Всѣ другіе корабли проходили мимо, выгрузивъ свои товары. Ксавье приказалъ построить хижину, для совершенія богослуженія. Изъ его писемъ отъ 22-го октября 1552 г. мы знаемъ что онъ былъ боленъ, вѣроятно, перемежающейся лихорадкой. Время года было нездоровое, болѣзнь возвращалась, корабельная качка усиливала его страданія [1]) и потому онъ приказалъ перенести себя въ набережную хижину. На третій день послѣ своего переселенія, въ полночь 2-го декабря 1552 года, Францискъ Ксавье умеръ.

Онъ былъ похороненъ морской командой, вблизи морского берега въ священнослужительскомъ одѣяніи. По отчетамъ, ко-

---

[1]) Lucena (tomo iv. liv. x. cap. xxvii., p. 392), and other biographers, say he left the ship, though the narrative of Melchior Nunez would lead us to suppose that he died in the ship (see „Epistolæ Indicæ", pp. 200, 201). At a later time a chapel was erected on the place where he died, which, it is reported, the Chinese have recently plundered, out of hostility to the French, who have long assumed the part of protectors of the Chinese Christians.

торые достигли Гоа, его остатки были положены въ гробъ и засыпаны негашеной известью, чтобы тѣло скорѣе сгорѣло и чтобы они могли перевезти его кости въ Малаку. Они отправились съ новостями, что апостолъ Индіи умеръ въ виду обѣтованной земли Китая. Три съ половиною мѣсяца спустя тотъ же корабль изъ Малаки отправился въ San-cian, чтобы открыть его гробъ. Они нашли тѣло въ такомъ видѣ, что онъ какъ будто бы только что умеръ: „одежды не поврежденны и цвѣтъ кожи—цвѣтъ живаго человѣка, испаряющій пріятный ароматъ. Они сдѣлали надрѣзъ на рукѣ, который показалъ живое тѣло, при чемъ получился пріятный ароматъ“. Тѣло отвезли въ Малаку, гдѣ оно было принято громадной толпой, которая и несла его до могилы. Чрезъ короткое время послѣ этого гробъ былъ тайно вскрытъ и тѣло перевезено въ домъ Перейра. Чрезъ 9-ть мѣсяцевъ его на кораблѣ отправили въ Гоа, гдѣ разсказъ о чудѣ произвелъ сенсацію.

Мельхіоръ Нунецъ, наслѣдовавшій Ксавье, какъ глава миссіи выѣхалъ на лодкѣ встрѣтить святое тѣло. „Наученный“, пишетъ онъ, „примѣромъ апостола Ѳомы, я тоже захотѣлъ самъ видѣть, ощущать, держать въ рукахъ его тѣло, чтобы удостовѣриться самолично въ истинѣ народнаго говора. Тѣло до сихъ поръ было нѣжно, мягко, неиспорчено и выдѣляло изъ себя самый пріятный запахъ“. Тѣло было снято съ корабля на глазахъ громадной толпы при грохотѣ орудій и отнесено съ громадной процессіей въ церковь. Вице-король Индіи встрѣтилъ его, когда процессія проходила мимо, преклонивъ колѣна. Тѣло было на 3 дня выставлено предъ народомъ и тогда погребено въ церковномъ склепѣ пятнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ смерти. Нѣтъ сомнѣнія въ исторической точности этого страннаго разсказа. Первые іезуитскіе историки, хотя довѣрчивые и съ предразсудками, были честны и чистосердечны. Публичные похороны были совершены въ столицѣ португальскихъ владѣній въ Индіи. Когда это извѣстіе дошло до Джона III, короля Португаліи, онъ приказалъ сдѣлать разслѣдованіе, которое и было произведено высшими чинами Индіи, юридическимъ способомъ. При этомъ ничего нѣтъ удивительнаго, что католики относятся къ этому случаю, какъ лучшему выраженію всѣхъ чудесъ, происходящихъ въ ихъ церкви и что апологеты католической церкви воспользовались этимъ случаемъ для затрудненія протестантскими толкователями спорныхъ вопросовъ. Мы имѣемъ письма четырехъ

очевидцевъ, а Peter Maffaeus говоритъ намъ, что онъ разговаривалъ съ пятымъ въ Римѣ [1]).

За неимѣніемъ мѣста, мои собственныя объясненія этого случая должны быть выражены относительно кратко. Не могло ли случиться, что корабельная команда вмѣсто того, чтобы посыпать тѣло не гашенной известью, посыпало его какимъ-либо инымъ сильнымъ составомъ, найденнымъ на кораблѣ съ цѣлію набальзамировать трупъ? Это объясненіе напрашивается, въ виду показанія историковъ, что тѣло издавало ароматъ; но бальзамированіе требуетъ удаленія внутренностей и хотя бы оно не сдѣлано было искусными руками, слѣды разрѣзовъ будутъ видны. Наиболѣе удовлетворительнымъ могло быть то объясненіе, что трупъ былъ набальзамированъ; при чемъ лучше всего было вынуть внутренности брюшной полости надрѣзомъ въ спинѣ, продолженнымъ вверхъ позади ложныхъ реберъ. Мозгъ могъ быть удаленъ скальпированіемъ и трепанаціей. Полости могли быть наполнены спеціями и кожа зашита. Если мы соберемъ слѣды, оставленные болтовней старыхъ писателей, но которые пропускаются ихъ послѣдователями, то мы находимъ, что слѣдовъ было гораздо болѣе, чѣмъ можно было ожидать.

По свѣдѣніямъ Мельхіора Нунеца [2]), по вскрытіи, тѣло подверглось самому тщательному обслѣдованію. Оно, по соблюденіи похоронъ по католическому обряду, было погребено по обычаю малакскому: втиснуто въ небольшую могилу деревяннымъ молоткомъ. Какъ онъ, такъ и Jarric, Tursellinus и Maffaeus всѣ согласны, что когда могила была открыта въ Малакѣ, въ ней была кровь, которая по словамъ Tursellinus, издавала замѣчательно пріятный ароматъ, не только запахъ крови, но запахъ святости (ut illae oder non tam sangvinis videretur esse, quam sanctitatis).

При юридическомъ разслѣдованіи чудесъ Ксавье, было спрошено нѣсколько очевидцевъ, которые видѣли тѣло прежде, чѣмъ оно было погребено въ послѣднюю свою могилу въ Гоа. Между ними мы имѣемъ свидѣтельство вице-королевскаго доктора Cosmo Sairania, которое здѣсь переведено Jarric. Онъ удостовѣряетъ:

„Что когда тѣло отца Франциска Ксавье привезли въ городъ Гоа, я пошелъ его посмотрѣть. При осмотрѣ я повсемѣстно дотрогивал-

---

[1]) This was the one who had opened the coffin at Malacca. Maffæus, „Historiarum Indicarum“, Lugduni, 1589, lib. xv.

[2]) „Epistolæ Indicæ“, p. 203.

ся до него, особенно ощупывалъ животъ, гдѣ я не нашелъ никакихъ слѣдовъ бальзамировки, или чего либо другого для сохраненія его отъ гніенія. Я нашелъ отверстіе или рану на лѣвой сторонѣ ближе къ области сердца и предложилъ двумъ братьямъ его общины вложить въ рану пальцы и когда это было сдѣлано, то изъ ранки выступило нѣсколько капель крови, которую я самъ обонялъ и чувствовалъ пріятный запахъ. Бедра и другія части тѣла были цѣлы, также и кожа, такъ что по законамъ физики или медицины они естественно не могли сохраниться, принимая во вниманіе, что онъ уже полтора года какъ умеръ и почти годъ лежалъ въ землѣ".

„Я свидѣтельствую, что это правда, клятвой моей профессіи".

„Выдано въ Гоа 18-го ноября 1556 года".

Турселлинусъ прибавляетъ удостовѣреніе инквизитора Амброзія Дерибера, который говоритъ, что изслѣдованіе было произведено при свѣтѣ свѣчей и что тѣло не было обнажено. Онъ упоминаетъ о ранѣ на животѣ и что-то въ родѣ раны на бедрѣ. Вспоминая, что медики того времени не были знакомы съ искусствомъ перкуссіи, заявленіе врача можно пройти, не обвиняя его ни въ чемъ болѣе, какъ въ осторожномъ желаніи обойти возможность оскорбленія инквизиціи. И такъ мы перечислимъ всѣ поврежденія, замѣченныя на трупѣ:

I) Былъ разрѣзъ на грудной клѣткѣ надъ областью сердца (Dr. Cosmo Sairania).
II) Разрѣзъ на животѣ (Ambrose Ribera Inquisitor).
III) Вырѣзанный кусокъ изъ бедра (Tibera and Bouhours).
IV) Кусокъ, вырѣзанный изъ руки (Nunez).
V) Различные ушибы на тѣлѣ (Nunez).
VI) Изліянія изъ лица (Bartoli).
VII) Изліянія изъ обоихъ плечъ (Tursellinus).

Соглашаясь, что инквизиторъ, въ своемъ торопливомъ изслѣдованіи, принялъ брюшную полость за грудную и что, такимъ образомъ, на тѣлѣ была одна рана спереди, все таки довольно ясно, что все было обдѣлано болѣе топорно, чѣмъ бы слѣдовало. По этому мы можемъ скорѣе повѣрить, что тѣло было набальзамировано, нежели вѣрить, что законы химическаго разрушенія были чудесно пріостановлены въ останкахъ Франциска Ксавье.

Повидимому многіе изъ народонаселенія Гоа подозрѣвали, что тѣло было безъ внутренностей и набальзамировано [1]), но изслѣдованія врачей опровергало это .и на сверхъестественное сохраненіе тѣла Ксавье смотрѣли, какъ на проявленіе величайшаго чуда въ области католической церкви.

---

[1]) Jarric: „Histoire des Indes Orientales", liv. i. p. 294. „Epistolæ Indicæ", p. 479.

Нетрудно угадать, кто были авторы всего этого: Джемсъ Перейра и Суперкарга (судовой прикащикъ). За это говорятъ: прямой ихъ личный интересъ въ успѣхѣ петиціи Ксавье къ королю, — опасенія разоренія вслѣдствіе потери вліянія при дворѣ,—смерть Ксавье на ихнемъ кораблѣ,—похороны и вырытіе тѣла Ксавье людьми Перейры,—тайное отрытіе тѣла и содержаніе его у себя дома Перейрою и затѣмъ отправка его въ Гоа. Перейра своего достигъ. Потерявъ значеніе у свѣтской власти, онъ отдалъ себя покровительству знаменитаго миссіонера и достигъ торжества мести надъ малакскимъ губернаторомъ. Don Alvaro Atayde въ цѣпяхъ былъ посланъ въ Гоа, откуда его отправили въ Лиссабонъ, гдѣ онъ и умеръ въ тюрмѣ. Перейра былъ вознагражденъ за свои потери и облагодѣтельствованъ милостями короля. Неосторожныя показанія Нунеца и другихъ священниковъ, которыя повѣтствовали объ этомъ фактѣ, заставляютъ насъ предполагать, что они не знали обмана, разыгранаго надъ ними. Чудесное нетлѣніе святого тѣла не было новымъ чудомъ. Нѣсколько подобныхъ случаевъ разсказаны, въ церковной исторіи. Говорятъ, тѣло St. Olaus Парижскаго осталось нетлѣннымъ. Мы не должны также забывать и того повѣрья, что сердце Жанны д'Аркъ не поддавалось огню, пламя котораго легко сожгло ея тѣло. Въ тѣ времена подлоги и мифы были обыденны; а фабрикація святыхъ мощей, чудотворныхъ крестовъ и другихъ религіозныхъ обмановъ, въ области католицизма, была одной изъ главныхъ причинъ появленія реформаціи. Въ 1778 году была отрѣзана отъ тѣла Ксавье рука и послана въ Римъ, а во время карнавала въ 1782 году все тѣло было выставлено передъ народомъ, въ продолженіи трехъ дней. Очевидецъ передаетъ, что оно еще тогда было нетлѣнно, но высохло и сморщилось[1]). Внутренностей недоставало.

Могилу Ксавье до сихъ поръ можно видѣть въ старомъ Гоа, она представляетъ собой предметъ религіознаго поклоненія португальцевъ и туземныхъ христіанъ Малабарскаго берега. Естественно, это вѣрованіе явилось результатомъ напряженнаго стремленія поддержать вѣру въ нетлѣнные остатки Ксавье. Кто, ближе изучалъ исторію іезуитовъ въ Индіи, тотъ пойметъ поступокъ португальскаго короля, пославшаго коммиссію для разслѣдованія главныхъ фактовъ изъ жизни миссіонера, причисленнаго къ лику святыхъ. Самъ Ксавье, ис-

[1]) See Journal Historique et Littéraire. Luxembourg, tome clxxix 1-ère Mars, 1788, p. 323.

ключая одного двусмысленнаго мѣста въ его письмахъ [1]), не упоминаетъ ни объ одномъ поразительномъ чудѣ, такъ легко относимомъ къ его личности его послѣдними біографами. Кто прочтетъ удивительные разсказы, о дѣйствіи канонизаціи св. Франциска Ксавье, 100 лѣтъ послѣ его смерти, будетъ немного удивленъ, услышавъ, какъ его послѣдователь въ Гоа, Мельхіоръ Нунецъ, говоритъ объ этихъ необыкновенныхъ дѣяніяхъ нѣсколько лѣтъ послѣ того времени, когда они были совершаемы:—„Многое о немъ сдѣлалось извѣстнымъ только послѣ его смерти“. Что это такое? Какой то John d'Eiro, говорилъ Нунецу, что Францискъ Ксавье, обладалъ даромъ пророчества и часто угадывалъ его (d'Eiro) мысли, — что Ксавье на Коморинскомъ мысѣ воскресилъ покойника (mortuum quemdam). Нунецъ еще слышалъ отъ Анжера, что, въ бытность Ксавье, въ Японіи, онъ возвратилъ зрѣніе слѣпому. И это все! Вѣроятно, что Люцена заботился только наполненіемъ фактами своего отчета и не обратилъ вниманія на разслѣдованіе дѣлъ въ Японіи и Каморинскомъ мысѣ.

Католическіе миссіонеры поучали и проповѣдывали христіанскую вѣру, при поддержкѣ политической интриги іезуитовъ и могущества португаліи въ Гоа. Нѣкоторые изъ первыхъ послѣдователей апостола Индіи достойно слѣдовали его геройскому примѣру и раздѣляли его прекрасныя качества. Между ними можно цитировать Matthew Ricci, Adam Schaal и Emanuel Diaz, который и началъ китайскую миссію и Jerome Xavier, жившаго въ Agra при дворѣ великаго Akber (Акбера).

Въ настоящее время, мы не пойдемъ далѣе въ исторіи іезуитской миссіи на востокѣ. Единственный видимый результатъ такого сильнаго религіознаго усердія и мірового искусства представляютъ собой туземные христіане католики, оставшіеся на Малабарскомъ берегу и въ Цейлонѣ, а также народонаселеніе Филиппинскихъ острововъ и Китайцы—христіане. Очеркъ исторіи церкви, созданной Ксавье на японскихъ островахъ, изданъ въ моемъ сочиненіи, „The Hundred Years op Christianity in Japan“, въ 260 номерѣ Quarterly Review.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

---

[1]) См. letter dated Cochin, 12th January, 1544.